

**Лексико-семантическая интерференция
в процессе перевода
(на материале русского и польского языков)**

ACTA UNIVERSITATIS WRATISLAVIENSIS No 3379

Bogumił Gasek

Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода

**(на материале русского
и польского языков)**

Wrocław 2012
Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego

Recenzent
Andrzej Sitarski

Redaktor Wydawnictwa
Małgorzata Heidrich-Sowińska

Opracowanie techniczne
Paulina Handtke

Projekt okładki
Magdalena Kocińska

Praca sfinansowana ze środków Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Wrocławskiego

© Copyright by Bogumił Gasek
and Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o.o., Wrocław 2012

ISSN 0239-6661
ISBN 978-83-229-3268-1

Publikacja przygotowana w Wydawnictwie Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o.o.
50-137 Wrocław, pl. Uniwersytecki 15
tel./fax 71 3752507, e-mail: marketing@uwur.com.pl

Содержание

Введение	7
Глава 1. Вопрос о билингвизме	17
1.1. Понятие билингвизма	17
1.2. Типология билингвизма	20
1.3. Переводческий билингвизм	27
Глава 2. Интерференция	31
2.1. Понятие интерференции	31
2.2. Интерференция в языке и речи	32
2.3. Интерференция и конвергенция	33
2.4. Положительная и отрицательная интерференция	34
2.5. Близость языков и интерференция	39
2.6. Переводческая интерференция	41
Глава 3. Интерференция на отдельных уровнях системы языка	43
3.1. Звуковая интерференция	43
3.2. Грамматическая интерференция	45
3.2.1. Морфологический уровень	46
3.3. Лексико-семантический уровень	50
Глава 4. Лексико-семантическая интерференция	56
4.1. Внутриязыковой уровень	56
4.2. Понятие денотативного, прагматического и коннотативного значений	59
4.3. Межъязыковая омонимия	63
4.3.1. Типология межъязыковой асимметрии	65
4.3.1.1. Внеположенность	66
4.3.1.2. Равнообъемность	70
4.3.1.3. Перекрещивание	76
4.3.1.4. Подчинение	77
4.3.1.5. Недифференцированность	81
4.4. Сочетаемость слов и интерференция	88
4.5. Субстандарт, разговорная лексика и интерференция	93
4.6. Потенциальные положительные интерференты	108
4.7. Интерференция на уровне фразем	118
4.8. Интерференция и естественность текста перевода	127
4.9. Интерференция и процесс преподавания языка	132
4.10. Двуязычные словари и проблема интерференции	134
4.11. Интерференция и культурно-страноведческие факторы	144
4.12. Интерференция и направление перевода	165
Заключение	171

Условные сокращения	179
Библиография	181
Streszczenie	194
Summary	196
Именной указатель	198

Введение

Перевод относится к древнейшим видам человеческой деятельности. Его появление связано с моментом возникновения разноязычных коллективов как ответ на необходимость преодоления межъязыкового барьера¹. Первичным следует считать устный перевод, а первыми переводчиками – взятых в плен членов другого, враждующего племени. Вполне возможно, что ими были женщины, которых по древнему обычаю крали в качестве невест, а те со временем усваивали язык мужа, и привлекались в качестве переводчиков при контактах с другими языковыми коллективами. Позже в качестве переводчиков работали разного рода билингвы. Переводчики специально обучались в древнем Египте и Шумере. В средневековье на центральный план была выдвинута проблема перевода Священного Писания. В эпоху Великих географических открытий функцию переводчиков часто осуществляли представители покоренных народов, которые освоили язык завоевателей, как, например, два члена племени ирокезов, вывезенные французским землепроходцем Жаком Картье во Францию, откуда они вернулись на свою историческую родину после восьмилетнего пребывания и изучения языка, чтобы выполнять работу переводчиков². Со временем перевод стал охватывать все новые сферы человеческой деятельности – возник письменный перевод, перевод художественной литературы, потом научно-технической, экономической и др.

На протяжении веков о переводе высказывались сами переводчики (среди которых можно отметить реформатора католической церкви Мартина Лютера, автора оригинального, «осваивающего» перевода Библии на немецкий язык), великие философы и мыслители (Цицерон, Гораций, св. Иероним, Данте, Эразм, В. Гумбольдт), а также писатели (Гете, Сервантес, Пушкин, Гоголь)³. Предпринимались многочисленные попытки сформулировать некий набор советов и рекомендаций для переводчиков – своеобразные «переводческие заповеди» провозглашали, в частности, Этьен Доле и А. Тайтлер. Однако все эти размышления, «высказывания переводчиков

¹ В.Н. Комиссаров, Современное переводоведение. Курс лекций. М., 1999. С. 81.

² Ср.: М. Tryuk, Przekład ustny środowiskowy. Warszawa, 2006. С. 54.

³ Ср.: С.И. Лебединский, В.В. Ревницкий, А.М. Забелло, Теория и практика перевода. Минск, 2001. С. 8.

о переводе, принципы и критерии оценки перевода не составляли последовательной теории перевода»⁴.

В первой половине XX столетия вышло в свет несколько важных работ, посвященных вопросам перевода, которые, однако, имели характер «опытов по проблемам перевода (преимущественно художественного)»⁵, а в 40-ые и в начале 50-ых годов – несколько работ «учебно-практического или методического характера»⁶. Начало формирования научного подхода, понимаемого как попытка охватить полностью феномен перевода, дать его всестороннее описание, изучить его «как процесс, так и результат»⁷, учитывая также участников межъязыковой коммуникации, личность переводчика, тип текста и условия осуществления перевода, связано с рождением лингвистической теории перевода, что имело место в 50-ые годы двадцатого века. Тогда было опубликовано несколько основательных трудов: в 1953 году в СССР работа А.В. Федорова «Введение в теорию перевода», в 1957 в Польше книга О. Войтасевича «Введение в теорию перевода» («Wstęp do teorii tłumaczenia»), в 1958 два канадских языковеда завершили работу над книгой «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» («Stilistique comparée du Français et de l'Anglais»). В том же году вышло в свет знаменитое эссе Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» («On Linguistic Aspects of Translation»). С тех пор принято говорить о становлении современной науки о переводе (переводоведения)⁸.

Толчком для рождения и развития теории перевода стали процессы, происходящие после Второй мировой войны. Переселение народов, огромное число беженцев, вызвали потребность в немедленной подготовке целых армий переводчиков, которыми поневоле часто становились филологи-би-

⁴ В.В. Сдобников, О.В. Петрова, Теория перевода. М.; Владимир, 2008. С. 59.

⁵ Вслед за А.В. Федоровым мы можем перечислить следующие работы: К.И. Чуковский, А.В. Федоров, Искусство перевода. Л., 1930; Д.С. Усов, Основные принципы переводческой работы. М., 1934; К.И. Чуковский, Искусство перевода. М., 1936; К.И. Чуковский, Высокое искусство. М., 1941; А.В. Федоров, О художественном переводе. Л., 1941; О.М. Финкель, Теория и практика перевода. Харьков, 1929; Ср.: А.В. Федоров, Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.; М., 2002. С. 5.

⁶ Г.П. Сердюченко, Очерки по вопросам перевода. Нальчик, 1948; Я.И. Рецкер, Пособие к курсу перевода с французского языка. М., 1949; Вопросы теории и методики учебного перевода. Сб. статей. М., 1950; Л.Н. Соболев, Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952. Ср.: А.В. Федоров, Указ. соч. С. 5.

⁷ И.С. Алексеева, Введение в переводоведение. СПб.; М., 2004. С. 57.

⁸ В Польше используются такие термины, как: *przekładoznawstwo, teoria przekładu, translatoryka*, и, намного реже, *translatologia, traduktologia*. Ср., напр., J. Piętkos, Przekład i tłumacz we współczesnym świecie. Warszawa, 1993. С. 23. В российской специальной литературе в значении 'переводоведение' используется также термин *теория перевода*, который, однако, в более узком значении, охватывая лишь теоретические аспекты переводоведения, включается в понятие науки о переводе. Ср.: В.Н. Комиссаров, Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. С. 34.

лингвы. После войны начался распад мировой колониальной системы, что при неоднократном отказе от использования ранее доминирующих европейских языков привело к увеличению числа языков, вовлекаемых в международное общение. Кроме того, в условиях «холодной войны» сверхдержавы вели активную политику в Африке, Азии и Южной Америке, что требовало подготовки переводческих кадров, в том числе специалистов по экзотическим языкам⁹. Несомненно, появилась потребность в разработке методик подготовки переводчиков. Все перечисленные нами факторы способствовали интенсификации исследований в области перевода.

В дальнейшем можно было наблюдать огромный рост интереса к науке о переводе, что нашло свое отражение в публикации сотен научных трудов. Появлялись новые теоретические направления и концепции перевода, среди которых можно назвать: лингвистическое направление (Р. Якобсон, Ю. Найда, Ж. Мунен), лейпцигскую школу (О. Каде, А. Нойберт, Г. Егер), прагматические правила П. Ньюмарка, интегрирующую концепцию М. Снелл-Хорнби¹⁰, теорию релевантности Э.-А. Гутта, интерпретативную теорию перевода Д. Селескович и М. Ледерер, скопос-теорию¹¹ и др.

Подчеркнем, что XX столетие уже в 1955 году в первом номере журнала «Babel» было названо «веком перевода»¹². Однако высказывались скептические мнения по поводу будущего профессии переводчика – многократно говорилось о сближении культур и языков, которое со временем должно привести к исчезновению языковых барьеров¹³, о возможности появления языка международного общения (искусственного или естественного), в силу чего отпадет потребность в переводе. Сейчас можно сказать, что данные опасения оказались несостоятельными¹⁴ – перевод в начале нового столетия востребован в еще большей степени, что связано с открытием границ, глобализацией, еще большим усилением международных политических, культурных и экономических контактов. Вторая половина XX столетия – это также возникновение теории машинного перевода (МП), «которая начала зарождаться после проведения первого в мире опыта МП с русского языка на английский, который был осуществлен в январе 1954 года в Нью-Йорке в Джорджтаунском университете под руководством Л. Дорстера

⁹ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М., 2007. С. 172–173.

¹⁰ A. Pisarska, T. Tomaszewicz, Współczesne tendencje przekładoznawcze. Podręcznik dla studentów neofilologii. Poznań, 1998. С. 11–45.

¹¹ Ср.: В.Н. Комиссаров, Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М., 1999. http://www.classes.ru/grammar/113.komissarov_obshaya_teorija_perevoda.

¹² И.С. Алексеева, Введение в переводоведение. СПб.; М., 2004. С. 8.

¹³ O. Wojtasiewicz, Wstęp do teorii tłumaczenia. Wyd. 4. Warszawa, 2007. С. 95.

¹⁴ Ю.Н. Марчук, Немного о компьютерной лингвистике и машинном переводе // Мосты. Журнал переводчиков, 4/2004. С. 50–51.

(„Джорджтаунский эксперимент“ или „Опыт Дорстера“)»¹⁵. В связи с бурным развитием информационных технологий, настоящей революцией в области компьютеров, появились прогнозы о возможном замещении человека машиной¹⁶. Однако, пока рано говорить об осуществлении этих замыслов – за исключением стандартных технических и подобного рода текстов, участие человека необходимо в процессе перевода, как минимум, для подготовки текста, предназначенного для перевода, а также для постредактирования машинного перевода¹⁷. Причем до сих пор высказываются сомнения насчет возможности полной замены человека машиной в обозримом будущем¹⁸.

Современная наука о переводе включает в себя такие основные разделы, как: история перевода, общая теория перевода, частные теории перевода, методика перевода, критика перевода¹⁹. Многогранность явления перевода, разнообразие интересов науки о переводе требуют от современного исследователя максимально широкого взгляда, что придает переводоведению междисциплинарный характер – «изучение перевода проводится с позиций литературоведения, когнитивной и экспериментальной психологии, нейрофизиологии и этнографии»²⁰. Современное переводоведение характеризует множество теоретических подходов – филологический, лингвистический, коммуникативный, социо семиотический, психологический²¹, для него типична политеоретичность²². Кроме того, оно включает теоретическую базу для разработки методик обучения переводу, в связи с чем «она [теория перевода – Б.Г.] тесно смыкается с методикой обучения иностранным языкам, обращаясь к категориям, традиционно изучавшимся в русле лингводидактики, в частности, к категориям речевой деятельности, интерференции, фоновых знаний»²³.

¹⁵ Л.Л. Нелюбин, Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Учеб. пособие. М., 2009. С. 57.

¹⁶ Например, по свидетельству М. Трыук, «już w latach 80. XX w., w japońskich ośrodkach naukowych, powszechne było przekonanie, że za 20 lat każdy będzie posiadał małe kieszonkowe urządzenie, które rozpozna czyjś głos, zrozumie zdanie i wypowie je w innym języku». М. Трыук Прzekład ustny konferencyjny. Warszawa, 2007. С. 188–189.

¹⁷ А.В. Зубов, И.И. Зубова, Основы искусственного интеллекта для лингвистов. Учебное пособие. М., 2007. С. 288.

¹⁸ Ср.: напр., К. Lipiński, Mity przekładoznawstwa. Kraków, 2004. С. 98–119.

¹⁹ Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни, Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). Учебное пособие. – 2-е изд. М., 2008. С. 5–6.

²⁰ В.Н. Комиссаров, Общая теория перевода. Москва, 1999. http://www.classes.ru/grammar/113.komissarov_obshaya_teorija_perevoda/.

²¹ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Век XXI: От эмпиризма к рационализму // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 1/2008. С. 42.

²² Н.М. Нестерова, Вторичность как онтологическое свойство перевода. Диссертация на соискание научной степени доктора филологических наук. С. 9.

²³ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М., 2007. С. 173.

Современная *теория перевода* ставит перед собой следующие основные задачи: разработка классификации видов перевода, раскрытие сущности перевода, указание особенностей языковых систем и закономерностей функционирования языков, лежащих в основе процесса перевода, раскрытие воздействия на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов, разработка принципов оценки качества перевода²⁴, «постижение сущности перевода»²⁵. По словам А.Д. Швейцера, в предмет теории перевода «входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов – его социальных, культурных и психолингвистических детерминантов»²⁶. К теоретическим целям примыкают прикладные задачи, а именно: выработка методик обучения переводу, принципов составления справочников, пособий и словарей, предназначенных для переводчиков, методик редактирования переведенного текста и других практических рекомендаций, способствующих подготовке переводчика и успешному выполнению перевода. Наиболее обобщенным образом, отражающим политеоретичность интересующей нас науки, предмет современного переводоведения можно определить вслед за Н.К. Гарбовским: «в современный период существует научная дисциплина – наука о переводе или переводоведение, объект которой – перевод и которая является собой некий комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование и объяснение разных сторон этого явления соответственно с разных позиций»²⁷.

Среди потенциальных препятствий и причин ошибок в переводе почти все ученые называют интерференцию, понимаемую в соответствии с одной из многочисленных дефиниций как «взаимодействие языков при их контакте, которое приводит к проникновению элементов и свойств одного языка в систему другого языка»²⁸. Понятие *интерференции* переключалось в языкознание из физики, в которой оно обозначает взаимное наложение волн. В лингвистику его ввели ученые Пражского Лингвистического кружка, но широкое применение оно получило после выхода в свет известной монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» (1953).

Явление интерференции рассматривается в рамках лингводидактики, а также в работах, посвященных билингвизму, в том числе функционированию языка в чужом языковом окружении (например, в случае национальных меньшинств, существования доминирующего (официального) и неофициальных языков в данной стране, языковой ситуации эмигрантов).

²⁴ А. Паршин, Теория и практика перевода. <http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and-teoria-i-praktika-perevoda.htm>.

²⁵ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Век XXI... С. 46.

²⁶ А.Д. Швейцер, Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 14.

²⁷ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Век XXI... С. 45.

²⁸ Л.П. Крысин, Толковый словарь иноязычных терминов. Москва, 1998.

Интерференция, несомненно, вызывает пристальное внимание переводоведов. Почти в любой монографии или учебнике по теории перевода понятие интерференции затрагивается хотя бы косвенно.

Среди работ, касающихся интерференции в процессе перевода, следует обратить внимание на вышедший в 1989 году сборник статей «Проблема интерференции при переводе», среди которых необходимо отметить статьи: В.Н. Комиссарова «Проблема интерференции в переводе», А.Д. Швейцера «Literal Translation as a Product of Interference», А. Нойберта «Interference between Languages and between Texts», В.Г. Гака «Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе». Проблеме интерференции в процессе перевода полностью посвящена изданная в 2005 году монография В.В. Алимова «Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации)».

Именно изучению проблемы интерференции в процессе перевода посвящено данное исследование. Оно вписывается в рамки частной теории перевода, поскольку представляемая проблематика рассматривается для конкретной пары языков – русского и польского. Проблема интерференции сужена до анализа причин ее возникновения и ее проявлений на лексико-семантическом уровне системы языка.

Исследование *лексико-семантической интерференции* в процессе перевода на материале русского и польского языков является первым опытом в своей области.

Теоретической основой данной монографии послужили: труды по билингвизму (Е.М. Верещагин, Э.М. Ахунзянов, Г.М. Вишневская, Ж.П. Раку, А. Шаяхметова, М.В. Завьялова, Р. Дембски, Е. Лисовски, Э. Липиньска, Я. Цьешиньска и др.), языковым контактам (У. Вайнрайх, Ж. Багана, Е.В. Хапилина), теории перевода (Ю. Найда, Ж. Мунен, О. Каде, А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, В.И. Крупнов, В.С. Виноградов, Г.В. Чернов, Л.К. Латышев, А.Л. Семенов, И.С. Алексеева, Н.К. Гарбовский, Д.И. Ермолович, С. Влахов, С. Флорин, Л. Виссон, О. Войтасевич, К. Хейвовски, Х. Лебедзиньски, Р. Левицки, К. Липиньски и др.), разным аспектам интерференции (Л.В. Щерба, У. Вайнрайх, В.Ю. Розенцвейг, Э.М. Ахунзянов, А.Е. Супрун, Ж. Багана, Т.Б. Айтжанов, С.А. Абдигалиев, А.Е. Карлинский, Н.К. Гарбовский, В.В. Алимов, Х. Вадас-Возьны, Э. Ерановска-Гронческа, И. Бавей и др.), межъязыковой омонимии (В.В. Акуленко, Л.С. Бархударов, Н.К. Гарбовский, Д.И. Ермолович, К.Ч. Кусаль и др.), лексикографии (А.Д. Апресян, Я. Вавжинчик, Х. Бартвицка и др.), межкультурной коммуникации и культурологии (В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Г.Г. Слышкин, В.Г. Воркачев и др.), страноведения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова и др.), разговорной лексики и субстандарта (Е.А. Земская, Л.П. Крысин, М.В. Никитин, В.М. Мо-

киенко, Х. Вальтер, В.В. Химик, Е.И. Беглова, Д.М. Бузаджи, К.Ч. Кусаль, Х. Бартвицка и др.), фразематике (В. Хлебда, А. Богуславски и др.), современному русскому (Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Л. Миронюк, А.Д. Дуличенко и др.) и польскому языкам (И. Баерова, К. Ожуг и др.).

Отправной точкой для анализа проявлений интерференции являются переводы на русский язык статей из польской прессы, помещенные на сайте www.inosmi.ru, сопоставленные с исходными текстами, переводы российских статей, публикуемые еженедельником Forum, интернет-порталом www.onet.pl сопоставительно с их источниками, а также отдельные примеры, почерпнутые из контрольных работ студентов и некоторые примеры, позаимствованные у других авторов. В общей сложности при написании настоящей монографии были использованы результаты сопоставительного анализа около 370 статей с портала www.inosmi.ru, 120 статей из еженедельника Forum, а также около 70 статей с портала www.onet.pl. Из общего числа проанализированных соответствий были выбраны в качестве иллюстративного материала наиболее характерные проявления интерференции, а также отдельные примеры правильных переводческих решений. Кроме того, при сопоставительном анализе привлечены данные лексикографических источников – показания толковых словарей русского и польского языков, двуязычных и специальных словарей обоих рассматриваемых языков. В настоящем исследовании использованы результаты двух серий переводческого эксперимента, проведенного среди студентов русской филологии.

Цель настоящей монографии:

- дать исчерпывающую характеристику *лексико-семантической интерференции* в процессе перевода, указывая на главные причины ее возникновения и последствия, к которым приводят ее проявления;
- показать специфику *лексико-семантической интерференции* в процессе перевода, отвечая на вопрос об обоснованности выделения *переводческой интерференции* как отдельного явления, отличного от интерференции в ситуации билингвизма в самом широком ее понимании;
- указать специфику рассматриваемого явления для русского и польского языков;
- ответить на вопрос об основных трудностях и типичных последствиях интерференции близкородственных языков при переводе;
- указать специфику интерференции в зависимости от направления перевода;
- определить наиболее обильные источники интерференции на рассматриваемом уровне системы языка.

Подчеркнем, что использование понятия *лексико-семантической интерференции* позволяет сделать максимально широкий анализ, включающий в себя не только факты сугубо лингвистического характера, но также учет таких присутствующих в переводе элементов, как: реалии, действитель-

ность другой страны, факты культуры и ментальности. Внимание заострено не только на отдельном слове как единице перевода, но также на целостных единицах – фраземах, охватывающих словосочетания, устойчивые обороты, клише, штампы, фразеологизмы, поговорки, крылатые выражения. Результаты всестороннего изучения *лексико-семантической интерференции* будут являть собой отправную точку для формулирования выводов о возможности прогнозирования и преодоления интерференции при русско-польском и польско-русском переводе. Наряду с указанными теоретическими целями следует отметить также прикладные цели. Выявленные механизмы *интерференции* вместе с указанием ее причин и самых частотных сфер возникновения должны стать подспорьем как для кандидата в переводчики, так и профессионального переводчика. Анализ лексикографических источников с учетом двуязычных словарей призван помочь избежать определенных ошибок при составлении новых словарей, поспособствовать пересмотру взглядов на построение типичной словарной статьи, позволить осознать изучающему иностранный язык/будущему или настоящему переводчику несовершенство лексикографических источников, а также расширить знания о значении и месте словаря в работе переводчика. Нам представляется, что результаты работы могут способствовать сокращению числа типичных, выявленных в ходе работы, ошибок, а также – в более широком плане, благодаря указанию сущности интерференции и возможных областей ее появления, они могут стать отправным моментом для дальнейшей самостоятельной работы кандидата в переводчики. Кроме того, наше исследование содержит ряд методических и других указаний практического характера, которые направлены на усовершенствование процесса подготовки будущих переводчиков и развитие профессиональных навыков практикующих переводчиков.

Научная новизна исследования состоит в изучении явления *потенциальных положительных интерференентов*, попытке увязать явление интерференции с факторами культурологического, социального и страноведческого характера, а также рассмотрении интерференционного потенциала фразем (таких целостных единиц, как: словосочетания, устойчивые обороты, фразеологизмы, клише, реплики речевого этикета, стандартные формулировки, крылатые выражения).

Монография состоит из введения, четырех глав, каждая из которых разделена на пункты, заключения и библиографического списка.

В первой главе затрагивается вопрос о билингвизме как необходимым условии осуществления перевода; производится обзор отдельных типов двуязычия, которые в дальнейшем увязываются с процессом перевода; выделяется и подвергается анализу переводческий билингвизм как особый вид двуязычия.

Во второй главе представлена проблема интерференции, ее определений, отнесенности к переводческому процессу.

В третьей главе в подпунктах рассматривается интерференция на отдельных уровнях системы языка: звуковом, грамматическом и лексико-семантическом.

Четвертая глава разделена на 12 пунктов, в которых детальному анализу подвергается вопрос о лексико-семантической интерференции. В первом пункте рассматриваются потенциальные внутриязыковые причины интерференции: омонимия, паронимия, полисемия; во втором – вводятся и определяются понятия денотативного, прагматического и коннотативного значения; в третьем, разбитом на пять подпунктов – приводится типология межъязыковой омонимии вместе с подробным изучением данного явления как существенного источника интерференции; в четвертом – исследуется взаимосвязь лексической сочетаемости и интерференции; в пятом – указана обусловленность интерференции процессами изменений в современном русском и польском языках, причем главный акцент сделан на такие пласты лексики, как субстандарт и разговорная лексика; в шестом – предпринята попытка определить и показать значение явления *потенциальных положительных интерферентов* в переводческом процессе; в седьмом – анализируется интерфероносный потенциал фразем – единиц выше слова, включающих словосочетания, фразеологизмы, формулы речевого этикета, клише, разного рода формулировки, крылатые выражения; восьмой – посвящен проблеме влияния интерференционных процессов на естественность восприятия текста перевода; девятый – содержит краткий обзор причин интерференции, заложенных в процессе преподавания языка; в десятом – произведен анализ больших двуязычных словарей как возможного источника интерференции; в одиннадцатом – наше внимание заострено на проявлениях интерференции, вызванных факторами страноведческого, культурологического и социолингвистического характера; в двенадцатом пункте – отслеживается специфика интерференции в зависимости от направления перевода.

Заключение содержит основные выводы по проведенному исследованию.

Глава 1

Вопрос о билингвизме

1.1. Понятие билингвизма

Перевод немислим без *билингвизма* (или *мультилингвизма*). Следовательно, рассмотрение фактов интерференции в процессе перевода требует более подробного анализа понятия *билингвизма*. Поскольку ситуация *билингвизма* является частным случаем *мультилингвизма*, в дальнейшем мы будем говорить именно о *билингвизме* (*двуязычии*).

Двуязычие, понимаемое как «практика попеременного пользования двумя языками»²⁹, может носить массовый характер, т.е. в данной стране может наблюдаться использование двух языков в повседневной жизни, что иногда закрепляется на законодательном уровне путем введения двух государственных языков (напр. в Республике Беларусь – белорусского и русского языков)³⁰ или государственного и регионального (пример Канады). Таким образом, говоря о *массовом билингвизме*, можно выделить *национальный* и *региональный билингвизм*. Существование *массового двуязычия* следует отличать от функционирования в данной стране двух разных языков, каждый из которых является орудием общения для одной из национальных групп.

Массовый билингвизм обусловлен существованием *индивидуального билингвизма*, т.е. существованием отдельных индивидов, пользующихся двумя языками³¹. *Индивидуальный билингвизм*, в свою очередь, не всегда подразумевает наличие в данной стране *массового билингвизма*. Напротив, перевод, особенно в случае редких языков, выполняется чаще всего в условиях именно *индивидуального билингвизма*. Другими словами, *индивидуальный*

²⁹ У. Вайнрайх, Языковые контакты. Киев, 1979. С. 22.

³⁰ Ср.: Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). <http://www.belarus.net/conendru.htm>.

³¹ Как пишет Я. Цешиньска: «Z bilingwizmem indywidualnym mamy do czynienia, gdy jest on wynikiem indywidualnych losów jednostki». J. Cieszyńska, Dwujęzyczność, dwukulturowość – przekleństwo czy bogactwo? O poszukiwaniu tożsamości Polaków w Austrii. Kraków 2006.

билингвизм может быть соотнесен «с одним членом языковой общности или несколькими членами этой общности, не связанными между собой»³².

Поскольку Польша является в принципе монолингвальной страной (во всяком случае, массовый польско-русский *билингвизм* не отмечается), а в России наблюдаются факты *массового двуязычия* (русский язык и язык одного из многочисленных нацменьшинств, например татар, бурят, эвенков), но не русско-польского³³ (большинство русских польского происхождения полностью ассимилировалось; в тех центрах, где поддерживается польская культура, например, в Томске, Горно-Алтайске и других городах, польский, как правило, изучается россиянами польского происхождения в качестве иностранного языка), в дальнейшем целесообразно будет говорить об *индивидуальном двуязычии*. Однако оговорим, что по классификации Е.М. Верещагина стоило бы учесть также понятие *группового билингвизма*, понимаемого им следующим образом: «[...] если некоторое количество членов определенной языковой общности, входящих по некоторому признаку в одну социальную группу, способно употреблять в общении не только первичную языковую систему, но и вторичную, то присущее им умение с социологической точки зрения называется групповым билингвизмом»³⁴. Понятие *социальной группы* в цитируемой работе получило расширительное толкование. В него были включены «все социальные объединения, существующие в рамках единой языковой общности»³⁵, в частности, семья, религиозные общины, идеологические объединения и партии, спортсмены международного уровня, знакомые и родственники, группы по половому признаку и т.д., а также профессиональные коллективы, к числу которых принадлежат преподаватели и студенты языковых вузов, переводчики, т.е. те «социальные группы, для которых билингвизм – атрибут профессиональной подготовки»³⁶. Поскольку нельзя считать, что в качестве профессиональных переводчиков работают лишь представители *группового билингвизма*, т.е. выпускники языковых вузов, которые в основном учили язык в искусственных условиях, в дальнейшем относительно ситуации перевода мы будем пользоваться определением *индивидуальный билингвизм*.

³² Е.М. Верещагин, Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 40.

³³ Стоит отметить, что «билингвизм в целом не характерен для русской языковой ментальности», а российские билингвы – это чаще всего представители национально-русского билингвизма, т.е. представители различных национальных меньшинств (в том числе титульных этносов), проживающих на территории Российской Федерации. Ср.: А.А. Бурыкин, Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие. <http://abvgd.russian-russisch.info/articles/10.html>.

³⁴ Е.М. Верещагин, Указ. соч. С. 40.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 41.

Следует различать понятия *билингвизма* и *диглоссии*. Первое подразумевает владение двумя языками, второе – владение разными регистрами, стилями или разновидностями одного и того же языка (например, литературным языком и его диалектной разновидностью). Неразличение названных явлений приводит к построению неправильных, по нашему мнению, дефиниций *двуязычия*, примером которых может служить определение, предложенное О.С. Ахмановой: «двуязычие – одинаково совершенное владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, например, родным диалектом и литературным языком»³⁷.

Четкое определение понятия *билингвизма* вызывает большие трудности, так как данный вопрос представляет интерес для нескольких наук – психологии, социологии, психолингвистики, контактологии, лингвистики, социолингвистики. Кроме того, при построении дефиниции интересующего нас явления зачастую приходится пользоваться нечеткими понятиями. Именно поэтому существует значительное количество конфликтных дефиниций *билингвизма*.

В качестве примера мы приведем довольно лаконичное, уже цитированное нами определение, предложенное У. Вайнрайхом: «практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием»³⁸. Основным недостатком такого понимания *билингвизма* является полное игнорирование вопроса о степени владения двумя языками. Данный подход характерен также для таких исследователей, как А.Е. Супрун, понимающий *двуязычие* как умение «высказать некоторые мысли и понять некоторые сообщения на двух языках»³⁹, или Х. Вадас-Возны⁴⁰, которые склонны считать *двуязычием* попеременное пользование двумя языками, при любом (даже минимальном) уровне владения другим языком. Такого рода подход к изучению проблемы *двуязычия* является неприемлемым для наших дальнейших рассуждений, поскольку выполнение перевода, несомненно, требует владения двумя языками на достаточно хорошем уровне.

Некоторые авторы при определении *билингвизма* пользуются понятием «свободного владения языком». В качестве примера можно привести следующую дефиницию *билингвизма*: «билингвизм (двуязычие) – это свободное владение двумя языками одновременно»⁴¹. Определение такого типа в от-

³⁷ О.С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 125.

³⁸ У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 22.

³⁹ А.Е. Супрун, Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе. Минск, 1974.

⁴⁰ Ср.: H.U. Wadas-Woźny, Teoria i praktyka przekładu – wybrane zagadnienia (gramatyka porównawcza języka polskiego i rosyjskiego) / X.U. Wadas-Woźny, Избранные вопросы теории и практики перевода (сопоставительная грамматика польского и русского языков). Siedlce, 2004. С. 31.

⁴¹ Цитата по: Ж. Багана, Е.В. Хапилина, Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М., 2010. С. 19.

личие от дефиниции У. Вайнрайха учитывает очень важный фактор, которым является степень владения двумя языками. Однако следует помнить об относительном характере понятия свободного владения языком. Даже в случае носителя языка нельзя говорить о полном владении языком, т.е. умении пользоваться всеми формами существования языка и всем диапазоном регистров языка, его диалектными разновидностями и т.д. Как пишут Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко: «Дело в том, что нет человека, который владел бы даже своим родным языком с абсолютным совершенством, охватывая весь словарный состав, все стили и т.д.»⁴². Тем более, нельзя ожидать от *билингва*, что он сможет пользоваться всеми регистрами каждого из двух языков. Само понятие «свободного владения» является трудноизмеряемым и как таковое понимается лишь интуитивно.

1.2. Типология билингвизма

Существенное значение имеет деление *двуязычия* на *естественное* и *искусственное*. Мы находим ее уже в работах Л.В. Щербы. Ученый выделил два типа *двуязычия*, учитывая способ овладения языком и способность переводить. Первый тип – это *двуязычие*, при котором языки образуют отдельные системы и не контактируют между собой. Он характерен для людей, которые выучили язык у иностранных гувернанток, и у которых в связи с этим не выработался механизм перевода. Второй тип – это *двуязычие*, при котором наблюдается наличие у индивида лишь одной системы ассоциаций, образованной в результате применения «переводческого метода» обучения другому языку⁴³. Мы оговорим, что если способ усвоения языка является существенным критерием, то принятие за критерий классификации *билингвизма* способности переводить не является обоснованным. Наличие навыка переводить или его отсутствие наблюдается как у первого, так и второго типа *билингвов*, т.е. нет прямой связи между умением переводить и типом *билингвизма*. Требуется уточнения также деление *билингвов* на вышеуказанные группы. Более корректным является предлагаемое, в частности, Г.М. Вишневской⁴⁴ деление на *естественных* и *искусственных билингвов* без учета умения переводить. Принадлежащие к первой группе *билингвы* учили язык в естественных условиях, т.е., как правило, в детстве путем общения с двуязычными родителями (смешанные браки), проживая в чужеродной среде (дети иммигрантов, в том числе *монолингвов*). Вторую группу состав-

⁴² Цитата по: Э.М. Ахунзянов, *Двуязычие и лексико-семантическая интерференция*. Казань, 1978. С. 33.

⁴³ H.U. Wadas-Woźny, Указ. соч. С. 30.

⁴⁴ Г.М. Вишневская, *Билингвизм и межкультурная коммуникация* // Вестник Ивановского государственного ун-та. Вып. 1. Серия «Филология». Иваново, 2001.

ляют в основном индивиды, которые изучали второй язык в искусственных условиях, т.е. в школе, языковом вузе и т.п., причем переводческий метод часто является одним из элементов процесса преподавания языка.

Е.М. Верещагин, принимая способ усвоения умения за критерий данной типологии, выделяет наряду с *искусственным* и *естественным билингвизмом* *билингвизм синтезированный*. *Естественный билингвизм* – это «билингвизм, возникающий без целенаправленного воздействия на становление данного умения», а *искусственный билингвизм* – это «билингвизм, возникающий при условии активного и сознательного воздействия на становление данного умения (например, со стороны учителя)»⁴⁵. Главной отличительной чертой *естественного* и *искусственного билингвизма* является тот факт, что «вторичный язык в школьных условиях обучения не является средством коммуникации, а служит самоцелью, поэтому стимулом обучения, как правило, служат иные мотивы»⁴⁶. *Синтезированный билингвизм* возникает тогда, когда «естественные и искусственные условия обучения соединяются вместе»⁴⁷.

Как уже было отмечено, на практике переводчиками становятся как представители первой, так и второй группы. И у каждой из них есть свои преимущества. В случае *естественных билингвов* – это естественность произношения усвоенного в детстве языка, владение им на уровне, приближенном к уровню носителя языка. В случае *искусственных билингвов* – это выработанный навык сопоставления двух языковых систем, умение переключаться с одного языка на другой, более четкое разграничение двух языковых систем.

Вопрос о *естественном билингвизме* напрямую связан с проблемой предполагаемого равноправия двух языков. По нашему мнению, следует обратить внимание на позицию тех исследователей, которые указывают на дифференциацию функций двух языков и, следовательно, на разную степень владения ими даже в случае *естественных билингвов*⁴⁸. М.Б. Мечковская, говоря о социолингвистическом аспекте двуязычия, подчеркивает, что «два языка не могут быть функционально тождественны. Например, в семейном общении обычно преобладает один язык, хотя все члены семьи могут в принципе хорошо владеть и другим языком данного двуязычного социума»⁴⁹. Возможность достижения тождественной степени владения двумя языками полностью отвергает Ж.П. Раку, утверждая, что: «С теоретической и прак-

⁴⁵ Е.М. Верещагин Указ. соч. С. 44.

⁴⁶ Там же. С. 45.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Как правильно замечает Р. Дембски, «Dwujęzyczność nie może być bowiem rozumiana jako dwie jednojęzyczności». R. Dębski, Dwujęzyczność angielsko-polska w Australii. Języki mniejszościowe w dobie globalizacji i informatyzacji. Kraków, 2009. С. 48.

⁴⁹ Цит по: Ж. Багана, Указ. соч. С. 55–56.

тической точки зрения невозможно абсолютно одинаково совершенное знание двух языков»⁵⁰.

*Естественным билингвом*⁵¹ может быть проживающий в Польше сын русских эмигрантов. Однако, поскольку в ежедневном общении вне дома и в официальных ситуациях (вуз, учреждения и т.п.) преобладает польский язык, то даже если дома говорят на русском языке (хотя часты случаи перехода на польский, или попеременного пользования двумя языками, или говорения на смешанном языке), нельзя говорить о равной степени владения двумя языками. Взаимоотношение между двумя языками, понимаемое как степень владения каждым из них, зависит от таких факторов, как: возраст во время переезда в Польшу (чем человек старше, тем, как правило, лучше владение русским языком, и тем больше проблем с усвоением польского), тип брака (этнически однородный или смешанный), доминирующий в повседневном общении язык и т.д. Важным фактором является также круг общения – особенно в случае родившихся в Польше уже после переезда родителей – часть из них учит язык с азов в школе как иностранный (если родители полностью перешли на общение на польском языке, что характерно, прежде всего, для смешанных браков), часть общается дома на родном (русском) языке родителей, но степень владения им зависит от круга общения. Успешное овладение языком родителей (или одного из них в случае смешанного брака) более вероятно, если кроме родителей в Польшу приезжают, например, бабушка с дедом. Это продиктовано двумя факторами: во-первых, люди в пожилом возрасте с большим трудом усваивают новый язык и зачастую продолжают общение на своем родном языке; во-вторых, для полноценного формирования языковых навыков нужен контакт с большим количеством людей, чем одни только родители.

Идеальным для развития *естественного билингвизма* могло бы казаться воспитание в смешанном браке при условиях *массового билингвизма* в стране. Такие случаи можно отметить, в частности, в Латвии. В качестве примера можно взять ребенка, родителями которого являются русская и латыш, и который учится в школе, где преподавание ведется на русском и латышском языках. Следует отметить, что языковая среда также носит смешанный характер: есть латышские *монолингвы*, русские *монолингвы*, а также русско-латышские и латышско-русские *билингвы*. Однако даже при таких, почти идеальных условиях для попеременного пользования двумя языками,

⁵⁰ Ж.П. Раку, Психогенезис речи в смешанных коммуникативных средах. http://www.cnaa.acad.md/files/theses/2008/7795/jana_racu_thesis.pdf.

⁵¹ С наблюдениями самих билингвов можно ознакомиться в следующих работах: А. Макин, Французское завещание / Пер. К. Яхниной, И. Шаховской // Иностранная литература, 12/1996; E. Hoffman, Zagubione w przekładzie / Z angielskiego przeł. M. Ronikier. Londyn, 1995.; A. Wierzbicka, Podwójne życie człowieka dwujęzycznego // Język polski w świecie / Red. W. Miodunka. Kraków, 1990.

можно предполагать разный объем владения каждым из языков – индивиду легче обсуждать профессиональные или учебные темы на языке, на котором велись соответствующие школьные, а потом – вузовские дисциплины. Некоторый круг тем предпочтительнее затрагивать на языке отца (предположительно – спорт, рыбалка, автомобили и т.п.), другие (чаще всего связанные с эмоциональным развитием ребенка, т.е., напр., чтение сказок, пение колыбельных и т.п.) – на языке матери. Можно возразить, что пример Латвии не является достаточно убедительным в силу разного правового статуса двух языков (латышский язык это единственный государственный язык Латвии). Однако, по нашему мнению, похожую ситуацию (неравноправия языков в речевой практике индивида) можно наблюдать также в Республике Беларусь, где есть два государственных языка – белорусский и русский. В определенной степени предпочтение для одного из языков может быть вызвано его большим общественным престижем или эмоциональным отношением к конкретному языку.

Подобные факты разделения функций двух языков отмечались еще во времена Советского Союза (*национально-русский билингвизм*). В.А. Авронин полагал, что *билингвизм* имеет место тогда, когда два языка могут заменять друг друга в одних и тех же сферах общественной жизни, но сам подчеркивал, что на практике такого рода чередование не наблюдается, т.е. можно лишь предположить способность к чередованию этих языков в конкретной сфере⁵². Трудно согласиться с таким подходом – как раз утверждения автора об отсутствии чередования языков в некоторых сферах являются доказательством в пользу разделения функций языков. Э.М. Ахунзянов совершенно верно отмечает, что «наблюдение над речевой практикой таких народов как татарский, башкирский, чувашский, марийский, мордовский, кумыкский и других, входящих в Российскую Федерацию, показывает, что между родным и русским языком в устах говорящих произошло своего рода разделение труда»⁵³. В дальнейшем цитированный Э.М. Ахунзяновым В.А. Аврорин пишет о применении русского языка во время конференций, съездов и официальных встреч, а языка национального меньшинства – в быту, а также художественной деятельности⁵⁴.

Приведенные данные, касающиеся *массового билингвизма*, можно экстраполировать на *индивидуальный билингвизм*, констатируя практически всегда присущее *двуязычным* некое разделение сфер пользования языком. Как правильно замечает Ж.П. Раку: «большинство билингвов относятся к категории, когда они более компетентны в одних аспектах первого языка, а в других – во втором языке»⁵⁵.

⁵² Ср.: Э.М. Ахунзянов, Указ. соч. С. 30.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цитата по: Э.М. Ахунзянов, Указ. соч. С. 31.

⁵⁵ Ж.П. Раку, Указ. соч. С. 43.

Разделение сфер пользования языком связано, в частности, с такими факторами как эмоциональное отношение к данному языку, очередность усвоения языка, престижность языка в обществе. Одним из ключевых, на наш взгляд, среди перечисленных факторов является очередность усвоения языка, которую часто считают критерием определения языка как родного. В качестве обоснования данного положения мы приведем очень меткие слова Е. Протасовой: «Есть целые „куски“ жизни, которые невозможно прожить, если [человек – Б.Г.] не сделал этого в самом начале: ласковые слова, простые песенки, присказки, книжки со сказками – никогда они не будут иметь в более взрослом возрасте того обаяния, которое имели в раннем детстве»⁵⁶. Добавим, что в подобном духе пишет также Е. Лисовски: «Czegoś zawsze będzie ci brak (jak w piosence), choćbyś poruszał się najswobodniej po obszarach historii, literatury, sztuki. Jakiejś książki w odpowiednim wieku nie przeczytanej, jakiejś piosenki nie zaśpiewanej wtedy akurat, gdy była modna, jakiejś daty w porę nie wykutej na pamięć»⁵⁷.

Приходится полностью согласиться с Е. Протасовой и в том случае, когда она утверждает, что: «Фактически билингвы используют каждый из языков, которыми владеют, в различных социальных контекстах и не в состоянии использовать каждый из известных им языков во всех контекстах»⁵⁸.

Формирование *естественного билингвизма* имеет место в трех основных случаях, которые перечисляет А. Шаяхметова: «1) двуязычная семья, где каждый язык для ребенка персонифицирован и где действует принцип „один язык – одно лицо“, 2) оба родители двуязычны, и в семье используются в одинаковой мере оба языка, 3) в семье общение происходит на одном языке, а в остальном окружении – на другом языке»⁵⁹.

По отношению к *естественным билингвам* принято говорить о двух *родных языках*. Такое определение носит весьма условный характер, так как вызывает сомнения сама возможность существования двух *родных языков*, а также – трактовка термина *родной язык*. *Родным языком*⁶⁰ часто считают первый язык, на котором говорит данный индивид, хотя в жизни индивида

⁵⁶ Е. Протасова, Двуязычие и общество. <http://abvgd.russian-russisch.info/articles/83.html>.

⁵⁷ J. Lisowski, Dwujęzyczność // O sztuce tłumaczenia. Księga druga / Red. S. Pollak. Wrocław, 1975. С. 175.

⁵⁸ Е. Протасова, Указ. соч.

⁵⁹ А. Шаяхметов, Русский язык и детский билингвизм // Studia Rossica Posnaniensia 30. Poznań, 2002. С. 109.

⁶⁰ Стоит ознакомиться с определением родного языка, предложенным Э. Липиньской: «Język ojczysty jest pierwszym poznawanym i 'doświadczanym' (doznawanym) przez człowieka językiem, w którym się porozumiewa z otoczeniem. Ma on znaczący udział w poznawaniu świata i kształtowaniu struktury osobowości, sprawiając, że człowiek się z nim utożsamia, a w dorosłym życiu zazwyczaj w nim myśli, śni, liczy i modli się». Е. Липиньска, Język ojczysty, język obcy, język drugi. Wstęp do badań dwujęzyczności. Kraków, 2003. С. 15.

может произойти смена языка, второй язык может со временем стать важнее первого. Из-за некой расплывчатости данного термина применяются и другие определения: *первый и второй язык, основной и второстепенный, свой и чужой, домашний, семейный, главный, наследственный и приобретенный, язык окружения, материнский язык*⁶¹, каждое из которых вызывает сомнения и подвергается критике. Мы предлагаем обратить внимание на определение *доминирующий (доминантный) язык и, соответственно, подчиненный (субдоминантный, рецессивный) язык*. В основе данного деления лежит или неравная степень владения двумя языками, или разная степень, в которой каждый из языков обслуживает функциональные сферы использования языка⁶². Причем следует подчеркнуть, что доминация одного языка над другим не всегда соответствует очередности усвоения языков, а также может меняться в течение жизни.

Немного по-другому освещает проблему владения двумя языками Ж.П. Раку, утверждая, что: «при настоящем билингвизме ни один из языков не является для человека иностранным»⁶³. Такое утверждение носит менее категоричный характер, поскольку речь идет не о двух *родных языках*, а лишь о том, что ни один из языков не является иностранным, что подразумевает свободу высказывания и способность думать на обоих языках. Однако оба критерия, т.е. свобода говорить и думать на двух языках, являются довольно расплывчатыми и могут относиться также к хорошему уровню владения иностранными языками.

В свете сказанного интересно рассмотреть еще одно деление – на *субординативный и координативный билингвизм*. *Субординативный билингвизм* имеет место, «если в речевых произведениях, порождаемых на его основе, устанавливается нарушение языковой системы, т.е. если речевые произведения билингва оказываются неправильными»⁶⁴. Причем неправильность порождаемых речевых произведений касается как первичной (чаще), так и вторичной языковой системы. *Координативный билингвизм*, в свою очередь – это *продуктивный билингвизм*⁶⁵, «обеспечивающий порождение правильной речи, т.е. таких речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе, в составе которых устанавливается сохранная языковая система»⁶⁶. Автор отмечает, что с «психологической точки зрения нет осно-

⁶¹ Ср.: Е. Протасова, Указ. соч.

⁶² Ж. Багана, Указ. соч. С. 50–51.

⁶³ Ж.П. Раку, Указ. соч. С. 37.

⁶⁴ Е.М. Верещагин, Указ. соч. С. 49.

⁶⁵ Е.М. Верещагин говорит о продуктивном билингвизме, если: «данное умение позволяет билингву не только понимать (т.е. воспринимать и понимать) и воспроизводить речевые произведения, принадлежащее вторичной языковой системе, но и порождать их».

⁶⁶ Там же. С. 49.

ваний сомневаться в возможности координативного билингвизма»⁶⁷, после чего он добавляет, что «поскольку [...] речь билингва, по определению, ничем не отличается от речи монолингва (речевые произведения монолингва могут принадлежать только одной языковой системе), она не интересна для теории языковых контактов и подробнее останавливаться на ней смысла не имеет»⁶⁸.

Однако само существование *координативного билингвизма* является лишь предположением, сделанным на основании принятого априори положения, которое, кстати, идет в разрез с нашими рассуждениями об обязательном неравноправии двух языковых систем, которыми пользуются *билингвы*. Стоит одновременно отметить, что само существование *координативного билингвизма*, если его можно было бы обнаружить, должно было бы как раз стать (вопреки тому, что пишет Е.М. Верещагин) объектом пристального внимания если не *теории языковых контактов*, то, по крайней мере, *теории перевода*, поскольку мы имели бы дело с идеальными кандидатами в переводчики, т.е. индивидами, совмещающими языковые умения на уровне *монолингвов*. Именно исследование *координативного билингвизма* было бы направлено на раскрытие механизмов формирования такого вида *билингвизма* как наиболее желательного в процессе перевода.

Стоит отметить еще одну трактовку деления *билингвизма* – на *координированный* и *субординативный (смешанный)*. В первом случае «создаются две параллельные системы, где каждому денотату соответствует свой сигнификат»⁶⁹, а во втором – «формируется общая картина мира, где одному элементу плана содержания соответствуют два элемента плана выражения (переводные эквиваленты на разных языках)»⁷⁰.

В соответствии с приведенными нами причинами более целесообразно будет говорить о *субординативном билингвизме* (в понимании Е.М. Верещагина). Уточнения требует вопрос о ситуации *билингвизма* в процессе перевода.

Еще одним важным делением *двуязычия* является деление его на *совмещенное* и *автономное*. Первая разновидность *билингвизма* характерна для обществ, в которых *двуязычие* является сплошным явлением, т.е. оно характерно для всех или большинства членов данного общества. В случае *совмещенного билингвизма* «расстояние между языками в сознании говорящего (слушающего) невелико, точнее: механизмы порождения текстов на разных языках недостаточно четко противопоставлены, срабатывает как бы единая

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ М.В. Завьялова, Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания, 5/2001. С. 60.

⁷⁰ Там же.

система, имеющая две формы выражения без дифференциации установки на конкретный язык. Иногда даже нельзя определить языковую принадлежность речевой деятельности при совмещенной модели порождения текста. Впрочем, для носителей *совмещенного двуязычия* неважно, на каком языке они говорят или слушают, ибо переключение с одного языка на другой происходит не на уровне всего речевого акта, а на уровне выбора отдельных слов или звуков [...]»⁷¹. Однако в рамках рассматриваемой нами проблемы интерес представляет вторая из перечисленных разновидностей *билингвизма* – *автономный билингвизм*, при котором индивид четко различает две языковые системы, осознанно переключается с одной языковой системы на другую, что не исключает осознанного применения иноязычных включений. По словам Х. Вадас-Возьны, «соотношение двух языковых систем у индивида с автономной моделью порождения текстов устанавливается не непосредственно между языками, а через внязыковую действительность, переломляется в ней»⁷². Следует пояснить, что, по нашему мнению, правильнее было бы говорить о стремлении к осознанному переключению с одной языковой системы на другую и четкому разграничению двух языковых систем, при котором все-таки наблюдается некое взаимовмешательство двух систем, которое вытекает из описываемого нами неравноправия языков, а также таких факторов, как стресс, усталость, невнимательность к своей речи и др. В противном случае, а именно – четкого разграничения двух языковых систем, следовало бы говорить о *координативном двуязычии* (в понимании Е.М. Верещагина), в существовании которого мы усомнились.

1.3. Переводческий билингвизм

Как уже было отмечено, переводчик может быть как *естественным*, так и *искусственным билингвом*. Деление *билингвизма* с точки зрения *теории перевода* должно проходить по другому критерию, а именно специфики процесса перевода, которая позволяет выделить *переводческий билингвизм* как отдельную разновидность *билингвизма*. На специфику типа *двуязычия*, свойственного переводчику-профессионалу, обращает внимание В.Н. Комиссаров, который пишет, что *переводческое двуязычие* – это «[...] видимо, совсем особое двуязычие, которое можно назвать „упорядоченным“ и при котором в сознании индивида две языковые системы связаны своеобразной сеткой взаимно эквивалентных единиц»⁷³.

⁷¹ H. Wadas-Woźny, Указ. соч. С. 31.

⁷² Там же.

⁷³ В.Н. Комиссаров, Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. М., 1978.

Сопоставляя *переводческий билингвизм* с *билингвизмом* вообще, можно увидеть следующее: в процессе перевода, который «предполагает одновременную актуализацию обоих языков»⁷⁴, в контакт всегда вступают два языка. В случае устного перевода – это постоянное переключение с языка на язык, в случае письменного перевода – это может быть процесс, направленный лишь от одного языка к другому, но в обоих случаях мы имеем дело с одновременной актуализацией двух языковых систем – одной на уровне восприятия, другой на уровне порождения текста, причем в случае устного перевода мы наблюдаем чередование восприятия и порождения текста от одного языка к другому. При *билингвизме* как таковом имеет место просто попеременное пользование двумя языками, но не – одновременное. Это дает основание для определения стандартной ситуации *билингвизма* как *статического*, а *переводческого билингвизма* – как *динамического*⁷⁵.

В ситуации *билингвизма*, как уже ранее упоминалось, чаще всего происходит разделение сфер употребления каждого из языков. Наблюдается применение конкретного языка, даже если языки используются попеременно или в каждом из них отмечаются факты интерференции, но не происходит одновременная актуализация двух языков. В не-переводческих ситуациях *билингвизма* возможно построение правильных высказываний также на *субдоминантном языке*, поскольку коммуникант сам выбирает средства выражения, имея возможность избегать ошибок за счет упрощения высказывания. Ситуация перевода существенно отличается в данном аспекте, потому что порождаемый переводчиком текст создается на основе исходного текста, который навязывает применение определенных языковых средств. Это, в свою очередь, требует от переводчика знания двух языков «в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого»⁷⁶, что является, по мнению В.Н. Комиссарова, одним из критериев для выделения «переводческого двуязычия». Как подчеркивает российский исследователь, для осуществления процесса перевода надо знать два языка «по-переводчески». Стоит отметить, что данное положение является отправной точкой для принятия концепции изначального обучения языку с целью переводить в будущем (в отличие от традиционной подготовки будущих переводчиков среди знающих уже язык – чаще всего филологов). Данные положения не противоречат нашим прежним рассуждениям о доступности профессии переводчика как для *искусственных*, так и для *естественных билингвов*. Мы их приводим лишь в качестве очередного довода в пользу выделения *переводческого билингвизма* как особого вида двуязычия. По нашему мнению, можно говорить как об изначальном переводчес-

⁷⁴ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 319.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ В.Н. Комиссаров, Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М., 1973. С. 7.

ком билингвизме, так и о переводческом билингвизме, сформированном на основе искусственного или естественного двуязычия.

Кроме того, в отличие от типичной ситуации *билингвизма* *билингвизм переводческий* предполагает осознание отрицательной роли интерференции, необходимость подавления ее и необходимость разделения двух языковых систем. Данное положение приводит Ж. Мунена к крайнему выводу, который ученый включает в свое определение перевода: «[...] перевод, являясь бесспорно ситуацией контакта языков, мог бы быть описан как крайний случай такого контакта, статистически весьма редкий, когда сопротивление привычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано. В этом случае двуязычный коммуникант сознательно борется против всякого отклонения от нормы, против всякой интерференции, в результате значительно сокращаются возможности сбора интересных фактов этого рода в переведенных текстах»⁷⁷. Иными словами, переводчик пытается избежать фактов интерференции, т.е. осознанно подавляет потенциальные взаимозамены элементов одной языковой системы элементами другой языковой системы, с которыми зачастую не борются в других ситуациях *билингвизма*. Однако, наряду с вышеуказанным фактором, ограничивающим проявление интерференции в ситуации перевода, существует фактор, способствующий ее возникновению, а именно – необходимость постоянного перехода от одного языка к другому. Последнее дает основание А.Д. Швейцеру сделать следующий вывод: «Следует помнить о том, что переводчик – это билингв и в этом смысле подвержен значительно большему влиянию интерференции, чем тот, кто пользуется разноразличными системами раздельно, в дифференцированных ситуациях»⁷⁸. Развивая мысль советского исследователя, необходимо подчеркнуть, что такое усиленное влияние интерференции характерно не только для ситуации перевода, но и для всех тех ситуаций *билингвизма*, при которых вместо четкой дифференциации двух языков происходит постоянное переключение с языка на язык.

Еще одной очень важной особенностью процесса перевода является его вторичность как акта коммуникации. Всегда на основании существующего текста (материальное) воссоздается новый текст (ТП). В остальных ситуациях коммуникации, в том числе и обычной (не-переводческой) ситуации *билингвизма*, идеальное превращается в материальное, т.е. у истоков порождения текста находится нематериализованная мысль. Это очень важная черта процесса перевода, которая является существенным основанием для рассмотрения *переводческого билингвизма* как особой разновидности *билингвизма*.

⁷⁷ Цитата по: Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 317–318.

⁷⁸ А.Д. Швейцер, Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика 1970. Вып. 7. М., С. 44.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что *переводческий билингвизм* является частным случаем *билингвизма*. Во-первых, это, чаще всего, *индивидуальный билингвизм*. Во-вторых, путь к профессии переводчика открыт как для *естественных*, так и для *искусственных билингвов*, причем у представителей каждой из названных нами групп *билингвов* есть свои преимущества и недостатки. *Естественные билингвы* могут достичь уровня владения обоими языками, приближенного к уровню *монолингва*; у них отмечается естественность произношения, но, с другой стороны, нахождение эквивалентов в другом языке, умение переходить от языка к языку могут им доставлять некие трудности, устранение которых требует специальных тренировок. Кроме того, *естественные билингвы* более склонны к смешению языков, которое особо сильно проявляется в случае близкородственных языков; как пишет Ж. Багана: «языки имеют тенденцию смешиваться на разных уровнях, и это происходит, как правило, тем быстрее, чем ближе они генетически»⁷⁹. *Искусственные билингвы* – это, чаще всего, индивиды, у которых можно четко выделить первый, *родной язык*, и второй, выученный (иностран- ный), которым они владеют хуже. Явное неравноправие языков влияет на качество процесса перевода при переводе с родного на иностранный язык. Преимуществом *искусственных билингвов* является заложенное в процессе обучения иностранному языку умение сопоставлять две языковые системы и находить переводческие соответствия. В-третьих, при *переводческом билингвизме* отклонения от нормы, ошибки, в том числе вызванные интерференцией, осознаются как сугубо нежелательный процесс, с которым ведется осознанная борьба. В-четвертых, в ситуации *переводческого билингвизма* имеет место одновременная актуализация двух языков, т.е. на одном языке создается исходный текст, на другом – текст перевода, в то время как при *непереводческом билингвизме* наблюдается попеременное пользование двумя языками при возможном смешении языков или их отдельных элементов, что, конечно, крайне нежелательно в случае *переводческого билингвизма*. В-пятых, в основе процесса перевода всегда лежит текст (письменный или устный), и он, наряду с двумя языковыми системами является фактором в определенной степени навязывающим переводчику действия. Иными словами – «переводчик оказывается во власти не только двух систем языков, но и уже материализованного в знаках одного из этих языков сообщения»⁸⁰.

⁷⁹ Ж. Багана, Указ. соч. С. 61.

⁸⁰ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 318.

Глава 2

Интерференция

2.1. Понятие интерференции

Интерференция – это понятие, обозначающее в физике взаимное проникание волн. В языкознании этот термин начали применять в XIX веке, определяя с его помощью взаимозамены элементов одной языковой системы элементами другой языковой системы. Данное явление возникает в речи *билингвов* и доставляет определенные трудности в процессе перевода.

Термин интерференция получил широкое распространение после выхода в свет книги У. Вайнрайха «Языковые контакты». Американский исследователь определял интерференцию следующим образом: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями интерференции»⁸¹.

Возможны две основные трактовки явления интерференции. Первая, восходящая к идеям Пражского лингвистического кружка, сводится к пониманию интерференции как взаимовлияния двух языковых систем. Вторая, предлагаемая прежде всего исследователями, изучающими вопрос преподавания и обучения иностранному языку, описывает интерференцию как отрицательное влияние родного языка на изучаемый иностранный. В качестве иллюстрации первого подхода мы приведем предлагаемое Н.К. Гарбовским определение: «интерференция – это воздействие системы одного языка на другой в условиях двуязычия»⁸².

При втором подходе к вопросу об интерференции имеет место сужение объема данного понятия и трактовка его как одностороннего процесса; в соответствии с этим, по словам Т.Б. Айтжанова, «под интерференцией следует понимать те случаи отклонения от нормы, которые возникают в речи двуязычного человека на неродном языке под влиянием родного»⁸³. Такое узкое

⁸¹ У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 22.

⁸² Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 316.

⁸³ Т.Б. Айтжанов, Казахско-французская интерференция на просодическом уровне // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1984.

понимание интерференции чаще всего встречается в работах по методике преподавания иностранных языков. Однако даже в ситуации учебного процесса, которая является лишь одним из многочисленных случаев возникновения интерференции, такое узкое понимание названного явления кажется только отчасти оправданным. В самом деле, односторонность интерференции, т.е. исключительное влияние навыков родного языка на изучаемый неродной язык, имеет место, скорее всего, на начальном этапе усвоения чужого языка, например, в начальной или средней школе, неязыковом вузе, но уже в случае изучения иностранного языка студентами-филологами как основной дисциплины, встречаются также факты обратной интерференции, т.е. влияния изучаемого языка на родной. Можно их также обнаружить у преподавателей и учителей иностранных языков. В качестве примера мы приведем одно задание из учебника русского языка «Тусовка. Русский язык XXI века», описанное в рецензии Й. Мендельской: «Jedna osoba nazywa literę alfabetu, a druga wyraz na tę literę (zamiast nazywa trzeba powiedzieć podaje, por. ros. называть)»⁸⁴.

Настоящие наблюдения подтверждают сомнительный характер утверждений об односторонности явления интерференции даже в случае учебного процесса (во всяком случае, на уровне языкового вуза). В остальных ситуациях *двуязычия* данный тезис тем более следует отвергнуть. Однако нельзя не отметить прикладную ценность многих работ по методике преподавания иностранных языков, в которых термин интерференция применяется в вышеуказанном узком понимании.

В дальнейшем мы будем пользоваться термином интерференция в широком понимании, т.е. как процесса взаимовлияния языковых систем, который точнее можно определить следующим образом: «под интерференцией принято понимать отклонения от норм одного языка под влиянием другого в результате контакта двух языков»⁸⁵.

2.2. Интерференция в языке и речи

Следует различать интерференцию в языке и в речи. В классической работе У. Вайнрайха мы находим образное сравнение: «В речи интерференция подобна песку, уносимому течением, в языке же ее можно сравнить с тем же песком, осевшим на дно озера»⁸⁶. Действительно, разграничение интерференции в языке и речи носит существенный характер. В речи интерференция

⁸⁴ J. Mędelska, Тусовка. Русский язык XXI века. // *Języki obce w szkole*, 5/2003. С. 192. http://codn.codn.edu.pl/struktura/pjo/jows/pdf/2003_05.pdf.

⁸⁵ С.А. Абдигалиев, Интерференция на уровне лексического сочетания // *Языковые контакты и интерференция*. Алма-Ата, 1984. С. 30.

⁸⁶ У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 36.

является результатом знакомства *билингва* с двумя языковыми системами, в результате которого в тексте могут отмечаться ошибки или отклонения от нормы, вызванные заменами элементов одной языковой системы элементами системы другого языка. В языке, в свою очередь, можно обнаружить факты интерференции, которые вследствие многократного их употребления в речи *билингвов* закрепились в употреблении и их дальнейшее применение уже не зависит от *билингвизма*. В случае, когда носитель языка А пользуется формой, заимствованной из языка Б, мы можем говорить об интерференции, но когда данная форма является знакомой ему по речи других носителей языка А, то тогда заимствованный элемент можно уже рассматривать как элемент системы этого языка⁸⁷. Иными словами, форма, применяемая первоначально только *билингвами*, со временем получает распространение среди монолингвов.

2.3. Интерференция и конвергенция

Разграничения требуют понятия *интерференции* и *конвергенции*. Первое явление возникает в речи *билингвов*.

Когда происходит постоянное контактирование языков, например на пограничье, мы имеем дело с явлением *конвергенции*. По словам В.Ю. Розенцвейга, *конвергенция (конвергентное развитие)* – это «изменение контактирующих языков, которое лингвистически описывается как уподобление характеристик их означаемых и означающих и правил обращения с ними и исторически интерпретируется как результат контактов»⁸⁸. Данное явление можно наблюдать на пограничье, а также в странах, в которых имеет место *массовый билингвизм*. К ним относятся не только страны, в которых функционируют два государственных языка, например Беларусь (белорусский и русский языки), но также страны, в которых один государственный язык, а второй является языком повседневного общения для значительной части населения, например, Украина (украинский и русский языки). Сама *конвергенция* восходит к интерференции в речи *билингвов*, последствия которой закрепляются и приводят к уподоблению языков. Нас будет интересовать лишь проблема интерференции.

Интерференцию на уровне языка мы наблюдаем также в случае взаимовлияния языков в условиях постоянного языкового контакта. Примером может послужить влияние русского языка на языки народов и народностей СССР. Достаточно отметить целый ряд лексических заимствований, которые часто заполняли лакуны, существующие в национальных языках

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ В.Ю. Розенцвейг, Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972. С. 4.

(например, такие слова, как **социализм, программа, съезд, власть, совет, забастовка, баррикада**, вошедшие в состав лексической системы татарского языка)⁸⁹. Подобным образом проходило обогащение лексики русского языка, в состав которой вошли слова из многих языков народов и национальностей, проживающих в Советском Союзе. В качестве примера можно привести названия еды и напитков: **кумыс, мамалыга, брынза, шашлык, урюк, курага** и др., названия одежды и обуви: **тумак, паранджа, башлык, бурка, пимы** и другие⁹⁰.

Под влиянием английского языка (международные контакты, экспансия американской культуры – литература, музыка, фильмы) в русский язык перекочевали такие слова как: **шоу, стриптиз, уикенд** и многие другие.

2.4. Положительная и отрицательная интерференция

Вопрос о языковой интерференции связан с разделением этого явления на положительное и отрицательное. Как правило, интерференция, особенно на уровне речи, описывается как явление отрицательное, приводящее к ошибкам, взаимонепониманию, искажению смысла. С особенной силой такая точка зрения проявляется в работах, посвященных методике преподавания иностранных языков, в которых часто подчеркивается тормозящее влияние интерференции при усвоении языка. В случае *языковой интерференции* говорится также о *положительной интерференции*, то есть об обогащении языка благодаря так называемому *положительному переносу*, т.е. заимствованию, закреплению частым употреблением носителями языка.

В этой связи следует отметить попытку терминологического разграничения *положительной* и *негативной интерференции*, предложенную Э.М. Ахунзяновым. Этот ученый предложил применять определение интерференции лишь по отношению к положительным явлениям переноса элементов одной системы в другую, которые способствуют взаимообогащению языков и выработке конвергенционных линий. Зато для фактов *отрицательной интерференции*, отмечаемых, в частности, в процессе изучения иностранного языка применять во избежание «разногласницы», которая существует в понимании сущности интерференции в лингвистической литературе, термин *транспозиция*⁹¹.

⁸⁹ Э.М. Ахунзянов, Указ. соч. С. 66.

⁹⁰ T. Kuroczycki, O wzajemnym oddziaływaniu języka rosyjskiego i innych języków narodów Związku Radzieckiego // Studia Rossica Posnaniensia 11. Poznań, 1979. С. 97.

⁹¹ Э.М. Ахунзянов, Указ. соч. С. 88.

Действительно, положение о множестве определений интерференции в языкознании является верным, однако принятие за критерий дифференциации понятия положительности и отрицательности данного явления вызывает сомнения. Во-первых, некоторые исследователи отмечают факты *положительной интерференции* также в случае интерференции на уровне речи. Во-вторых, само разделение на *положительную* и *отрицательную интерференцию*, как было указано раньше, не признается всеми. В-третьих, употребление в языке новых слов наряду с уже существующими имеет как своих сторонников, так и противников. Несомненно, склонность к злоупотреблению заимствованиями всегда вызывала критику со стороны пуристов – многих языковедов, писателей, поэтов и т.д. В подтверждение наших слов приведем весьма характерные слова Л.В. Щербы: «засорять язык ненужными словами» значит, в частности, «вносить новые, но ничего нового не выражающие и притом непонятные слова»⁹². И хотя заимствованное слово редко совпадает полностью с уже существующей в языке лексемой (напр., **кастинг** и **отбор**⁹³), часто позволяет заменить словосочетание (напр., **снайпер** вместо **меткого стрелка**⁹⁴), то отдельные заимствования действительно производят впечатление ненужных новшеств. Например, употребление наряду со словом **послание** слова **месседж** обогащает русский язык, если обогащением считать просто расширение словарного запаса, но одновременно подвергается обоснованной критике, поскольку лишь заменяет принятое определение⁹⁵. Подчеркнем, что переводчик имеет право на консерватизм – у него нет необходимости «брать на вооружение» только что появившиеся заимствования. Пренебрежение этим принципами парадоксально может привести к быстрому устареванию ТП, поскольку не все модные нововведения закрепляются в языке. Таким образом текст, изобилующий новыми заимствованиями, по прошествии времени может оказаться неестественным и малопонятным⁹⁶.

⁹² Л.В. Щерба, Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 139.

⁹³ «Кастинг – это отбор или подбор, но не всякий а предварительный подбор исполнителей участников какого-либо шоу [...]». Л.П. Крысин, «Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях // Л.П. Крысин, Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. <http://knigosite.ru/library/books/63895>.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Стоит привести слова П.Р. Палажченко: «Я, например, не могу понять, зачем говорить и писать *саспенс* (о детективных романах и остросюжетных фильмах), если можно сказать *напряжение*. [...] Отказываюсь понимать, зачем неутомимому Мэлору Стурра писать *Это был месседж, адресованный американскому народу* („Московский комсомолец“»». П.Р. Палажченко, Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В двух томах. Т. 1. – 9-е изд., стереотип. М., 2010. С. 41.

⁹⁶ Уместным будет проиллюстрировать наши положения высказыванием В.В. Алимова: «Нельзя считать эквивалентами используемые некоторыми журналистами и коррес-

В первых работах, посвященных проблеме интерференции, данное явление воспринималось как сугубо отрицательное, осложняющее процесс усвоения иностранного языка, а также межъязыковой коммуникации. Со временем, однако, исследователи отметили также положительный аспект интерференции, что сделало взятый из физики термин еще более метким, так как в акустике и оптике при наложении одной волны на другую в одной фазе происходит увеличение волны. Проводится аналогия с процессом последующего изучения языков, когда приобретенные при изучении первого языка навыки и умения помогают при изучении второго иностранного языка⁹⁷.

Следует отметить, что интерференция в рассматриваемом нами ракурсе возникает в ситуации *билингвизма*, т.е. попеременного пользования двумя языками. Проблему интерференции нельзя свести лишь к изучению иностранного языка, она появляется практически во всех мыслимых ситуациях *билингвизма*, и классификация явления интерференции, как положительного (конструктивного) или отрицательного (деструктивного) во многом зависит именно от конкретной ситуации *билингвизма*. Поэтому в случае усвоения иностранного языка, как было сказано выше, возможен как *позитивный*, так и *негативный перенос*. В случае общения *билингвов*, например преподавателей русского языка или русскоговорящих эмигрантов, проживающих в Польше, довольно часты примеры интерференции. Приведем несколько примеров из речи русскоговорящих студентов, проходящих обучение в Польше:

1. Давай встретимся в **Рынке*** (имеется в виду не базар, а **Рыночная площадь**).
2. Буду в **академике** в 8 вечера (имеется в виду **общезитие**).
3. Я работаю в **Urządzie Wojewódzkim*** (речь идет о **Воеводском управлении**).
4. Когда открываешь **przewód**? (вместо: **Когда утверждаешь тему диссертации?**).

Как видно из приведенных нами примеров *лексической интерференции*, *билингвы* заменяют русские определения кальками с польского язы-

пондентами наших газет и телепередач иноязычные заимствования путем транскрибирования и транслитерации английских слов. Массовому читателю и зрителю они непонятны. Паблисити вместо рекламы, истэблшмент вместо государственного учреждения, государственных устоев, презентация вместо торжественного открытия, шоу рум вместо демонстрационного зала и т.д. – все эти слова засоряют русский язык». В.В. Алимов, Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. Учебное пособие. – 5-е изд. М., 2009. С. 39.

⁹⁷ В.В. Алимов, Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Учебное пособие. М., 2005. С. 34–35.

ка, прежде всего для передачи сугубо польских реалий (примеры № 1 и 3) и специфики польской системы высшего образования (примеры № 2 и 4). Здесь отражается один из принципов изменения языка в чужеродной среде – появление новых элементов действительности, которые имеют уже свои названия в другом (польском) языке. Пользоваться ими намного проще, чем прибегать к применению русских эквивалентов, нахождение которых иногда требует дополнительных раздумий (примеры № 1 и 4). Причем стоит обратить внимание на тот факт, что в ситуации общения *билингвов* явное искажение системы исходного языка не сказывается отрицательно на успешности коммуникации – как правило, имеет место взаимопонимание. Поэтому, если только авторы вышеприведенных фраз помнят, что этого рода высказывания уместны лишь в их среде, т.е. в кругу *билингвов*, а в случае общения с *монолингвами* следует их избегать, трудно говорить об отрицательном **результате** интерференции. Ее результат имеет скорее всего нейтральный характер, или, с точки зрения экономии языка, которая, кстати, является еще одной из причин порождения подобного рода высказываний (проще сказать **Рынок**, чем **Рыночная площадь**), является положительным процессом (при учете сделанной нами оговорки). Само возникновение подобного рода высказываний (как в примерах № 2 и 3) продиктовано тем, что, по словам Ж. Баганы, «словарь проявляет свое несоответствие потребностям культурного окружения»⁹⁸. Ссылаясь на исследования Л.П. Крысина⁹⁹, а также Е.А. Земской, проводящей анализ речевого общения русских эмигрантов в современной Германии, можно выделить три основные причины появления *лексической интерференции*. Первая причина совпадает с указанной нами – слова «именуют нечто специфическое в новой жизни, отсутствующее или не характерное для жизни в России»¹⁰⁰. Вторая группа заимствований, проникающих в речь эмигрантов, – это слова, у которых есть название в русском языке, но сильно отличающееся от заимствованного и не передающее полностью его специфику, например, **подвал** и нем. **Keller**¹⁰¹. Третью группу образуют слова, обозначающие высокую коммуникативную актуальность понятий, т.е. называющие особо важные для жизни данной страны понятия, предметы или явления. Эти слова характеризует высокая частотность употребления. Кроме таких примеров, как англ., **sale** нем. **Angebot**, Е.А. Земская указывает на употребление эмигрантами содержания разного рода указателей, табличек, надписей, которые «кричат, лезут

⁹⁸ Ж. Багана, Указ. соч. С. 12.

⁹⁹ Л.П. Крысин, Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ответ. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 146–155.

¹⁰⁰ Е.А. Земская, Особенности речи русских эмигрантов четвертой волны. <http://www.gramota.ru/biblio/research>.

¹⁰¹ Там же.

в глаза и заставляют, вынуждают человека использовать эти слова, а не их русские эквиваленты»¹⁰².

Аналогичное явление отмечается при профессиональном общении преподавателей, исследователей-филологов, когда в потоке польской речи появляются русские термины, определения и другие включения на русском языке.

Однако в переводческой ситуации указанные проявления интерференции являются нежелательными, поскольку одной из основных целей процесса перевода является порождение текста для получателя, потенциально не владеющего языком оригинала. Сказанное нами позволяет прийти к выводу, что ситуация перевода является своеобразным случаем *билингвизма*, требующим отдельного рассмотрения, а *переводческая интерференция*, в свою очередь, является отдельной разновидностью интерференции, которая требует отдельного анализа.

Следует обратить внимание на логические предпосылки применения понятия *положительной интерференции*. Характеристика интерференции как исключительно отрицательного явления находит отражение не только в работах по вопросам преподавания иностранных языков. В качестве иллюстрации достаточно привести определение интерференции, предлагаемое В.Ю. Розенцвейгом: «Нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от норм, называем интерференцией»¹⁰³. Похожего мнения придерживается Х. Вадас-Возьны, которая подчеркивает необходимость различать понятия *положительного переноса*, возникающего при автономном порождении текстов, и интерференции, появляющейся при совмещенном порождении текстов. Вадас-Возьны, ссылаясь на А.Е. Супруна, приводит следующее определение интерференции: «Интерференция есть неосознанное, бесконтрольное использование при строении текстов на одном языке элементов другого языкового устройства, ведущее к ошибке»¹⁰⁴. Обе приведенные нами дефиниции трактуют интерференцию как нарушение норм одного из языков. Мы считаем, что следует согласиться с таким пониманием интерференции. Иначе понятие интерференции определяет В.В. Алимов: интерференция – это вмешательство «элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть отрицательным и выражаться в отклонении от норм данного языка и положительным, способствующим адекватному переводу и приобретению навыков в одном языке под влиянием другого»¹⁰⁵. И если мы можем вполне согласиться с первой частью этой дефиниции, то утверждения о положительности вмеша-

¹⁰² Там же.

¹⁰³ В.Ю. Розенцвейг, Указ. соч. С. 4.

¹⁰⁴ H.U. Wadas-Woźny, Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁵ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 173.

ства элементов одной языковой системы в другую вызывают некоторые сомнения. По нашему мнению, следует согласиться с цитируемыми нами А.Е. Супруном и В.Ю. Розенцвейгом. Ведь в случае, когда *билингв*, не зная, как выразить данную мысль на одном из языков, калькирует оборот, как правило, родного языка и если этот оборот совпадает с оборотом в другом языке, то ни о какой замене элементов одной языковой системы элементами другой системы не может быть речи. В свою очередь, если калькированный оборот нарушает норму другого языка, мы имеем дело с отрицательным явлением. Следовательно, термин «положительная интерференция» применим на уровне языка, а не речи. Можно наблюдать действие следующего механизма – в речи *билингвов* появляются нарушения нормы под влиянием одного из языков (другими словами, замены элементов одной языковой системы элементами другой системы), т.е. факты интерференции, которые, как любое нарушение нормы, считаются отрицательными. При закреплении в употреблении *монолингвами* они входят в состав системы данного языка – это есть и положительная интерференция.

В речи, в свою очередь, факты интерференции рассматриваются как отрицательные, но их влияние на результат общения (возможное искажение смысла текста) может быть в ситуации общения *билингвов* нейтральным или даже положительным, если учесть принцип экономии языка (ср. приведенные нами примеры общения русскоговорящих эмигрантов). В ситуации перевода ошибки, вытекающие из контактирования языков, по определению имеют отрицательный характер.

2.5. Близость языков и интерференция

Интерференция может возникнуть при контакте любой пары языков. Открытым остается вопрос о взаимосвязи степени близости двух языков и интенсивности проявления фактов интерференции. У. Вайнрайх утверждал, что: «чем больше различие между системами, т.е. чем больше в каждой из них свойственных только ей форм и моделей, тем больше проблема изучения и потенциальная область интерференции»¹⁰⁶. В самом деле, большие трудности, как в процессе изучения иностранного языка, так и общения на другом языке или процессе перевода, вызывает употребление тех грамматических категорий, которые есть в языке Б, но отсутствуют в родном языке. Известны проблемы с правильным употреблением английских или немецких артиклей поляками, с применением категории вида русских или польских глаголов немцами или англичанами. Иллюстрацией названного явления могут также послужить ошибки казахских детей, изучающих русский

¹⁰⁶ У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 23.

язык, вызванные отсутствием грамматической категории рода в казахском языке, что приводит к: «нарушениям в согласовании с именами существительными („**моя папа**“, „**большое арбуз**“, „**первый тетрадь**“), смешению падежных форм имен существительных, что особенно ярко проявляется в творительном падеже („**с солем**“, „**с яйцой**“, „**с яблокой**“); отсутствие грамматической категории вида в казахском языке дает интерференцию в нечетком различении форм совершенного и несовершенного видов русских глаголов („**буду посмотреть**“, „[уже] **писал**“ вместо „[уже] **написал**“)»¹⁰⁷. Факты интерференции можно объяснить действием следующего механизма: изучающие язык, строя высказывание на иностранном языке, используют слова этого языка, но часто сочетают их по правилам родного языка. В случае несовпадения сочетаемости слов в двух языках, что чаще всего имеет место в неродственных языках, возникают ошибки¹⁰⁸. Однако стоит помнить о том, что вопросы о трудности в изучении языка и потенциальной интерференции не являются тождественными. Кроме того, многие исследователи обращают внимание на отрицательную роль межъязыкового сходства. По словам И. Бавей: «Przyjmuje się również, że transfer następuje najczęściej, gdy języki są do siebie genetycznie zbliżone, np. Polak nie przenosi końcówek do języka angielskiego czy francuskiego, robi to natomiast w języku rosyjskim»¹⁰⁹. По мнению Ж. Баганы, близость языков способствует возникновению интерференции и можно наблюдать прямую зависимость – «чем больше степень сходства между языками, тем больше вероятность появления интерференции»¹¹⁰. В случае близкородственного языка процесс его освоения проходит быстрее, чем неродственного, поскольку индивид в значительной степени опирается в речепроизводстве на родной язык, но по той же причине «интерференция при такого рода билингвизме наблюдается чаще и преодолевается с большим трудом»¹¹¹. По мнению Ж.П. Раку, на начальном этапе обучения неродственному иностранному языку интерференция проявляется сильно, но по мере усвоения системы другого языка, из-за больших системных различий между языками исчезает «опора на родной язык» и индивиду приходится «вжиться» в изучаемый язык. Интерференция при контактировании неродственных языков наиболее ярка и ощутима, особенно в начальный период, а в случае родственных языков – «интерференция более устойчива и долговечна»¹¹². Однако вторая часть высказывания представляется нам слишком категоричной – по нашему мнению, ин-

¹⁰⁷ А. Шаяхметова, Указ. соч. С. 110.

¹⁰⁸ Ср.: С.А. Абдигалиев, Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁹ I. Bawej, Błąd leksykalny jako skutek procesów interferencyjnych. Poradnik metodyczny dla dydaktyków języka niemieckiego. Bydgoszcz 2008. С. 73.

¹¹⁰ Ж. Багана, Французский язык в Африке. Проблемы интерференции. М., 2006. С. 10.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Ж.П. Раку, Указ. соч. С. 90.

терференция как при контактировании родственных, так и неродственных языков может быть «устойчивой и долговечной».

Анализируя факты интерференции, мы можем определить причины ее возникновения в речи, благодаря чему в будущем можно предвидеть и предотвратить ее возникновение. Сравнение списка расхождений систем двух языков (фонетической, грамматической, лексической) позволяет выявить область потенциальных ошибок, хотя следует помнить о том, что не все потенциальные проявления интерференции реализуются в речи. Кроме того, среди ошибок языкового характера можно выделить ошибки внутриязыкового характера в другом языке, которые могут возникать не только в речи *билингвов*, но также *монолингвов*. В процессе освоения иностранного языка, а также в процессе двуязычной коммуникации рядом исследователей были замечены некие общие для изучающих иностранный язык ошибки, которые не являются результатом влияния первого языка. Поскольку эти внутриязыковые ошибки отражают специфику изучения иностранного языка, их принято называть «ошибками развития». Наряду с языковыми ошибками, вызванными наложением двух языковых систем, можно отметить ошибки экстралингвистического характера, вызванные различиями в культуре двух народов, ментальности, реалиях, условиях быта. Немаловажную роль при рассмотрении вопроса об интерференции играют такие психологические факторы, как: стресс, усталость, эмоции, несерьезное отношение к своей речи, невнимательность, степень осведомленности о предмете разговора, душевное и физическое состояние говорящего.

2.6. Переводческая интерференция

По нашему мнению, в дальнейшем целесообразно рассматривать *переводческую интерференцию* как специфическую разновидность интерференции. Из приведенных нами примеров дефиниций интерференции видно, что она очень часто определяется как явление, направленное от родного языка к неродному. В ситуации перевода имеем дело с постоянным взаимовлиянием языков, независимо от того, какой из них является родным. Следовательно, отмечаются также факты влияния неродного языка на родной, так что в определении *переводческой интерференции* следует учитывать именно нежелательные замены элементов одной языковой системы элементами другой системы. Уместным будет еще раз привести краткое определение интерференции, предлагаемое Н.К. Гарбовским: «воздействие системы одного языка на другой в условиях двуязычия»¹¹³. Важной чертой *переводческой интер-*

¹¹³ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 316.

ференции, отличающей ее от ситуации общения в кругу *билингвов*, является абсолютная нежелательность возникновения фактов интерференции.

Из приведенных нами в части 2.4. примеров ошибок в речи *билингвов* видно, что они не всегда приводят к сбоям в коммуникации, не всегда искажают смысл сказанного. В отличие от них подобного рода ошибки в переводе недопустимы, так как нарушают норму языка, на котором составлен текст, адресованный монолингву. И, наконец, ситуация возникновения *переводческой интерференции* является своеобразной, отличительной от других ситуаций *двуязычия*, поскольку переводчик осознает факт существования интерференции, ее нежелательный характер и необходимость преодоления ее.

Глава 3

Интерференция на отдельных уровнях системы языка

Переводческая интерференция проявляется на всех уровнях языковой системы. Традиционно принято говорить об интерференции на уровне фонетической, грамматической и лексико-семантической систем языка.

3.1. Звуковая интерференция

Проявления *фонетической интерференции* наиболее заметны в процессе устного общения на иностранном языке, поскольку вызывают т.н. *акцент*, который выдает иностранца.

Акцент в узком понимании, соответствующем популярному толкованию этого понятия, воспринимается как производство искаженной чужим налетом речи. Однако стоит добавить, что в широком понимании *акцент* – это любые отклонения от нормы ПЯ в тексте, в том числе на уровне лексики, грамматики, в плане стилистики, а даже избыточности текста перевода, которые приводят к его восприятию носителями языка как содержащего иностранный налет.

Часть исследователей пользуется термином *фонетической интерференции*, другие в таком же значении употребляют термин *фонологической интерференции*, но, по нашему мнению, стоит обратить внимание на разделение этих двух понятий и рассмотреть *фонетическую* и *фонологическую интерференцию* как разные явления. Такой подход соответствует требованию выделять две науки – *фонологию* и *фонетику*, выдвинутому, в частности, Н.С. Трубецким. Первая из них изучает «структурные и функциональные закономерности звукового строя языка, вторая – изучает речь в ее физическом, акустико-артикуляционном аспекте»¹¹⁴.

Причины возникновения *акцента* были указаны уже Л.В. Щербой, который писал, что «[...] изучая иностранный язык путем простого подража-

¹¹⁴ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 66.

ния [...], мы необходимейшим образом подставляем вместо иностранных звуков соответственные или ближайшие русские в полной уверенности, что мы с большим или меньшим успехом подражаем слышанному»¹¹⁵.

Явление *акцента* (в узком понимании), вызванное в процессе устного перевода *фонетической интерференцией*, по мнению В.В. Алимова, «не так страшно и не ведет к непониманию сообщения, если акцент не делает речь совсем непонятной»¹¹⁶. Данное утверждение является, на наш взгляд, спорным. Факт отождествления носителями языка понятия *акцента* лишь с его фонетической составляющей имеет серьезные предпосылки. Как отмечалось раньше, *акцент* проявляется в отклонениях от нормы на любом уровне языка, но нарушения фонетической системы наиболее заметны. Это можно объяснить тем, что нарушения звуковой стороны речи отвлекают получателя сообщения от его содержания – имеет место перенос внимания с содержания на форму. Раздражение у рецепторов, вызванное этим фактом, является ценой, какую платит говорящий на иностранном языке за отклонения от произносительной нормы. Как правильно отмечает И.Е. Абрамова, ссылаясь на мнение С.И. Бернштейна, «неодобрительное отношение к иностранному акценту отчасти объясняется как неосознанная форма протеста слушателя против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии»¹¹⁷.

Фонологическая интерференция может привести к искажению смысла или полному непониманию сообщения. В речи польско-русских *билингвов* это, чаще всего, неправильная постановка ударения, включая смыслоразличительные варианты ударения, как уже и уже, ведение и ведение, или видение и видение.

Перечисленные нами аспекты *звуковой интерференции* касаются, прежде всего, ситуации устного перевода: большую роль играет *фонологическая* и определенную – *фонетическая интерференция*.

Однако *звуковая интерференция* может также сказываться на процессе письменного перевода. Неправильное восприятие звуков иностранного языка, их отождествление со звуками родного языка, могут стать причиной неверного понимания текста на исходном языке. Проиллюстрируем данное положение примером, обнаруженным проф. Бартвицкой в одной из польских ежедневных газет: «Jest taki termin rosyjski **diedowszczyna**, dziadostwo, który znakomicie oddaje panującą tam atmosferę. Tę powszechną bylejąkość,

¹¹⁵ Л.В. Щерба, Фонетика французского языка. Л., 1937. С. 10.

¹¹⁶ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 92.

¹¹⁷ И.Е. Абрамова, Фонетический акцент как дестабилизирующий фактор в устном переводе // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции / Под общей редакцией Н.К. Гарбовского. М., 2007. С. 17–18.

przekonanie, że jakoś tam będzie»¹¹⁸. Русское слово **дедовщина** (эквивалент польск. жарг. **fala**) неправильно переведено как **dziadostwo**, что автор указанной статьи приводит в качестве примера *ложных друзей переводчика*. Не опровергая классификацию данной ошибки, мы считаем уместным лишь уточнить, что, по нашему мнению, она могла быть непосредственно вызвана мнимым фонетическим сходством, которое является результатом прочтения слова на польский лад (замена «щ» комбинацией звуков «sz» і «cz», что нашло отражение в написании).

3.2. Грамматическая интерференция

Грамматика в одном из двух основных значений рассматривается как учение «о грамматическом строе языка, т.е. как обозначение соответствующей научной дисциплины»¹¹⁹. В таком понимании грамматика подразделяется на два раздела: морфологию, которая представляет собой «собрание правил об изменении слов, т.е. учение о грамматической природе слова и его формах»¹²⁰, и синтаксис – «собрание правил о сочетании слов в предложении и о предложении»¹²¹.

В науке высказывались мнения о закрытости грамматической системы языка и, следовательно, о ее непроницаемости для изменений под влиянием других языков¹²². Появлялись и прямо противоположные высказывания о том, что «в принципе нет ограничений влиянию, которое одна морфологическая система может оказывать на другую»¹²³.

Относительная закрытость грамматической системы языка способствует ее хорошему изучению, а также – сопоставлению с грамматическими системами других языков. На материале польского и русского языков было опубликовано много работ¹²⁴, в которых, в частности, приводятся списки

¹¹⁸ Цитата по: H. Bartwicka, Несколько слов о внеязыковых аспектах перевода // *Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim*. Warszawa, 2006. С. 38.

¹¹⁹ Cz. Lachur, *Współczesny język rosyjski. System gramatyczny (z ćwiczeniami)*. Opole, 1998. С. 36.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Ср.: Высказывания А. Мейе: «Грамматические системы двух языков непроницаемы друг для друга» и Э. Сэпира: «Мы не находим нигде взаимовлияния, кроме чисто поверхностного» – цитаты по: У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 60.

¹²³ Цитата по В.В. Алимов, Указ. соч. С. 97.

¹²⁴ Ср.: A. Bogusławski, S. Karolak, *Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*. Warszawa, 1973; I. Dulewiczowa, *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Fonetyka i fonologia. Grafia i ortografia*. Warszawa, 1993; A. Gołubiewa, N. Kowalska, *Ćwiczenia z gramatyki praktycznej języka rosyjskiego*. Warszawa, 1999; I. Maryniakowa, *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Morfologia ze słowotwórstwem*. Warszawa, 1993; M. Spirydowicz, *Gramatyka dydaktyczna języka rosyjskiego. Podręcznik dla szkół wyższych*. Warszawa, 1979; S. Szadyko, *Poradnik gramatyczny*

расхождений, позволяющие в определенной степени предотвращать интерференцию. Как уже упоминалось во второй главе, не все потенциальные ошибки можно свести к расхождениям между грамматическими системами двух языков – следует учесть также «ошибки развития», ошибки внутриязыкового характера, а также – отдавать себе отчет в том, что не все межъязыковые различия обязательно приводят к ошибкам.

Стоит отметить различие между сопоставительной грамматикой русского и польского языков и сопоставительным анализом ИТ и ТП. В первом случае мы имеем дело с попыткой системного сравнения, во втором – со сравнительным анализом конкретных текстов, в которых наблюдаются неучтенные сопоставительной грамматикой функциональные различия. Это связано с проблемой *единицы перевода* – как известно, переводческим соответствием может служить единица, не являющаяся словарным эквивалентом (слово – словосочетание, пропуск предложения и т.п.). Тем не менее, опыт сравнительной и контрастивной грамматики позволяет прогнозировать и предотвращать часть ошибок, вызванных интерференцией. Расхождения между двумя грамматическими системами часто являются источниками интерференции, которая может возникнуть на любом уровне грамматической системы.

Приведем несколько примеров.

3.2.1. Морфологический уровень

К появлению интерференции часто приводят категориальные различия.

а) Категория рода

Следует обратить внимание на существительные, которые при внешнем сходстве отличаются родом, что могут стать источником потенциальной ошибки. Например, в русском языке **Самарканд, контроль** (мужской род), **Казань, Тверь, степь** (женский род), а в польском – **Samarkanda, kontrola** (женский род), **Kazań, Twer, step** (мужской род). Последствия данного явления мы можем видеть на примере предложения, переведенного студентами русистики.

Kapitan statku rozkazał **orkiestrze** grać wesołe marsze. *Капитан судна приказал **оркестре** играть веселые марши.

Очевидно, произошло отождествление польского существительного женского рода **orkiestra** с русским **оркестр** (мужской род).

współczesnego języka rosyjskiego. Warszawa, 2004; T. Wójcik, Gramatyka języka rosyjskiego. Studium kontrastywne. Warszawa, 1973.

Польские глаголы и прилагательные во мн. ч. имеют два разных родовых окончания, а русские не различаются по роду. Сравним:

Девушки **пришли**. Dziewczyny **przyszły**.

Мальчики **пришли**. Chłopcy **przyszli**.

Указанное различие приводит ко многим ошибкам в речи двуязычных. Оно может подвести также переводчика:

Вырисовывается¹²⁵, очевидный конфликт поколений: старшие, не находя в младших признаков больших желаний, которые были у них, с разочарованием и раздражением говорят: «**Они** же ничего не хотят!» (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=5082>).

Starsze pokolenie, które miało bardzo wiele pragnień i dążyło do zaspokojenia własnych potrzeb, patrzy na swoje dzieci z rozdrażnieniem: «**Oni** niczego nie chcą!»» (Forum, 22–23/2009).

В русском тексте повествование касается детей, так что личное местоимение **они** необходимо заменить польским **one** (dzieci).

б) Категория числа

Как в польском, так и в русском языке есть слова, которые выступают лишь в единственном числе (*singularia tantum*) и слова, которые имеют только форму множественного числа (*pluralia tantum*). Потенциальной проблемой может стать частичное несовпадение списков названных нами слов. Например, существительное **обои** в русском языке принадлежит к группе существительных *pluralia tantum*, в то время как в польском языке оно употребляется как в единственном, так и во множественном числе (**tapeta, tapety**).

Кроме того, следует помнить о различиях в употреблении существительных, которые потенциально образуют форму единственного и множественного числа, но в речи преимущественно применяются только в одном числе. Например, русское **информация** чаще всего употребляется в форме единственного числа (**получить информацию**), в то время как польский эквивалент часто употребляется в аналогичных контекстах в форме множественного числа (**uzyskać informacje**). Иногда существительному, принадлежащему к группе *singularia tantum* в одном языке, соответствует существительное, употребляемое как в единственном, так и во множественном числе, например, **жара** (только ед. ч.) и **upał, upały** (как множественное, так и единственное число), **весы** (только мн. ч.)

¹²⁵ Мы будем приводить примеры ошибок и правильных решений, сопоставляя исходный текст, помещенный с левой стороны, с текстом перевода, указанным с правой.

и **waga, wagi** (мн. и ед. ч.)¹²⁶. Среди существительных, которые в обоих языках образуют формы единственного и множественного числа, можно отметить различия в их употреблении в речи. Достаточно сравнить типичную для общения в вузе конструкцию **на последнем занятии** и польск. **na ostatnich zajęciach**, под влиянием которой польские студенты часто строят нарушающую узус фразу ***на последних занятиях**.

В качестве примера приводящих к ошибкам различий в категории числа можно привести выполненный студентами второго курса русского отделения перевод следующего словосочетания: **sprawdzenie wiedzy**, как **проверка *знания** (вместо правильного **проверка знаний**). В данном случае имеет место перенос употребляемой в польском языке формы единственного числа.

Различия в употреблении вещественного существительного *пиво* вызывают часто встречаемую в переводах студентов ошибку: **Wypił osiem piw.** – ***Он выпил восемь пив** (вместо обязательного восемь **кружек** или **бутылок** пива).

в) Различия в употреблении предлогов

Достаточно сравнить:

в Крыму – **na Krymie**

в Литве – **na Litwie**

в кредит – **na kredyt**

на курорте – **w kurorcie**.

В белые ночи в музее устраивают вечерние и ночные экскурсии (Огонек, 4.12.2006).

W białe noce w muzeum są organizowane wieczorne i nocne wycieczki (Forum, 14.01.2007).

Русская конструкция с предлогом «в» не имеет прямого соответствия в польском языке; следовательно, переводчик вынужден преобразовать приведенный нами отрывок текста (напр., **W czasie białych nocy...**).

Различия в употреблении предлога «в» можно отметить, рассматривая следующий пример неправильного перевода, выполненного студентами русистики.

В бывшую гостиницу «Саша» [...] метнули две гранаты.

W dawny hotel «Sasza» [...] rzucono dwa granaty.

¹²⁶ Ср.: Т.Ф. Ефремова, Костомаров В.Г., Словарь грамматических трудностей русского языка. – 5-е изд., стереотип. М., 2000. С. 40.

Совершенно очевидно, что употребление под влиянием исходного текста предлога «в» приводит к искажению смысла (гранаты, брошенные **w budynek** могли бы отскочить); грамматическим соответствием является другая конструкция, а именно – **do budynku wrzucono dwa granaty**.

Существенным источником интерференции являются различия в управлении. Достаточно сравнить рус. **экзамен по истории** и польск. **egzamin z historii**. В речи русскоговорящих эмигрантов часто встречаются калькированные с польского языка конструкции ***тосковать за Родиной** (вместо **тосковать по Родине**), ***смеяться с друга** (вместо **смеяться над другом**)¹²⁷.

Исходный текст иногда навязывает переводчику свою структуру, что может приводить к порождению неправильных с точки зрения ПЯ грамматических конструкций.

Медвежат наших видели? Это наш запас на черный день. Нечем будет кормить – скормлю медвежонка тиграм (Русский репортер, 20.09.2007).	Mamy niedźwiadki na czarną godzinę, jak głód zajrzy nam w oczy – skarmię niedźwiadki tygrysom (Forum, 45/2007).
--	---

В вышеприведенном фрагменте следовало отойти от русской конструкции «скормить что кому-н.» и воспользоваться приемом лексико-грамматической трансформации (напр., **dam niedźwiadki na pożarcie tygrysom** или **nakarmię tygrysy niedźwiadkami**).

Результатом следования типичной для ИЯ грамматической конструкции может быть порождение неестественного, носящего чужой налет, текста. Приведем и прокомментируем два примера:

W Gruzji **tylko się i mówiło się**¹²⁸ o głębokim podziale w społeczeństwie i wśród elity politycznej (<http://wiadomosci.onet.pl/1867961,12,item.html>).

Конструкция **только и говорилось** не свойственна польскому языку, и ее прямой перенос нарушает стилистику переведенного текста. Намного естественнее звучал бы следующий вариант: **W Gruzji mówiono wyłącznie o...**

¹²⁷ Однако стоит отметить, что конструкция **тосковать за** относится к просторечным выражениям и ее употребление не всегда является результатом влияния польского языка. Конструкция **смеяться с** может быть также вызвана украинско-русской интерференцией. Она характерна для речи русскоговорящих жителей Украины.

¹²⁸ Двойное употребление возвратной частицы **się** – это, по всей вероятности, случайная ошибка.

Другие хотели бы реванша, возврат к доперестроечным порядкам – мы же с вами часто видим людей, марширующих с портретами Сталина. **Нам не нужно ни то, ни другое.** Нужен социал-демократический путь, когда мы признаем демократию, свободу людей, ответственность бизнеса, который, кстати, нуждается в защите, в поддержке со стороны государства (http://www.ng.ru/ideas/2006-08-15/1_gorbi.html).

Inni palają żądzą odwetu i chcą przywrócenia dawnych porządków – często widzimy ludzi maszerujących z portretami Stalina. **A nam nie trzeba ani jednego, ani drugiego.** Powinniśmy iść drogą socjaldemokratyczną, drogą poszanowania zasad demokracji, swobód obywatelskich, odpowiedzialności ze strony biznesu, który zresztą wymaga ochrony i wsparcia ze strony państwa (<http://wiadomosci.onet.pl/1353598,2678,1,2,drukuj.html>).

Эквивалентом русской конструкции **нам нужно** является конструкция с личной формой глагола **potrzebować** (**Nie potrzebujemy ani jednego, ani drugiego**).

Следует обратить внимание на различия в порядке слов. В русском языке в случае сочетания прилагательного и существительного типичным является постановка прилагательного в препозиции. В польском языке препозиция прилагательного характерна для определений, которые указывают на непостоянные для данного предмета или явления признаки (форму, цвет, запах и т.п.), например, **duża lampa** (большая лампа), **wysoki chłopak** (высокий парень). Определение употребляется постпозитивно, если оно указывает на постоянный признак и входит в состав словосочетания, являющегося названием, например, **języki obce** (иностранные языки), **Związek Radziecki** (Советский Союз), **polityka zagraniczna** (внешняя политика). Изменение порядка слов может привести к смысловым изменениям. Сравним **attaché kulturalny** (атташе по вопросам культуры) и **kulturalny attaché** (культурный атташе).

В переводных статьях с русского языка довольно часто появляется изменение порядка слов под влиянием исходного текста:

В каждой из комнат кроме ее **бытовой функции** обозначено то или другое историческое событие (Огонёк, 4.12.2006).

Pokojom, poza ich **bytową funkcją**, przyporządkowano takie czy inne wydarzenia historyczne (Forum, 2/2007).

3.3. Лексико-семантический уровень

Лексическую интерференцию принято понимать как «вмешательство лексики одной языковой системы в другую»¹²⁹.

¹²⁹ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 134.

Когда речь заходит о подмене смысла на уровне «переводимых слов, фраз, предложений, текстов, всего документа или произведения в целом»¹³⁰, мы имеем дело с *семантической интерференцией*.

В специальной литературе принято пользоваться понятием *лексико-семантической интерференции*. В широком понимании этот термин позволяет охватить также влияние элементов внеязыковой действительности, т.е. все проявления взаимосвязи лексического значения слова с культурой, реалиями страны, ментальностью носителей данного языка, которые в процессе перевода могут проникать в переводной текст, вызывая разного рода нежелательные изменения. Таким образом, говоря о *лексико-семантической интерференции*, мы будем учитывать также факты т.н. *культурной* и *лингвокультурологической интерференции*. По словам В.Т. Клокова, при *лингвокультурологической интерференции* «происходит перенос той части лингвистических и паралингвистических элементов родного языка, которые определенным образом связаны с внеязыковыми элементами культуры. Это касается знаков, значений, оценок и прочих элементов, так или иначе представляющих лингвистическую и общую концептуально-оценочную картину мира. Сюда же относятся навыки речевого поведения. По характеру переносимых элементов выделяются концептуальная, ассоциативная, оценочная, эмотивная и поведенческая разновидности лингвокультурологической интерференции»¹³¹.

Лексико-семантическая интерференция играет важную роль в процессе перевода по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от относительно закрытых фонетической и грамматической систем языка, лексическая система носит открытый и динамический характер. Мы наблюдаем постоянные процессы изменений – образование *неологизмов*, появление *неосемантизмов*. У некоторых слов появляются новые, дополнительные значения, расширяются контексты их употребления и потенциальная сочетаемость, а другие слова, напротив, переходят из активного в пассивный запас носителей языка, или вообще выходят из употребления (*архаизмы*, *историзмы*). Все эти процессы осложняют задачу исследователя, но одновременно делают ее особо важной и актуальной. Все приведенные явления могут частично совпадать и частично расходиться в двух языках. Известно, что глобализация, открытие границ, быстрый обмен информацией и развитие ИТ (информационных технологий), характерные для современного мира, приводят к унификации лексики, особенно в таких областях, как научная терминология, компьютеры, экономические и политические науки, спорт или туризм. Однако следует помнить о том, что процесс заимствования не проходит равномерно в различных предметных областях польского и русского языков. Кроме того, даже одни и те же слова, заимствованные из того же

¹³⁰ Там же. С. 138.

¹³¹ Цитата по: Ж. Багана, Указ. соч. С. 24.

языка-источника, могут вести себя по-разному, попав, соответственно, на польскую и русскую почву. Они могут характеризоваться разной *семантической нагрузкой*. Итак, слово **dekada** – это в польском языке ‘okres dziesięciu dni, tygodni, miesięcy lub lat’, а в русском – ‘период десяти дней’¹³².

Хорошей иллюстрацией рассматриваемого нами явления может служить сравнение лексического значения заимствованных из английского слов – рус. **киллер**, польск. **killer** и исходной формы **killer**. Английское слово **killer** обозначает любого убийцу, в то время, как по-русски **киллер** – это только **наёмный**¹³³ **убийца** (такое значение у англ. **a hit man**)¹³⁴. Иными словами, при переходе данной единицы в русский язык произошло сужение (конкретизация) значения. При сравнении рус. **киллер** и польск. **killer** также можно отметить некоторые отличия. По WSJP¹³⁵ **killer** – это: «I ‘bezwzględny, wielokrotny, zwykle płatny morderca’», а также – «II ‘film, gra komputerowa itp., gdzie dominującym elementem akcji jest zabijanie’». Как нетрудно убедиться, у польской лексемы значение немного шире – она может употребляться не только по отношению к **наёмному убийце** (согласно содержанию вышеупомянутой статьи – это не всегда **наёмный убийца**).

В качестве доказательства мы приведем следующий отрывок из статьи на польском языке: «Dzięki zeznaniom **płatnego killera** kanadyjska policja rozbiła sieć gangów i aresztowała 10 innych osób podejrzanych o zabójstwa. Współpraca z policją nie złagodzi oczywiście wyroku Gallantowi»¹³⁶. Определение **płatny** (платный, т.е. заказной) подтверждает, что слово **killer** может означать убийцу и лишь дополнительное определение указывает вне всяких сомнений, что имеется в виду именно **наёмный убийца**. Кроме того, WSJP отмечает наличие другого, нетипичного для русского слова значения. Сравнивая две заимствованные лексемы, следует подчеркнуть некие стилистические отличия, показателем которых является частотность и контекст употребления слов. Несмотря на то, что оба слова классифицируются словарями как нейтральные (нет пометы *разг.* или *сниж.*)¹³⁷, русское **киллер**

¹³² Мы сделаем оговорку, что в современном русском языке довольно распространено неправильное употребление слова *декада* (в значении ‘десять лет’), в связи с чем, возможно, данный пример со временем потеряет актуальность.

¹³³ Поясним, что в настоящей работе будем употреблять букву «ё» только при указании отдельных лексем (по аналогии к принятой записи заглавного слова в словарной статье) и при цитировании, сохраняя авторское написание.

¹³⁴ Ср.: Л. Виссон, Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. – 4-е изд., испр. М., 2007. С. 17.

¹³⁵ Język polski. Współczesny słownik języka polskiego / Red. B. Dunaj, t. 1–2, Warszawa, 2007.

¹³⁶ http://www.dziennik.pl/swiat/article352329/Platny_morderca_policyjnym_informatorem.html.

¹³⁷ Необходимо подчеркнуть, что в некоторых словарях все-таки приводится помета *разг.* Итак, по SJP **killer** – это «1. *pot.* „płatny morderca”», а также – «2. *pot.* „film lub gra komputerowa, w której dominującym elementem akcji jest zabijanie”». В таком случае стиливые

характеризуется гораздо большей частотностью употребления в газетных¹³⁸ и публицистических текстах, чем польское¹³⁹. Отсюда следует вывод о том, что даже в узком значении эти слова далеко не всегда являются точными эквивалентами, поэтому при переводе с русского языка порой следует прибегать к двухсловному соответствию – **płatny zabójca**.

На основании вышесказанного можно усомниться в правильности употребления слова **killer** в отрывке переведенного высказывания российского прокурора:

Aktualnie pracujemy nad pośrednikami i organizatorami. Jeśli chodzi o zleceńodawców, to mamy interesujące przypuszczenia – powiedział prokurator. – **Killerowi** na razie nie przedstawiliśmy zarzutów, wiemy jednak, kto to jest – podkreślił (<http://www.rp.pl/artykul/60780.html>).

В итоге переноса рус. **киллер** мы получаем высказывание, которое следует определить как принадлежащее к сниженному стилистическому регистру. Мы лишь добавим, что слово **killer** в польской прессе часто употребляется при описании персонажей зарубежных фильмов¹⁴⁰.

Стоит привести определение из «Юридического словаря»: «киллер (англ. killer) – *наёмный убийца*. В законодательстве РФ термин не используется, однако часто применяется в юридической публицистике»¹⁴¹. Опять-таки, если в русском языке употребление лексемы **киллер** в юридической публицистике типично, то в юридических текстах на польском языке оно практически не встречается.

отличия между рассматриваемыми нами лексемами видны без ссылки на частотность употребления.

¹³⁸ Приведем несколько примеров употребления слова **киллер** в российской прессе: «В Чехии задержан чеченский **киллер**» (<http://www.rosbalt.ru/2008/12/19/604859.html>), «На северо-востоке Москвы **киллер** застрелил двух инкассаторов» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=267148>), «Канадский **киллер** сознался в 27 убийствах» (<http://www.utro.ru/news/2009/04/01/806998.shtml>), «**Киллер** застрелил командующего ВВС Азербайджана» (www.rg.ru/2009/02/12/rzaev.html), «В Самаре **киллер** ранил в живот председателя областного суда» (www.rg.ru/2008/11/25/samara-pokushenie-anons.html), «**Киллер** стрелял в упор. Погиб вице-мэр Новосибирска» (www.rg.ru/anons/arc_2001/0808/5.shtm).

¹³⁹ Анализируя примеры употребления лексемы **killer** в польской прессе, напр., «Dzięki zeznaniom **płatnego killera** kanadyjska policja rozbiła sieć gangów i aresztowała 10 innych osób podejrzanych o zabójstwa. Współpraca z policją nie złagodzi oczywiście wyroku Gallantowi» (<http://www.dziennik.pl/swiat/article352329/Platny-morderca-policyjnym-informatorem.html>), мы замечаем употребление определения **płatny**.

¹⁴⁰ Напр., «Przełom nastąpił, gdy spotkała Roberta Rodrigueza. Najpierw obsadził ją w „Roadracers“, a później zaproponował rolę u boku Antonia Banderasa w „Desperado“ (1995) – remake’u „El Mariachi“. Jako seksowna bibliotekarka, która romansuje z przystojnym **killerem**, podbiła Hollywood. Nazywano ją latynoską seksbombą» <http://www.rp.pl/artykul/218871.html>.

¹⁴¹ Юридический словарь. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/>.

Существенная роль *лексико-семантической интерференции* связана не только с большей открытостью лексической системы языка по отношению к грамматической и фонетической системам. Лексика в большей степени, чем грамматика отражает специфику образа жизни и культуры данного народа. Кроме того, это лексика в любом высказывании несет основную информацию о действительности. По мнению Р.Г. Пиотровского, от 67 до 85% информации текста заложено в лексических единицах (словоупотреблениях и словосочетаниях)¹⁴². В подобном духе пишет А.Е. Карлинский, ссылаясь на исследования словарного состава немецкого языка, проведенные Х. Виссеманом, «соотношение лексического и грамматического компонентов в семантической структуре немецкого предложения разнятся в 4:1, т.е. 80% смысла высказывания составляют лексические значения и только 20% – грамматические»¹⁴³. Действительно, иногда возможно понимание высказывания при его почти полной аграмматичности.

Анализ *лексико-семантической интерференции* подразумевает также учет некоторых фактов *грамматической интерференции*, поскольку при сравнении грамматических структур и конструкций двух языков неоднократно приходится сталкиваться с лексическим значением слова, которое связано с его значением грамматическим. Необходимость учета грамматического значения слова вытекает из того факта, что «грамматические категории являются неотъемлемой характеристикой слова, определяющей его употребление в речи, построение фразы, а различия в морфологическом оформлении могут привести к искажению формы слова при переводе с одного языка на другой»¹⁴⁴. Итак, различия в лексическом значении глагола с суффиксом *раз-* могут стать источником ошибок. Например, слово **расстрелять** соответствует польскому **rozstrzelać** (ср. **Расстрелять приговоренного к смертной казни**), но в определенном контексте правильным является эквивалент **ostrzelać (обстрелять)**:

В Ингушетии неизвестные в упор **расстреляли** машину сотрудников ФСБ.

W Inguszetii nieznani sprawcy **ostrzelali** z bliskiej odległości samochód pracowników FSB.

¹⁴² Р.Г. Пиотровский, Лингвистические уроки машинного перевода // Вопросы языкознания, 4/1985. С. 19.

¹⁴³ А.Е. Карлинский, Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция, Алма-Ата, 1989. С. 52.

¹⁴⁴ И.Ю. Инькова, Лексическая интерференция в итальянском и французском языках (проблемы «ложных друзей переводчика») // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1992. С. 2.

Пристального внимания требуют различия в употреблении префикса *до-* и *do-*. В обоих языках данный префикс придает глаголу значение завершения действия, напр. **дочитать** и **doczytać**. Однако в русском языке намного шире диапазон глаголов с префиксом *до-*, что приводит к асимметрии глаголов данной группы, а впоследствии – к определенным трудностям при переводе:

А беглец поднялся и доплелся к утру к нашей избушке. Потом его достреляли окончательно (Ежедневный журнал, 30.05.2007).	Tymczasem uciekinier doczołgał się do naszej chatynki. Ale potem go ostatecznie dobili (Forum, 26/2007).
---	--

В приведенном нами примере перевода была употреблена лексема с префиксом *do-*, но с более общим значением ('добить'). Отсутствие аналогичной формы (***dostrzelić**) заставило переводчика использовать прием генерализации. Другой возможностью было бы использование приема описательного перевода.

Подведем некоторые итоги наших рассуждений. *Переводческая интерференция*, как и *языковая интерференция*, может проявляться на всех уровнях системы языка. Каждая разновидность интерференции требует пристального внимания исследователя, поскольку нарушения, вызванные вмешательством одной языковой системы в другую, могут приводить к отрицательным последствиям в виде ошибок, отклонений от нормы, нарушения узуса и т.п. Отдельные примеры отрицательных изменений в ТП под влиянием ИТ мы рассмотрели выше. Однако целью нашего исследования был выбран анализ интерференции на лексико-семантическом уровне языка. Сделанный нами выбор обоснован особой важностью и актуальностью данной проблемы, на что складываются две основные причины. Во-первых, это динамический характер лексической системы языка, который проявляется в процессах постоянных лексических изменений (заимствования, неосемантизация, неологизация, выход слов из употребления), что делает необходимым систематическое отслеживание лексических систем двух языков. Во-вторых, это ключевая роль лексики в процессе коммуникации и обеспечения передачи информации.

Глава 4

Лексико-семантическая интерференция

4.1. Внутриязыковой уровень

Отправной точкой для исследования *лексико-семантической интерференции* в процессе перевода является анализ явлений *омонимии*, *полисемии* и *паронимии*, так как частой причиной ошибок является неправильная идентификация слов на внутриязыковом уровне.

Как известно, в любом языке больше значений, чем слов, т.е. у одних и тех же лексических единиц бывает более, чем одно значение. Данное явление принято называть *полисемией* (*многозначностью*). *Лексическая полисемия* – это «способность¹⁴⁵ одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности»¹⁴⁶. Например, у слова **освободить** по ТСРЯ 4 значения: 1. ‘сделать свободным’; 2. ‘изгнав захватчиков, вернуть себе обратно (территорию)’; 3. ‘избавить от кого-чего-н., дать возможность не делать чего-н., 4. то же, что уволить’.

Наряду с *полисемией* существует явление *омонимии*, которое вслед за Д.Н. Шмелевым можно определить как: «совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом»¹⁴⁷.

Среди причин возникновения *омонимии* ученые перечисляют звуковые изменения, которые приводят к отождествлению звучания слов (напр., **лук** (‘растение’¹⁴⁸) и **лук** (‘оружие’)), заимствование иноязычного слова, совпадающего с уже присутствующим в языке (напр., **брак** как ‘женитьба’ от рус. ‘брат’ и **брак** как ‘изъян’ от нем. **Brack**), совпадение слов,

¹⁴⁵ Здесь и в дальнейшем в кавычках приводим полностью словарное определение рассматриваемой лексической единицы.

¹⁴⁶ Д.Н. Шмелев, Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М., 2002. С. 382.

¹⁴⁷ Д.Н. Шмелев, Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. М., 2002. С. 344.

¹⁴⁸ В ‘марровских кавычках’ мы толкуем в как можно более сжатой форме значение слова с целью указать омоним или значение многозначного слова, о котором идет речь.

заимствованных из различных источников, звукоподражательное происхождение одного из слов (**шип**), распад *полисемии*.

Определенные трудности связаны с разграничением *полисемии* и *омонимии*. В основном за критерий разграничения принимается этимология – слова, у которых разное происхождение, принято считать *омонимами*, а те, которые можно свести к общему источнику – многозначными словами¹⁴⁹. Причем проблему усугубляет трудность при определении завершения процесса разрыва первоначально единой семантики *многозначного слова*. В результате, в разных лексикографических источниках неоднократно одни и те же слова классифицируются то как *омонимы*, то как *многозначные слова*. Например, как указывает А. Зых, польск. слово *zamek* в значении ‘сооружение’ и в значении ‘устройство для запираания чего-л. ключом’ рассматривается в «Словаре польского языка» под редакцией Дорошевского (SJPD)¹⁵⁰ как многозначное слово, в то время как в «Энциклопедии польского языка» приводится в качестве иллюстрации явления лексической омонимии¹⁵¹. Мы добавим, что также в «Современном словаре польского языка» под ред. Б. Дуная (WSJP) **zamek** трактуется как омоним.

Можно выделить полную и частичную *омонимию*. О *частичной омонимии* говорится, когда совпадают лишь отдельные формы слов, например **три** (повелительное наклонение от глагола **тереть**) и **три** (числительное), причем данные формы слов принято называть *омоформами*. Кроме того, различают *омографы*, т.е. слова, совпадающие по написанию, но различные по звучанию. В русском языке – это чаще всего слова, которые отличаются формами ударения (сведение и сведение). *Омофоны*, т.е. слова, совпадающие по звучанию, но различные по написанию (в русском языке это чаще всего отдельные формы слов, например **лук** и **луг**, **прут** и **пруд**, **костный** и **косный**). *Омонимичными* могут быть также грамматические формы слов – например, формы прилагательных **большой** и **молодой** (например, **большой дом** и **большой комнаты**)¹⁵².

Как уже было сказано, *омонимия* и *полисемия* могут привести к неправильному восприятию текста даже при одноязычной коммуникации. Достаточно сравнить фразу **Много времени** (в значении осталось до выхода) и **Много времени** (уже поздно, пора выходить). Некоторые конструкции становятся понятными лишь при наличии более широкого контекста.

¹⁴⁹ Ср. K. Polański, *Polisemia (wieloznaczność)* // Encyklopedia językoznawstwa ogólnego / Red. K. Polański, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1999. С. 447.

¹⁵⁰ Słownik języka polskiego // Red. W. Doroszewski, t. 1–10. Warszawa, 1958–1968.

¹⁵¹ A. Zych, *Zjawisko synonimii, antonimii i homonimii w polskich i rosyjskich gniazdach słowotwórczych z przymiotnikami wyjściowymi nazywającymi barwę*. <http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/jrn/1999/j4/pril/pril06.1artsyn.html>.

¹⁵² Ср. Д.Н. Шмелев, *Указ. соч.* С. 345.

Типичным примером является польский глагол **wynająć**. В прессе довольно часто встречаются объявления типа: «**Wynajmę mieszkanie**».

Польскому **wynająć** соответствуют два русских глагола – **сдать** (кому? что?) и **снять** (у кого? что?). В исходном тексте отсутствие дополнительного определения может привести к двусмысленному пониманию, поскольку неизвестно, имеется в виду значение **снять квартиру** или **сдать квартиру**. Следовательно, данное предложение было бы сложно перевести на русский язык, в котором конкретизация приведенной *лексемы* задана системой языка.

Если двусмысленность фраз, содержащих *омонимы* или *многозначные слова*, может привести к затруднениям при одноязычной коммуникации, то тем более можно ожидать таких трудностей при двуязычной коммуникации, какой является перевод. В качестве примера мы можем привести вслед за Х. Лебедзиньским¹⁵³ неправильный, поскольку крайнее сложный в восприятии, перевод следующего предложения:

Widzieli, jak dziewczyna z długim **warkoczem** wchodzi na **mierzeję** podobną do **kosy**, как:

Видели, как девушка с длинной **косой** входит на **косу**, похожую на **косу**.

Омониму **kosa** соответствуют в польском языке три разных слова – **warkocz**, **mierzeja**, **kosa**.

Возможностью двоякого понимания омонимичных фраз коммуниканты иногда пользуются намеренно как стилистическим приемом – аллюзией. Она служит также отправной точкой для разного рода языковых игр (ЯИ), каламбуров, достижения комического эффекта, лежит в основе многочисленных анекдотов. Приведем несколько примеров:

а) ЯИ: Хорошую вещь **браком** не назовут.

б) каламбур, понимаемый как: «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, либо псевдо-синонимов, либо псевдо-антонимов»¹⁵⁴, напр.: Весна хоть кого с ума сведет. Лед – и тот **тронулся** (Э. Кроткий), Танцы – это трение двух **полов** о третий; «**Вкалываю** с утра до вечера!» – жаловался наркоман (А. Кнышев)¹⁵⁵. В последнем примере обыгрывается слово **вкалывать** в ожидаемом в данном контексте привычном значении «работать с большим напряжением и много» и переносном (жаргонном): «вводить наркотическое средство».

в) анекдот: **Штирлиц вышел без зонта**. – Дождь **капает**, – подумал Штирлиц. – Сам ты **капаешь**, – подумал дождь (обыгрывается слово **ка-**

¹⁵³ H. Lebedziński, Elementy przekładoznawstwa ogólnego. Warszawa, 1981. С. 17.

¹⁵⁴ В.З. Санников, Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания, 3/1995. С. 56.

¹⁵⁵ По: <http://www.krugosvet.ru/articles/76/1007622/1007622a1.htm>.

пать – в первой реплике в значении ‘падать каплями’, во второй – ‘доносить’).

Следует отметить, что наличие *полисемии* и *омонимии* в языке может привести к промахам в процессе перевода вследствие неправильной идентификации данной единицы. В качестве примера мы приведем неправильную идентификацию переводчиком польского слова **plód** в форме множественного числа (в основном значении это ‘плод в утробе матери’, но в некоторых контекстах может иметь также значение **фруктов, овощей** – ср. «*plody rolne*»). В русском языке слово **плод** многозначное (1. ‘часть растения, развивающаяся из завязи цветка и содержащая семена’; 2. ‘организм человека (животного) в утробе матери’; 3. *перен.* ‘чего порождение, результат чего-н.’). Приписание исходному слову первого значения его словарного эквивалента приводит к забавной ошибке.

Lata nosą na ożogu, a w dzień **plody spędza** (в значении: ‘совершает а днем **ворует фрукты**’¹⁵⁶. нелегальные аборт’).

Паронимия – это явление «частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)»¹⁵⁷.

Потенциальной причиной ошибок может стать неразличение форм, отличающихся семантикой на внутриязыковом уровне, например, **скрытый** и **скрытный**, **adaptować** и **adaptować**.

Кроме того, следует учесть сходие в двух языках слова (чаще всего заимствования из третьего языка), которые лишь в незначительной степени различаются в написании, например **транспарант**, **эксплуатация**, **автострада**, **батарея**, **кукуруза** – **transparent**, **eksploatacja**, **autostrada**, **bateria**, **kukurydza**.

4.2. Понятие денотативного, прагматического и коннотативного значений

В рамках теории перевода рассматривается проблема возможности передачи внутриязыковых, денотативных (референциальных), прагматических и коннотативных значений. Поскольку данный вопрос имеет непосредственное отношение к нашим дальнейшим рассуждениям, мы заострим на нем внимание.

¹⁵⁶ Пример по: Т. Гладыш, Человеку свойственно ошибаться. Ошибки, видимые невооруженным глазом. <http://correctura.narod.ru/vidimyje-oshibki.htm>.

¹⁵⁷ Ю.А. Бельчиков, Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М., 2002. С. 368.

В лингвистике под внутрилингвистическим значением принято понимать «отношения между знаком и другими знаками той же самой знаковой системы»¹⁵⁸.

Внутрилингвистические значения специфичны для каждого конкретного языка и их передача в процессе перевода нужна тогда, когда форма сообщения является собой его содержание или часть содержания, т.е. прежде всего в поэзии, а также в случае ЯИ, каламбуров и всех тех выражений, внутренняя форма которых обыгрывается. В других случаях нет такой необходимости, даже когда приходится указывать соответствия для ФЕ, что можно проиллюстрировать следующими словами: «Вряд ли оправданны требования к тому, чтобы переводчик стремился к образной и структурной адекватности фразеологизмов рассматриваемого типа [речь идет о лексических фразеологизмах – Б.Г.] в языке перевода и оригинала. Это требование часто практически невыполнимо, а теоретически необоснованно»¹⁵⁹.

В современном языкознании принято различать понятия *денотата* и *референта*. *Денотат* – это «множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения)»¹⁶⁰. *Референт* – это «объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок»¹⁶¹. Следовательно, принято различать термин, с помощью которого можно обозначать «виртуальную сущность, т.е. всю совокупность объектов реальной действительности, отвечающую содержанию какого-либо понятия и называемую соответствующим знаком»¹⁶² – *денотат*, и термин, обозначающий «конкретный объект внеязыковой действительности, который имеет в виду автор речевого произведения, строя конкретное высказывание»¹⁶³ – *референт*.

Денотативное (предметно-понятийное) значение – это «понятийное ядро значения, т.е. „объективный“ („номинативный“, „внешнеситуационный“, „когнитивный“, „репрезентативный“, „фактический“, „диктальный“, „предметно-реляционный“) компонент смысла, абстрагированный от сти-

¹⁵⁸ Л.С. Бархударов, *Язык и перевод* (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. С. 68.

¹⁵⁹ В.С. Виноградов, *Перевод. Общие и лексические вопросы*. Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. М. К, 2004. С. 185.

¹⁶⁰ Т.В. Булыгина, С.А. Крылов, *Денотат* // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М., 2002. С. 129.

¹⁶¹ Т.В. Булыгина, С.А. Крылов, *Референт* // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М., 2002. С. 410–411.

¹⁶² Н.К. Гарбовский, *Теория перевода*. Учебник... С. 278.

¹⁶³ Там же. С. 281.

листических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т.п. оттенков»¹⁶⁴.

Прагматическое значение, в свою очередь, это «отношение между знаком и человеком»¹⁶⁵. Мы сошлемся на детально разработанную Л.С. Бархударовым классификацию прагматического значения. Итак, советский ученый включал в прагматическое значение стилистическую характеристику слова, его регистр и эмоциональную окраску. Стилистическую характеристику исследователь понимал как закреплённость слов за определенными речевыми жанрами. На этом основании были выделены следующие виды стилистической характеристики слова: нейтральная (стилистически непринужденные слова), обиходно-разговорная (слова, употребляемые в устной речи в «неофициальной обстановке» и не употребляемые, как правило, в письменной речи), книжная (употребляемые только в письменной речи), поэтическая (слова, употребляемые преимущественно в языке поэзии), терминологическая (слова, употребляемые, прежде всего в официально-научном жанре). Понимая под регистром слова состав коммуникантов и ситуацию общения («условие, в котором протекает процесс коммуникации»), Бархударов выделил фамильярный, непринужденный, нейтральный, формальный, возвышенный регистр. Эмоциональная окраска, в свою очередь, подразумевала подразделение лексики на три группы – отрицательно-эмоциональные, нейтрально-эмоциональные и положительно-эмоциональные¹⁶⁶.

Немного сложнее дело обстоит с коннотативным значением. Прежде всего, необходимо понимать, что коннотация толкуется по-разному языковедами, в том числе переводоведами. Вслед за В.Н. Телией мы отметим существование двух подходов к данному понятию. В широком «смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, ее форму и т.п. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наиме-

¹⁶⁴ Т.В. Булыгина, С.А. Крылов, Указ. соч. 129.

¹⁶⁵ Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 65.

¹⁶⁶ Ср.: там же. С. 108–115.

нования, т.е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения»¹⁶⁷.

В понимании, предлагаемом Ю.Д. Апресяном, *коннотация* – это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности»¹⁶⁸. При наиболее общем понимании, характерном, например, для работ Л.С. Бархударова, *коннотация* – это любое дополнительное значение слова. Советский переводовед считал, что коннотация примыкает к прагматическому значению слова, поясняя: «под коннотацией имею в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка»¹⁶⁹. Однако, по нашему мнению, отталкиваясь от изложенной нами концепции Бархударова, оценочный компонент следует включать в прагматическое значение слова, но понятие *коннотации* целесообразно отождествлять с ассоциативно-образным компонентом. Это обосновано возможностью установить оценочный компонент слова и его стилистический регистр на основании словарных помет – Бархударов подчеркивал, что о прагматическом значении следует говорить только «в тех случаях, когда отношение членов языкового коллектива к знакам языка становится частью семантической структуры самого знака, то есть закрепляется за ним постоянно и может получить соответствующую регистрацию в словаре в виде так называемых „стилистических помет“»¹⁷⁰. По тем же причинам В.Н. Комиссаров не считал необходимым выделять прагматическое значение слова, включая его стилистическую характеристику в денотативное значение¹⁷¹. По нашему мнению, немного по-другому представляется проблема дополнительных ассоциаций, связанных с культурой, историей и т.п. Информации об образно-ассоциативных связях, как правило, мы не находим в толковом словаре, но их наличие является составляющей одной язычной коммуникации. Проблеме необходимости/возможности передачи ассоциативно-образных связей мы уделим внимание в дальнейшей части нашей работы, пользуясь для определения данного явления термином коннотативное значение.

¹⁶⁷ В.Н. Телия, Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М., 2002. С. 236.

¹⁶⁸ Цит. по: О.В. Ковенева, Таинственный мир коннотаций в лингвистике и теории перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 1/2008. С. 124.

¹⁶⁹ Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 123.

¹⁷⁰ Там же. С. 107.

¹⁷¹ Ср.: В.Н. Комиссаров, Лингвистика перевода / Предисл. М.Я. Цвиллинга. – 2-е изд., доп. М., 2007. С. 103–105.

4.3. Межъязыковая омонимия

Явление межъязыкового сходства слов в плане выражения (звучания/написания) при их расхождении в плане содержания определяется в науке как *межъязыковая паронимия*, *межъязыковая омонимия*, а слова, сходные по форме, но различные по семантике, принято в науке определять как *межъязыковые омонимы/паронимы*, *мнимые эквиваленты*, *тавтономы*, *псевдоэквиваленты*, *коварные слова*, *апроксиматы*¹⁷², *междуязычные аналогизмы*¹⁷³, *псевдоинтернациональные слова*¹⁷⁴, *межъязычные омонимы*¹⁷⁵, *псевдоинтернационализмы*¹⁷⁶, *ассиметричные диалексемы*¹⁷⁷, а также *ложные друзья переводчика* (ЛДП)¹⁷⁸. Терминологический разнобой вытекает из отсутствия одного, общепризнанного термина, определяющего названное нами явление. Иными словами, каждый из перечисленных терминов имеет определенные недостатки. Например, термин *межъязыковые омонимы* указывает на существование на межъязыковом уровне *омонимов*, т.е. слов, совпадающих в плане выражения и отличающихся по семантике. Однако, как известно, трудно говорить о тождестве, т.е. полном совпадении каких-либо слов в двух разных языках в силу фонетических различий. Даже короткие слова, как **бок** и **bok** не произносятся одинаково из-за различий в артикуляции гласного звука [o] в польском и русском языках. Кроме того, несмотря на то, что в языковедческой литературе встречается определение *полные (абсолютные) синонимы* (чаще всего приводятся такие примеры, как *языкознание* и *лингвистика*, *путь* и *дорога* и т.п.), следует помнить о том, что сам факт их существования вызывает сомнения, поскольку в любой паре слов можно указать то, которое употребляется чаще, и, таким образом, отличается в плане стилистики. Например, если взять пару слов **auto** и **samochód**, большая частотность употребления у второго слова. Другим важным параметром является лексическая сочетаемость. Термины **tłumaczenie i przekład** – это в большинстве работ на

¹⁷² Ср.: Предисловие // K. Kusal, Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław, 2002. С. XI.

¹⁷³ К.Г.М. Готлиб, Междуязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Кемерово, 1966. С. 5.

¹⁷⁴ В.Н. Комиссаров, «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания (К постановке проблемы) // Мосты. Журнал переводчиков, 2 (6)/2005. С. 14.

¹⁷⁵ Z. Grosbart, О межъязычных омонимах // Język Rosyjski 6/1958. С. 49–53.

¹⁷⁶ Д.И. Ермолович, «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... // Мосты. Журнал переводчиков, 4 (16)/2007. С. 36.

¹⁷⁷ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Учебник... С. 329.

¹⁷⁸ По «Тезаурусу переводческой терминологии», ложные друзья переводчика – это: «występujące w dwóch różnych językach wyrazy, które są formalnie podobne, ale mają różne znaczenia». Tezaurus terminologii translatorskiej / Red. J. Lukszyn. Warszawa, 1993. С. 85.

польском языке синонимы, обозначающие как процесс перевода, так и его результат. Однако в таких определениях, как **художественный перевод**, а также **теория и практика перевода** в литературе перевода в основном функционирует слово **przekład** – **przekład artystyczny, teoria i praktyka przekładu**. При рассмотрении такой пары как **лингвистика** и **языкознание** можно отметить, что первое слово заимствованное, а второе давно присуще лексической системе русского языка и уже не ощущается носителями языка как заимствование, т.е. оба синонима отличаются друг от друга стилистическим оттенком. Такой же точки зрения придерживается О. Каде, утверждая, что «абсолютная тождественность противоречит природе языка, представляющего собой гибкую систему, знаки которой в определенных границах имеют способность к варьированию»¹⁷⁹. Из сказанного можно сделать следующий вывод: если тождество отсутствует на внутриязыковом уровне, трудно ожидать его на уровне межъязыковом.

Следует отметить, что некоторые исследователи считают *межъязыковыми омонимиями* лишь те слова в двух языках, которые при сходстве внешних оболочек полностью различаются в плане семантики. По их мнению, в противном случае, т.е. при учете также тех единиц, которые совпадают в части значений или отличаются лишь контекстом употребления, стилистическим оттенком и т.п., не было бы смысла говорить об *омонимии*¹⁸⁰. При таком узком понимании *межъязыковой омонимии* мы имеем дело с отношением внеположенности понятий в двух языках, упуская из виду другие типы межъязыковой асимметрии.

Термин *ложные друзья переводчика* подвергается критике из-за своей метафоричности, а также – поскольку наводит на мысль, что данная проблема касается лишь переводчиков, что, конечно, идет вразрез с действительностью, так как *межъязыковые омонимы* – это одно из проявлений интерференции, и как таковое оно присуще любой ситуации *билингвизма*.

Возможно и узкое понимание термина *ложные друзья переводчика*, т.е. отнесение его лишь к ситуации перевода. При такой трактовке мы считаем нужным приблизить позицию Д.И. Ермоловича. По мнению российского ученого, есть критерии, выполнение которых позволяет зачислить межъязыковую пару слов в группу ЛДП. Это: «1) узнаваемость по аналогии – это свойство отражено во втором члене термина (*друзья*); 2) несоответствие или неполное соответствие в плане содержания или в употреблении – это свойство отражено в первом члене термина (*ложные*); 3) актуальность явления именно в контексте перевода, а не просто с точки зрения

¹⁷⁹ О. Каде, Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. М., 1978. С. 71.

¹⁸⁰ Ср.: Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Учебник... С. 329.

сопоставительной лингвистики – об этом говорит третий член термина (*переводчика*)»¹⁸¹.

Необходимо подчеркнуть, что также в случае узкой трактовки термина ЛДП, не все исследователи относятся положительно к названному термину. Итак, Д.И. Ермолович пишет, что «сам термин *ложные друзья переводчика* не слишком удачен (по сравнению, например, с термином *псевдоинтернационализмы*). С одной стороны, он затушевывает важный признак этимологической общности, а с другой стороны, создает соблазн применить его к другим категориям переводческих трудностей, природа которых совершенно иная»¹⁸².

Следует обратить внимание на предложенный В.В. Алимовым термин *интерференты*. Российский исследователь пишет, что на межъязыковом уровне есть: «интерферирующие морфемы, слова и выражения, которые по своему звучанию в Я2 и Я3 оказываются в силу этимологических причин или даже случайно похожими на какие-то морфемы, слова и выражения в Я1, но далеко не обязательно совпадают с ними по значению»¹⁸³. Само понятие *интерференты* ученый объясняет следующим образом: «под „интерферентами“ следует понимать любые значимые единицы (морфемы, слова, выражения, синтагмы, предложения), которые по звучанию/написанию и функциям в одном языке напоминают соответствующие единицы или функции в другом языке, причем отрицательные интерференты различаются, а положительные совпадают в плане содержания»¹⁸⁴.

И хотя термин *ложные друзья переводчика* очень популярен в литературе по теории перевода, мы будем пользоваться предложенным В.В. Алимовым термином *интерференты*, поскольку он позволяет охватить как можно более широкий диапазон явлений, возникающих в процессе перевода в результате интерференции.

4.3.1. Типология межъязыковой асимметрии

Н.К. Гарбовский¹⁸⁵ выделяет четыре основных типа отношений между сходными по форме лексемами разных языков: *внеположенность*, *равнообъемность* (или *равнозначность*), *подчинение*, *перекрещивание*. Кроме того, стоит обратить внимание на классификацию, разработанную

¹⁸¹ Д.И. Ермолович, «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... С. 36.

¹⁸² Там же. С. 40.

¹⁸³ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 81.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Учебник... С. 338–348.

Л.С. Бархударовым¹⁸⁶, который наряду с *полным совпадением*, *включением* и *пересечением*, выделял *недифференцированность*.

4.3.1.1. Внеположенность

*Внеположенность*¹⁸⁷ – это такой тип отношений между понятиями, при котором «их объемы полностью исключают друг друга, т.е. объемы внеположенных понятий не содержат ни одного общего объекта»¹⁸⁸. Классическим примером отношения *внеположенности* может послужить пара слов **wóz** ('воз, телега') и **wуz** ('высшее учебное заведение'). Поскольку русское слово первоначально было аббревиатурой, которая в современном языке ведет себя как слово, ни о каком генетическом сходстве двух названных слов не может быть речи, а звуковое совпадение является чисто случайным. Иллюстрацией явления *внеположенности* может также послужить пара слов *tир* (по ТСРЯ «специально оборудованное помещение или место для стрельбы по мишеням») и польское **tir** (по WSJP «*duży samochód ciężarowy do przewozu ładunków na trasach międzynarodowych*», 'фура'), которое восходит к аббревиатуре **T.I.R.** (Transports Internationaux Routiers), что доказывает случайность сходства этих лексем в плане выражения. Такие пары слов, у которых нет этимологических связей, носят в указанной работе Н.К. Гарбовского название *случайных межъязыковых омонимов*¹⁸⁹. Следует отметить, что случайность сходства внешней формы при полном различии семантики уменьшает вероятность возникновения ошибки при переводе, поскольку данные слова появляются в совсем разных контекстах. Такой точки зрения придерживается также В.В. Акуленко, отмечая, что «явно случайно совпадающие лексемы, по сути не встречающиеся в одинаковых контекстах (типа англ., **rock** 'скала' – рус. **рок**), не вызывают ложных ассоциаций»¹⁹⁰.

Случайные совпадения за рамки понятия ЛДП выносит Д.И. Ермолович, включая в дефиницию вышеуказанного термина этимологический критерий. Как замечает исследователь, «если переводчик не видит или не предполагает органической связи между иноязычным словом и сло-

¹⁸⁶ Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 77–86.

¹⁸⁷ В литературе предмета встречается также термин *дизъюнкция* – см., напр., К. Kusal, Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии. <http://www.biblioteka.vpu.lt/zmogusirzodis/PDF/svetimosioskalbos/2005/kusal.pdf>. Несмотря на его популярность, мы будем говорить о внеположенности ради сохранения типологии Н.К. Гарбовского.

¹⁸⁸ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Учебник... С. 338.

¹⁸⁹ Там же. С. 337.

¹⁹⁰ В.В. Акуленко, О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969. С. 378.

вом родного языка, ему и не придет в голову подставлять одно вместо другого»¹⁹¹.

Однако, на наш взгляд, нельзя совсем исключить такую возможность – пары слов этого типа, как и все *ложные друзья переводчика*, притупляют бдительность переводчика, что может привести к промахам даже в ситуации письменного перевода. При устном переводе их отрицательная роль сказывается еще сильнее – переводчик (особенно синхронный) помещен в жесткие временные рамки, работает в условиях стресса, и, если к этому добавить еще фактор усталости, становится понятным, что данные слова могут быть неправильно опознаны/употреблены. Переводчик, сталкиваясь с такими словами, оказывается во власти двух противоположных явлений. С одной стороны, они притупляют его бдительность, поскольку сходство внешних оболочек слов не стимулирует переводчика обратиться к словарю. С другой стороны, появление в речи слов, схожих по форме, привлекает внимание переводчика, приводит к дополнительной потере времени для определения их эквивалентности, а в результате – к замедлению темпа речи, что, как известно, также считается проявлением интерференции.

Как уже упоминалось нами, слова типа **wóz** и **вуз** относительно редко вызывают ошибки, поскольку возникают в совсем разных контекстах, но по той же самой причине их ошибочная идентификация приводит к грубым искажениям текста.

Отношение *внеположенности* имеет место между парой слов **бурение** ('сверление, пробивание грунта, горной породы и т.п. буром') и **burzenie** ('снос, разрушение'). Именно внешнее сходство может подвести переводчика.

Интересующую нас лексему мы находим в шуточной расшифровке аббревиатуры КГБ – **Комитет глубокого бурения** (вместо **Комитет государственной безопасности**), которая имела хождение в народе в советские времена:

Nasi obywatele nie odzwyczaili się od tego, żeby prawie w każdym podejrzewać agenta KGB. Przecież w pierwszym dniu przewrotu ten «**urząd wielkiego burzenia**» od razu dał o sobie znać¹⁹².

Переводчик попался на удочку межъязыкового сходства, результатом чего является изменение смысла *антипословицы*¹⁹³. Считаем уместным добавить, что дополнительную трудность для переводчика представляют случаи переносного употребления лексики. Приведенный нами пример касается

¹⁹¹ Д.И. Ермолович, «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... С. 36.

¹⁹² W. Boriewicz, 3 dni / Przeł. I. Bogdanowicz-Piesik. Warszawa, 1992. С. 34

¹⁹³ Ср.: Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Антипословицы русского народа. М., 2008.

популярного в русском языке жанра *антипословиц*. Образование подобных фраз вписывается в особенно бурно развивающееся в последние 20 лет, но зародившееся намного раньше явление *депатетизации патетизмов*¹⁹⁴, суть которого сводится к тому, что в случае многих выражений и лозунгов произошла «смена идеологических и социальных коннотаций»¹⁹⁵. Если раньше они носили положительный характер, теперь употребляются в отрицательном значении или обыгрываются, используются в насмешку. Данная тенденция – к стебизации¹⁹⁶ языка – весьма характерна для нашего времени. Информация в СМИ, в том числе в прессе, интернет-изданиях призвана привлечь внимание, а путем к достижению этой цели является обыгрывание известных выражений, обязательное включение сатирического элемента, даже в информацию на серьезную тему. Для стиля стеба типичны «намеренно резкие стилистические перепады, стилевой „макаронизм“, сталкивающей [так в тексте – Б.Г.] высокое и низкое, трагическое и комическое, официальное и бытовое»¹⁹⁷.

Говоря о *внеположенности*, следует учесть также другой, более сложный в плане переводческой практики, случай. Речь идет о ситуации, когда у схожих по написанию/звучанию слов нет общих значений, но сами слова употребляются в одной и той же сфере¹⁹⁸, касаются похожих явлений и т.п. Польское *pensja* это ‘выплачиваемая регулярно зарплата’, русское *пенсия* – это 1. ‘денежное обеспечение за выслугу лет, по инвалидности, нетрудоспособности, в случае потери кормильца’; 2. ‘деньги, получаемые в качестве такого обеспечения’. Однако расхождение значений сопряжено с близостью контекстов, в которых появляются оба слова, что усиливает их *интерфероносный потенциал*¹⁹⁹:

¹⁹⁴ Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Классики марксизма-ленинизма в русских антипословицах // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 502.

¹⁹⁵ А.Д. Дуличенко, Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития // Przegląd Rusycystyczny, 3–4 (71–72)/1995. С. 190.

¹⁹⁶ Л. Миронюк, Русский язык «до» и «после» перестройки // Przegląd Rusycystyczny, 3–4 (71–72)/1995. С. 209.

¹⁹⁷ Х. Вальтер, В. Мокиенко, Новая языковая жизнь древнейшей профессии // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М., 2002. С. 82.

¹⁹⁸ Как правильно полагает С.Д. Хуцишвили: «Отношения полного семантического различия могут быть как следствием расхождений этимологически тождественных слов, так и результатом случайного совпадения слов разного происхождения». С.Д. Хуцишвили, Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация на соискание академической степени доктора филологии (Ph.D.). Тбилиси, 2010. <http://press.tsu.ge/GEO/internet/disertaciebi/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf>.

¹⁹⁹ Термин по: К. Кусаль, Субстандартная межъязыковая омонимия как объект лексикографирования // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 640.

Но здесь живут преимущественно граждане РФ, и они получают российские **пенсии**, гуманитарную помощь и деньги на оплату бюджетникам (НГ, 08.12.2006).

Ale mieszkają w niej głównie obywatele Federacji Rosyjskiej i otrzymują oni rosyjskie **pensje** oraz pomoc humanitarną (www.onet.pl [9.01.2007]).

Здесь показан пример ошибочного перевода. В результате интерференции, вызванной внешним сходством слов **пенсия** и **pensja**, меняется смысл ПТ по отношению к ИТ, поскольку речь в нем идет не о **пенсиях**, а о **зарплатах**, выплачиваемых Россией.

Аналогичное соотношение можно отметить для пары слов **анекдот** и **anegdota**. Русское **анекдот** – это по ТСРЯ: 1. ‘очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом’; 2. ‘смешное происшествие (*razg.*)’; в то время как в польском языке, по WSJP, **anegdota** – это ‘krótkie, dowcipne opowiadanie o jakimś komicznym zdarzeniu (często z życia sławnej postaci), niekoniecznie wiernie odtworzonym lub wręcz fikcyjnym, z zaskakującą puentą: facecja, dykteryjka’. В качестве иллюстрации мы приводим перевод на польский язык фрагмента фельетона русского журналиста:

Polskie mięso to teraz w Rosji ulubiony temat salonowych **anekdot**. W gazetach pełno karykatur. Oto choćby bohater 1613 roku Iwan Susanin prowadzi stado polskich krów na przepastne kostromskie bagna. Albo to – krowa, świnia i kura pędzą za niedźwiedziem, krzycząc po polsku: «Zjedz mnie!». A on ucieka od nich, trzymając w łapach plakat «Poszczę właśnie» (wariant: «Jestem wegetarianinem»). Albo Merkel zachęca Putina: «Proszę skosztować polskiego mięska». «Nie, Frau, pani pierwsza» – odpowiada Putin (www.gazeta.pl/2007-06-13).

Контекст четко указывает на то, что в тексте имеется в виду **анекдот**, т.е. «очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом», эквивалентом для которого являются польское **kawał** или **dowcip**. Мы сделаем попутное замечание, что польское **anegdota** чаще всего следует передавать с помощью словосочетания **забавный случай**.

К той же группе интерферентов принадлежит пара слов **твердить** ‘постоянно повторять одно и то же’ и **twierdzić** ‘podawać coś jako rzecz prawdziwą, pewną niepodważalną, zgodną z rzeczywistością, *pot.* ‘przekonywać, zaręczać, zapewniać’:

Otóż nasz znakomity choć nie-
zbyt błyskotliwy intelektualista filmowy
godnie reprezentował polską politykę
historyczną, dowodząc, że wojnę 1920 r.
zaczęli bolszewicy. To samo **twierdzi**
mój małorolny znajomy z Roztocza:
bolszewiki najechali na Polskę, ale Pił-
sudski dał im łupnia, gnał, gnał, aż do-
szedł do Kijowa (Przegląd, 26/2008).

Так вот, наш замечательный, хотя
и не слишком умный кино-интеллек-
туал достойно представил польскую
историческую политику, доказывая,
что войну 1920 года начали больше-
вики. То же самое **твердит** мой знако-
мый, небогатый крестьянин из Розто-
ча: большевики напали на Польшу, но
Пилсудский вломил им как следует,
гнал, гнал, аж до Киева дошел (www.
inosmi.ru/ 16.07.2008).

Мы можем констатировать, что данная пара слов появляется в очень
близких контекстах, что усиливает их *интерференционный потенциал*. Кро-
ме того, перенос интерферента приводит к искажению исходного сообще-
ния, но вписывается в контекст текста перевода, не нарушая его смысла
и стилистики. Этого рода ошибка интерференции является особо опасной,
так как ее можно обнаружить, лишь обращаясь к исходному тексту. Эта
ситуация отлична от приведенного нами раньше примера со словом **анек-
дот**, где внимательное прочтение переводного текста может вызвать сом-
нения насчет правильности употребления названного нами слова.

4.3.1.2. Равнообъемность

Следующий тип межъязыковой асимметрии – это *равнообъемность*. Речь
идет о словах, которые при внешнем сходстве и семантической симметрии
различаются нюансами значений, стилистическими оттенками, оценочны-
ми значениями, но относятся к одному и тому же *денотату*.

Dotarliśmy do ostatniej linii żoł-
nierzy, gdzie już wybuchały bomby
i padały strzały z kałasznikowów, a **pop**
ciągle błogosławił. Wszyscy myśleli, że
to ich ostatnie chwile. Na końcu pop
ostatniego namaszczenia udzielił mnie
(Dziennik 12.08.2008).

Мы добрались до последней
линии армии, где уже взрывались
бомбы и слышались выстрелы из
«калашниковых», а **поп** все бла-
гословлял. Все думали, что это их
последние минуты. В конце свя-
щенник и меня благословил (www.
inosmi.ru).

По SWJP, **pop** – это ‘ksiądz w kościele prawosławnym i greckokatolickim’, рус.
поп по ТСРЯ – это (разг.) ‘православный священник’. Как видим, оба понятия

относятся к одному и тому же объекту – православному священнику. Однако они принадлежат к разным стилистическим регистрам (литературный для польского и разговорный для русского слова), поэтому правильным эквивалентом в вышеприведенном примере следует считать слово **священник**. Стоит добавить, что по русско-польскому словарю христианства **поп** – это «устар. разг. с оттенком пренебрежения православный священник»²⁰⁰.

Отношения *равнообъемности* могут иметь место также тогда, когда два понятия относятся к одному и тому же объекту, но одно из них является устаревшим. Итак, русское **комната** в основном значении – это ‘отдельное помещение для жилья в квартире, в гостинице, в общежитии, а также отдельное служебное помещение’, польское **komnata** – это ‘dawniej: pokój mieszkalny, duża reprezentacyjna izba, sala w dworach, zamkach, bogatych kamienicach itp.’

Słońce przecisnęło swe ogniste macki przez szpary w okiennicach, przeszło **komnatę** skośnymi, pulsującymi od wirującego kurzu smugami światła [...] (<http://correctura.narod.ru/>).

Солнце просунуло огненные щупальца сквозь щели в ставнях, прошило **комнату** косыми, пульсирующими от кружащихся пылинок полосами света [...] (<http://correctura.narod.ru/>).

Согласно сказанному, передача польского **komnata** с помощью русского **комната** приводит к изменению стилистического оттенка ТП. Вместо устаревшего слова появляется современное, что приводит к изменению образа – вместо помещения в замке или дворце, ассоциацию с которым вызывает лексема в ИТ, в ТП создается образ современного помещения. Правильным, по нашему мнению, был бы эквивалент **покой**.

Отношение *равнообъемности* можно отметить также в случае пары слов **кляча** и **klacz**. Они оба обозначают самку лошади, однако польское является нейтральным, в то время как русское носит отрицательный оттенок значения, обозначая плохую, заморенную лошадь. Вот пример отрицательного влияния сходства внешних оболочек слова:

Telewizja, jak wiadomo, świetnie płaci. Mercedes 600 sponiewierany w filmie «**Stare klacze**» to prywatny wóz reżysera? (<http://wyborcza.pl/1,75480,3695706.html>).

Выделенное жирным шрифтом словосочетание – это перевод названия российского фильма «Старые клячи». Учитывая вышесказанное, мы

²⁰⁰ R. Lewicki, Христианство. Русско-польский словарь / Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa, 2002. С. 211.

вынуждены отметить *интерференционную ошибку*. Словарным соответствием лексемы **кляча** являются польск. **szkapa, chabeta**²⁰¹.

Равнообъемность имеет также место, когда сравниваемые в двух языках лексемы при сходстве внешних оболочек и семантики отличаются частотностью употребления. Такая ситуация может возникнуть, когда одна лексема принадлежит к нейтральному стилю речи, вторая – носит терминологический характер, в результате чего область ее употребления уже.

Русское **диапазон** довольно часто появляется в выражении **диапазон интересов**, кроме того, оно встречается в газетных и публицистических текстах. Польское **diapazon** в нетерминологическом значении употребляется редко и относится к высокой лексике.

Вот **диапазон интереса** Ростроповича к человечеству – от королев Елизаветы до продавца на рынке (НГ, 27.03.2007).

W **diapazonie** jego zainteresowań mieści się i królowa angielska, i sprzedawca na targu (Forum, 17/18/2007).

Анализируя вышеприведенный пример, можно констатировать, что под влиянием исходного текста был выбран неправильный эквивалент. Высокое **diapazon** и продавец на рынке создают контраст. Следовало отойти от буквального перевода и использовать описательный эквивалент.

Подводя итоги наших рассуждений относительно вопроса о *равнообъемности*, постараемся систематизировать выявленные нами общие закономерности.

Итак, некоторые старые славянские слова в польском языке сохранились как общеупотребительные, в то время как в русском лексиконе они относятся к поэтическим архаизмам²⁰²:

czoło – чело
dłoń – длань
oczy – очи

²⁰¹ Мы хотим подчеркнуть, что перевод названий фильмов оставляет довольно большую свободу за переводчиком; допускаются отступления от исходного названия вплоть до его изменения в целях сохранения естественности звучания при соблюдении принципа соответствия содержанию фильма. В этой связи нельзя исключать более метафоричный перевод, который отражает разговорное значение слова **кляча** – ‘пожилая, измученная женщина’, поэтому возможны и другие варианты перевода – «Stare kobyły», «Stare krowy» или даже «Staruchy». В рамках данного исследования констатируем лишь допущенную переводчиком ошибку.

²⁰² Ср.: Э. Ерановска-Гронческа, Лексико-семантическая интерференция [Электронный ресурс]: На примере устной и письменной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге: Дисс. канд. филолог. наук: 10.02.20. М.: 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). С. 26.

piersi – перси
usta – уста

Мы добавим, что в НБТСРЯ все перечисленные слова снабжены пометой *трад.-нар.* (традиционно-народные). Немного сложнее дело обстоит со словом **око** (**очи**). В упомянутом словаре приводятся еще другие пометы: устаревшее в значении **глаз** (**как зеницу ока**), книжное (только ед. ч. – **недреманное око**, **бдительное око**), публицистическое (только ед. ч.) – **око телекамеры**. Кроме того, как и многие другие устаревшие слова, почти все эти лексемы сохранились в составе фразеологизмов и других устойчивых выражений, напр., **не сходить с уст, из уст в уста, ударять себя в перси, беречь (хранить) как зеницу ока**. Поясним, что приведенные нами пары слов вступают в омонимичные отношения, поскольку отличаются в плане прагматического значения. В случае части указанных ФЕ мы видим совпадение отдельных компонентов (напр., **w mgnieniu oka – в мгновение ока**), но перевод осуществляется на уровне целостной единицы, а не ее составляющих. Иными словами, мы можем констатировать эквивалентность двух помещенных нами в скобки фразеологизмов.

При совпадении денотативного значения и сходстве внешней формы слово одного языка может относиться к устаревшей лексике, а другого к нейтральной:

- kuzyn** – **кузен** *устар.* ‘двоюродный брат; дальний кровный родственник в одном колене с кем-л.’
pokój – **покой** *устар.* ‘жилое помещение, комната’
lekarz – **лекарь** *устар.* ‘врач’
obrócić – **оборотить** *устар., разг.* (‘обернуть, повернуть’)

Поясним, что, подобно ранее приведенным нами примерам, между словами **lekarz** и **лекарь** можно отметить эквивалентность на уровне отдельных устойчивых словосочетаний: **czas jest najlepszym lekarzem – время лучший лекарь**.

Продолжая указывать группы слов, совпадающих при сходстве внешних оболочек в плане денотативного значения, но различающихся в плане значения прагматического, следует выделить пары, одно слово в которых относится к нейтральному стилю речи, а второе к обиходно-разговорному или народно-разговорному (по НБТСРЯ):

- burak** – **бурак** *нар.-разг.* ‘свёкла’
dziewczyna – **дивчина** *разг.* ‘девушка (обычно в речи украинца или об украинке)’
lalka – **лялька** *разг.* ‘кукла’

matka	– матка <i>прост.</i> ‘мать’
rozumieć	– разуметь <i>устар.</i> ‘понимать, постигать умом’
skóra	– шкура <i>разг.-сниж.</i> ‘кожный покров у человека, кожа’ (‘наружный покров тела человека’)
smak	– смак <i>разг.</i> ‘приятное вкусовое ощущение’
stołówka	– столовка <i>разг.</i> ‘столовая’
szybki	– шибкий <i>разг.</i> ‘очень скорый, быстрый’
torba	– торба <i>разг.</i> ‘мешок, сума, носимые на плече, через плечо’, а также <i>шутл.</i> ‘о большой сумке’
zakazać	– заказать <i>разг.</i> ‘запретить’
praca	– робота <i>разг.</i> ‘работа’
ryż	– рыжий <i>разг.</i> ‘рыжий’
tańczyć	– танцевать <i>разг.</i> ‘танцевать’
zabić	– убить <i>разг.</i> ‘убить’

Слова, указанные в левом столбике относятся к нейтральному стилю речи, в правом – к разговорному. Поясним, что выбор перечисленных в правой части лексем в качестве эквивалентов чреват изменением стилистического регистра, что, если только не является сознательным действием переводчика, продиктованным требованиями контекста, принятой переводческой стратегией, необходимостью обеспечить эквивалентность на уровне единицы выше слова или необходимостью компенсации другого отрывка ТП, следует считать ошибкой. Говоря об эквивалентности на уровне единиц выше слова, следует привести целостные единицы, компонентами которых являются упомянутые слова. Сравним: **czerwony jak burak, głodny sytego nie zrozumie; poczuć na własnej skórze; ratować własną skórę** – **красный как бурак; сытый голодного не разумеет; почувствовать что-л. на своей шкуре, спасти свою шкуру**.

Пристального внимания требуют пары названий национальностей, указанные нами ниже, первое в которых нейтральное, а второе носит уничижительный оттенок:

Azer	– азер <i>жарг.</i> ‘азербайджанец’
Żyd	– жид (<i>разг.-сниж.</i>) ‘презрительное название еврея’
русский	– Ruski, Rusek

Как видим, сходные по звучанию слова, помещенные в правом столбике, носят уничижительный оттенок значения, являя собой, таким образом,

интерференты. Нейтральные эквиваленты – это **азербайджанец, еврей, Rosjanin**²⁰³.

Можно отметить также другой тип закономерности – слова в одном языке являются нейтральными, в другом принадлежат к книжному стилю речи:

cudzoziemiec	– чужеземец
konsekwentny	– консеквентный
śmierdzieć	– смердеть ²⁰⁴
profesja	– профессия

Последней закономерностью, рассматриваемой нами в рамках отношения равнообъемности, следует считать совпадение внешних оболочек и денотативного значения пары слов при значительных расхождениях в плане частотности употребления:

беда	– bieda
беременный	– brzemienny
журналист	– żurnalista
сторонник	– stronnik
тротуар	– trotuar
фактор	– faktor

Все указанные в правой колонке слова характеризует низкая частотность употребления в отличие от их синонимов: **dziennikarz, czynnik, nieszczęście, zwolennik, chodnik**, которые следует считать эквивалентами приведенных нами русских лексических единиц. Мы добавим, что при указанном явлении злую шутку с переводчиком могут сыграть не только двуязычные, но и толковые словари. Например, по WSJP, **trotuar** – это «fragment ulicy przeznaczony dla pieszych, odgrodzony od jezdni krawężnikami, zwykle wyłożony betonowymi płytkami; chodnik». Как видим, из словарной статьи, не снабженной никакими пометами, следует, что сло-

²⁰³ Более подробно о последней лексеме в п. 4.3.1.5.

²⁰⁴ Лексема **смердеть** снабжена пометой *книж.* только в словаре Ушакова. Как в ТСРЯ, так и в НБТСРЯ она приводится без каких-либо помет. Однако контекст употребления и сочетаемость слова **смердеть** уже, чем лексемы **вонять** – прямого словарного эквивалента польск. **śmierdzieć**. **Смердеть** может **пруд, труп, мясо**, но вряд ли **обувь, одежда** и т.п. Поэтому, по нашему мнению, положение о различии в прагматическом значении пары **śmierdzieć** – **смердеть** правильно, а помещение этих слов в таблицу обосновано, так как во многих контекстах они могут подвести переводчика.

ва **chodnik** и **trotuar** являются близкими синонимами. Однако мера частотности у этих лексем различная, типичное определение ‘пешеходной дорожки, идущей сбоку от проезжей части’ – это **chodnik**, и оно является эквивалентом русского **тротуар**.

Приведенные примеры, а также сделанное нами обобщение в виде указания закономерностей для русского и польского языков, дают право считать отношение равнообъемности потенциально обильным источником *интерференционных ошибок* и подтверждают необходимость его более детального изучения и учета в процессе подготовки переводчиков.

4.3.1.3. Перекрещивание

Перекрещивание имеет место, когда в объем понятий в двух языках входят как общие для обоих понятий объекты, так и различные. При *перекрещивании* возникает такой тип отношений, при котором образуются три класса объектов: объекты, входящие в объем понятий как в первом, так и втором языке; объекты, входящие только в объем понятия в первом языке; и, наконец, объекты, входящие в объем понятия в другом языке. Таким образом, можно отметить существование трех семантических областей, а именно: области совпадения значений, которая представляет собой область эквивалентности, и двух областей несовпадающих значений, из-за которых «лексемы, составляющие диалексему, оказываются омонимами»²⁰⁵.

Сравнивая лексемы **рынок** и **rynek**, можно прийти к следующим выводам: оба слова совпадают в значении: ‘сфера товарного обращения, товарооборота (**рынок сбыта rynek zbytu**; **черный рынок czarny rynek**)’. Кроме того, русское слово имеет значение «место розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах, базар», которому на уровне разговорного языка соответствует польское **rynek**. Польское слово имеет еще одно значение: «od średniowiecza: centralny plac miejski, zwykle w formie prostokąta zamkniętego kamienicami najbogatszych mieszczan, często z ratuszem pośrodku, stanowiący główny ośrodek życia społecznego, gospodarczego» (WSJP). В таком значении принято переводить его на русский язык как **рыночная площадь**.

²⁰⁵ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Учебник... С. 346. Поясним, что *диалексема* в понимании В.В. Акуленко – это сходные по внешней форме лексемы двух языков. Ср.: В.В. Акуленко, Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972. С. 135.

W Imperium Rosyjskim, jednym z największych imperiów świata, były to naprawdę trzy wielkie miasta: Moskwa, Petersburg i Warszawa, bo już nawet nie Kijów. Cała reszta to gogolowskie, prowincjonalne miasteczka z klasycystycznym **rynkiem**, parterowymi lub piętro-owymi domkami i uliczkami pokrytymi gnojem (www.dziennik.pl [16.08.2008])

В Российской империи, одной из величайших империй мира, на самом деле было только три больших города: Москва, Петербург и Варшава, потому что даже Киев уже таковым не считался. Все остальное – это гоголевские провинциальные городки с классическим **рынком**, одноэтажными или двухэтажными домиками и улочками, заваленными навозом (www.inosmi.ru [19.08.2008]).

В процитированном нами отрывке текста польский историк рассказывает об истории России. Слово **rynek**, несомненно, употреблено в значении ‘центральная площадь в городе’, а факт использования национально окрашенного слова для описания реалий другой страны может быть объяснен установкой на польского читателя. Отдавая себе отчет в том, что в данном контексте определение **рыночная площадь** в силу его национальной специфики не является правильным эквивалентом, мы вынуждены констатировать, что имеем дело с примером ошибки, вызванной *лексической интерференцией*.

4.3.1.4. Подчинение

Как мы уже отмечали, большинство слов характеризуется многозначностью. На межъязыковом уровне можем отметить существование следующей зависимости: у слова в ИЯ круг значений шире, чем у слова в ПЯ (возможна также обратная ситуация). Такой тип отношений можно определить как *подчинение* (по классификации Бархударова²⁰⁶ – *включение*).

У заимствованного из английского слова **декада**, в отличие от источника, лишь одно значение – 1. ‘промежуток времени в десять дней, третья часть месяца’; 2. ‘такой промежуток времени, посвященный чему-н.’, а польское **dekada** – это определение промежутка времени как в десять дней, так и в десять лет, а также недель или месяцев (намного реже). Сферой эквивалентности является значение промежутка времени в десять дней, а причиной возможной ошибки может быть перенос второго значения, присущего лишь лексеме польского языка.

²⁰⁶ Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 76.

Оставляя в стороне наши рассуждения, следует отметить, что в результате неточных переводов с английского языка слово **декада** все чаще употребляется для обозначения периода десяти лет. Такого значения не отмечают толковые словари русского языка, но, возможно, со временем оно станет нормативным. Данный пример является лишним доказательством того, что лексическая система языка носит динамичный характер, и лексемы, которые мы вчера классифицировали как интерференты, завтра могут перейти в разряд эквивалентов.

Изменение статуса межъязыкового эквивалента произошло со словом **практически**. Еще в 70-тых годах Я.И. Рецкер проиллюстрировал явление *лексической интерференции* английского языка следующим примером: «В нашей прессе сообщалось, что в результате землетрясения в Никарагуа столица Манагуа „практически“ разрушена полностью. Этого буквализма не было бы, если бы переводчик потрудился заглянуть в упомянутый словарь-справочник, где под 4-м значением слова *practically* указан перевод *почти*»²⁰⁷. В помещенных в третьем издании вышеуказанной книги комментариев Д.И. Ермолович правильно отмечает, что данный пример больше не является иллюстрацией интерференции, поскольку за русским словом **практически** закрепилось аналогичное английскому значение **почти** (напр., *практически полностью*)²⁰⁸.

Отношение *подчинения* можно также обнаружить в случае слова **народный**, у которого есть два эквивалента в польском языке, **narodowy** и **ludowy**. Ниже приводится пример неправильной идентификации значения упомянутой нами единицы.

80 лет назад, 22 августа 1927 года, величайший русский певец Федор Иванович Шаляпин, отказавшийся вернуться из-за границы в СССР, был лишен звания **народного артиста республики** и предан на родине анафеме (Коммерсант-Деньги, 20.08.2007).

Osiemdziesiąt lat temu najwybitniejszemu rosyjskiemu śpiewakowi Fiodorowi Szalapinowi, który pod koniec życia osiadł we Francji, odebrano tytuł **Ludowego Artysty Sowietckiej Rosji** (Forum 46/2007).

Вышеуказанный отрывок перевода на польский язык пестрит ошибками, вызванными интерференцией. Во-первых, в данном контексте для слова **народный** следовало бы выбрать в качестве эквивалента слово **narodowy**, так как польское **ludowy** указывает на связь данного звания с фольклор-

²⁰⁷ Я.И. Рецкер, Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. М., 2007. С. 35.

²⁰⁸ Там же.

ным творчеством, что не соответствует действительности, поскольку оно присваивалось почетным деятелям в области науки, культуры, искусства. По ТСРЯ **народный** в рассматриваемом нами значении – это ‘в почетных званиях: имеющий большие заслуги перед всем народом’. Во-вторых, налицо калькированный с русского порядок слов. В-третьих, сомнения вызывает определение **sowiecki** вместо **radziecki**. По словарю польского языка **sowiecki** – это «mający związek ze Związkiem Radzieckim, należący do Związku Radzieckiego (wyraz budzący negatywne konotacje); radziecki». Как видим, это слово вызывает отрицательные ассоциации, поэтому лучшим переводческим решением был бы выбор лексемы **radziecki**.

Само определение **народный артист** принадлежит к группе советских и российских реалий, поэтому стоит его переводить с помощью одного постоянного эквивалента, т.е. **artysta narodowy**. Стоит также обратить внимание на фактическую ошибку, допущенную переводчиком. В Советской России не было звания **народного артиста**, его ввели в СССР, присваивая наиболее заслуженным деятелям науки, культуры и искусства звание **народного артиста СССР**, а также – **народного артиста** отдельных советских республик. В цитированном фрагменте речь идет о звании народного артиста РСФСР, что должно найти отражение в переводе.

Следует отметить, что взаимосвязь между словами **народный** в русском и **narodowy** и **ludowy** в польском языках доставляет определенные трудности также при переводе с польского на русский язык. Эквивалентом для польского **ludowy** является слово **народный** в таких словосочетаниях, как **Польская Народная Республика (Polska Rzeczpospolita Ludowa)** или **народная демократия (demokracja ludowa)**. В значении «связанный с деревней» соответствием является слово **крестьянский**. Потому при переводе названия одной из польских политических партий – **PSL (Polskie Stronnictwo Ludowe)**, принято использовать определение **Польская крестьянская партия**²⁰⁹ или, по WSPR²¹⁰ – **Польский крестьянский союз**. Интересующий нас компонент – **ludowy** передается в переводе с помощью слова **крестьянский**. Однако, несмотря на существование общепринятого эквивалента, некоторые переводчики под влиянием русского языка отождествляют слово **ludowy** со словом **народный**, что иллюстрирует следующий пример:

– Nie możemy na to nie zareagować – doszli do wniosku posłowie PSL (Rzeczpospolita, 26.07.2008).

Мы не можем не отреагировать на это, – пришли к выводу депутаты от PSL [**Польское Народное Объединение** – *прим. перев.*] (www.inosmi.ru [4.08.2008]).

²⁰⁹ Ср.: В польский сейм также прошла **Польская крестьянская партия** – 8,83% (www.kommersant.ru).

²¹⁰ D. Hessen, R. Stypuła, Wielki słownik polsko-rosyjski, t. 1–2, wyd. 6. Warszawa, 1998.

Тем более неправильным является перевод образованного от названия Польской крестьянской партии прилагательного **ludowscy** (общее название членов партии) как **народники**. Сравним:

Ludowscy postanowili nie zostawić bez odpowiedzi wniosku amerykańskich kongresmenów, którzy zgłosili projekt rezolucji wzywającej polski rząd do zwrotu lub wypłaty odszkodowań za mienie żydowskie pozostawione po wojnie w Polsce (Rzeczpospolita 26.07.2008).

Народники решили не оставлять без ответа решение американских конгрессменов, которые предложили проект постановления, требующего от польского правительства вернуть или компенсировать имущество, оставленное евреями в Польше после войны (www.inosmi.ru [4.08.2008]).

Важно подчеркнуть, что слово **народники** тесно связано с русской культурой и историей, и попытка перенести таким способом реалии современной Польши на русскую почву кажется нам сомнительной. Более правильным был бы описательный перевод – **члены крестьянской партии, деятели крестьянской партии, члены партии, члены ПКП или члены PSL**, если переводчик действительно считает необходимым сохранить аббревиатуру из латинских букв.

Русское слово **колыбель** имеет два значения – ‘детской кроватки – подвесной или качающейся на округлых опорах’ и (*перен.*) ‘место возникновения чего-н.’ Первому из них соответствует польское **kołyska** или (намного реже) – **kolebka**, но второму – только **kolebka**:

Zwarty system obciążony tłem kulturowym tworzą na przykład nazwy miast-stolic: Kijów – pierwsza stolica państwa rosyjskiego, stolica prastarej Rusi Kijowskiej, Moskwa – stolica scentralizowanego państwa rosyjskiego, Petersburg – miasto Piotra Wielkiego, Piotrogród – **kołyska** Rewolucji Październikowej²¹¹

Можно полагать, что, поскольку в русском языке одна лексема охватывает два значения, произошел перенос второго значения на польскую лексему **kołyska**, которая, как мы уже отметили, не может выступать в значении ‘место возникновения чего-н.’ Единственной правильной формой является **kolebka rewolucji**.

Нельзя забывать о том, что указанные в пунктах 4.3.1.–4.3.1.4 пары интерферентов, иллюстрирующие отдельные отношения межъязыковой асимметрии, были нами выявлены с учетом словарных значений. Однако

²¹¹ Z. Aleksander, Elementy lingworealizacyjne w nauczaniu języka rosyjskiego. Warszawa, 1982. С. 36.

в процессе перевода условия контекста, переводческая стратегия (напр., стремление к достижению эквивалентности на уровне словосочетания, предложения, абзаца, текста), прагматическая адаптация, призванная обеспечить адекватность при одновременной естественности восприятия ТП носителями языка, могут привести к тому, что пары слов, зачисленных в группу интерферентов, в конкретном тексте перевода будут играть роль полноценных эквивалентов.

Наше утверждение можно пояснить, приводя пример перевода, выполненного студентами:

Правда, шишка какая-то на **лбу** (о собаке). – Co prawda, na **łbie** ma jakiegoś guza.

Слова **лоб** ('верхняя надглазная часть лица человека или морды животного') и **łeb** ('голова у животного') относятся к интерферентам – при внешнем сходстве их значения различаются. Однако условия контекста и стилистики польского языка требуют использования преобразования – вместо словарного эквивалента рус. **лоб** – **czoło**, переводчик выбирает слово **łeb**, понимая, что констатация о наличии шишки на **czole** (**лбу**) собаки нетипична для коммуникации в польскоговорящей среде – для описания аналогичной ситуации носитель польского языка скорее всего прибегнет к лексеме **łeb** (**голова**). Таким образом, в результате генерализации мы получаем пару **лоб** – **łeb**, которую в указанном контексте неправильно было бы считать результатом интерференции.

4.3.1.5. Недифференцированность

Немного отличается классификация, разработанная Л.С. Бархударовым²¹². Мы обратим внимание на выделенную им категорию *недифференцированности*. Тип отношений на межъязыковом уровне, при котором слову в одном языке, «выражающему более широкое („недифференцированное“) понятие, то есть обозначающему более широкий класс денотатов, в другом языке могут соответствовать два или несколько слов, каждое из которых выражает более узкое, дифференцированное, сравнительно с первым языком, понятие, то есть, относится к более ограниченному классу денотатов»²¹³, носит название *недифференцированности*. Например, в русском языке есть слово **бедро** ('часть ноги (у животных задней конечности) от тазобедренного сустава до коленного'), которому в польском языке

²¹² Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 74.

²¹³ Там же. С. 77.

соответствуют два разных слова **biodro** ('część ciała łącząca udo (u zwierząt kończynę tylną) z tułowiem') и **udo** ('część nogi od kolana do biodra'). Данный случай отличается от *полисемии*, когда мы имеем дело с наличием нескольких значений у данного слова. *Недифференцированность* подразумевает ситуацию, в которой понятие в одном языке шире понятия в другом языке, что является результатом разного членения действительности в двух языках. Переводчику приходится выбирать один из двух эквивалентов, причем не всегда можно четко определить, о котором из них идет речь. Фраза «ранен в бедро» без дополнительной информации может быть переведена на польский язык двумя разными способами: или **ranny w biodro**, или **ranny w udo**. Важным является тот факт, что у русского слова **бедро** нет двух отдельных значений – **biodro** и **udo**, мы имеем дело с одним значением, объем которого шире, чем у эквивалентов в польском языке. Кроме того, у некоторых слов мы можем наблюдать *недифференцированность* одного из значений и многозначность остальных.

В разговорном языке польское слово **ser** имеет два недифференцированных значения – **сыр** и **творог**. Поэтому определение **naleśniki z serem** без дополнительной информации может пониматься двояко, но в большинстве случаев соответствует русскому **блины с творогом**.

Примеры недифференцированности мы находим среди слов, обозначающих отношения родства и свойства. В современном польском языке отец жены равно как отец мужа именуется **teściem**, а его супруга – это **teściowa**. В русском языке сохранились отдельные номинации для родителей мужа (**свёкор** и **свекровь**) и жены (**тесть** и **тёща**). В польском языке есть отдельные определения брата отца и матери – **stryj** и **wuj (wujek)**, хотя налицо тенденция к вытеснению первой из названных номинаций лексемой **wujek**. В русском языке ни одна из ранее существующих лексем – **вуй** и **стрый** – не вытеснила другую; обе были заменены другим словом – **дядя**.

Существование указанного нами типа соотношений может вызывать трудности при идентификации значения сообщения на исходном языке, но в тех случаях, когда однозначная идентификация возможна, перевод отнюдь не является невыполнимым – чаще всего следует прибегнуть к приему описательного перевода (например, **нижняя часть бедра**). Трудности при переводе, когда имеет место указанный нами тип отношений, вытекают из замеченной еще Р. Якобсоном закономерности: «языки различаются, главным образом, в том, что они **должны** выразить, а не в том, что они могут выразить»²¹⁴.

²¹⁴ Р. Якобсон, О лингвистических аспектах перевода. [http:// sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=53&Itemid=61](http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=53&Itemid=61).

Отношение недифференцированности часто вызвано тем, что одна из языковых общностей перестает замечать данное понятие. По словам Б.Ю. Нормана, «уходит соответствующее понятие: общество уже не выделяет его из ряда подобных»²¹⁵.

Русское **пенсия** – это как **emerytura**, так и **renta**. И если при переводе на польский мы вынуждены выразить конкретное значение, присущее одному из польских слов, то в русском языке можно обойтись без данной конкретизации и лишь в случае необходимости – произвести дифференциацию значения, употребляя выражения **пенсия по старости** и **пенсия по инвалидности**.

Аналогичная ситуация имеет место в случае слова **банка**, которое в соответствии со словарным определением ('цилиндрический сосуд'), является эквивалентом как польского **puszka**, так и **słoik**. Поэтому русское переводческое соответствие польского **słoik** и **puszka** содержит компонент **банка** (соответственно – **стеклянная банка** или **жестяная/алюминиевая банка**). Проблема возникает тогда, когда контекст не позволяет определить, о какой разновидности **банки** идет речь, и в переводном тексте мы вынуждены прибегнуть к дифференциации значения, выбрав одну из двух лексем – **słoik** или **puszka**.

В русском языке есть пара слов **русский** и **россиянин**. Первое означает этническую принадлежность, второе – гражданство. От них можно образовывать пары прилагательных **русский** и **российский**²¹⁶. Подобное смысловое различие кроют в себе пары слов: **латышский** и **латвийский**, **немецкий** и **германский**, **казахский** и **казахстанский**. В польском языке можно отметить лишь наличие пары **Anglik** (англичанин) і **Brytyjczyk** (британец). В остальных случаях мы имеем дело с определениями, которые совмещают значения обоих русских слов. Польское слово **Rosjanin** является *недифференцированным* по отношению к русскому, совмещая в себе значения **русский** и **россиянин**. При переводе в большинстве контекстов следует употреблять в качестве эквивалента польское **Rosjanin** как для слова **русский**, так и слова **россиянин**, а лишь тогда, когда оба слова появляются в тексте, или необходимо подчеркнуть значение слова **россиянин**, следует использовать прием описательного перевода: **obywatel Rosji**, **obywatel rosyjski** (**гражданин России, российский гражданин**):

²¹⁵ Б.Ю. Норман, Значение слова и понятие: к развитию темы // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М., 2002. С. 446.

²¹⁶ Подробнее о различиях в употреблении и сочетаемости обеих лексем – см. Е.В. Старостина, Русский и российский: трудности определения // Вестник ЦМО МГУ, 1/2009, Русистика. С. 15–17.

Стоит ли теперь удивляться тому, что американские форумы и блоги пестрят призывами «депортировать **русских**» (Огонек, 22.10.2007).

Nie można się dziwić, że teraz internetowe amerykańskie fora dyskusyjne i blogi aż trzeszczą w szwach od apeli o deportowanie **russkich** (Forum 47/2007).

В приведенном нами примере кроме лексической ошибки можно также заметить проявление *орфографической интерференции* – название национальности (даже с пренебрежительным оттенком) следовало написать с прописной буквы.

Добавим, что в период социализма, а в настоящее время в публицистических и исторических текстах, слово **Rosjanin** употребляется по отношению к жителям Советского Союза независимо от их национальности²¹⁷. Такое употребление данной лексической единицы вытекает из отождествления представителей других национальностей, проживающих на территории СССР, с этническими русскими.

Слова **Ruski** и **ruski** носят отрицательный оттенок. По SJP, **Ruski** это с пренебрежением **русский** (*Ruski leksew. «Rosjanin»*)²¹⁸. Как показывает практика, оно обладает *интерфероносным потенциалом* также при переводе на русский язык:

Nie pozwólmy przebudzonej **ruskiej** agenturze wpływu dyktować Wolnej Europie, jak ta ma się zachować (<http://kcmatrix.salon24.pl/88061,index.html>).

Не позволим активизировавшейся **русской** агентуре влияния диктовать Свободной Европе, как она должна себя вести (www.inosmi.ru/ [12.08.2008]).

Результатом интерференции является частичная стилистическая нейтрализация исходного текста. Правильным эквивалентом для слов **Rusek**, **Ruski**, по нашему мнению, в основном является слово **москаль**, а при употреблении в форме прилагательного – **москальский**:

Albo taki **ruski** skoczek w dal – Podłużnyj się nazywał. W eliminacjach spalił wszystkie trzy próby (GW, 29.07.2008).

Или был **москальский** прыгун в длину, Подлужный была его фамилия. В отборочных соревнованиях три попытки у него были не засчитаны (www.inosmi.ru/ [31.07.2008]).

²¹⁷ Ср.: «В мире СССР определенно воспринимали как Россию, а советских людей называли ‘русскими’». С.Г. Кара-Мурза, *Манипуляция сознанием*. М., 2003. С. 633.

²¹⁸ По мнению проф. Мёдека, «w polszczyźnie funkcjonuje przymiotnik *ruski*, który dawniej odnosił się do Rusi – historycznej krainy wschodniosłowiańskiej, a obecnie także do Rosji. Wyraz ten, a także rzeczownik *Rusek* mają zdecydowanie negatywne zabarwienie uczuciowe». J. Miodek, *Słownik ojczyny polszczyzny*. Wrocław, 2005. С. 590.

Следует оговориться, что картину осложняет наличие в польском языке слова **Moskal** (по SJP 1. *pogard.* «o Rosjaninie»; 2. *daw.* «Rosjanin»), которое, естественно, приходится переводить с помощью эквивалента **москаль**. Лишь в том случае, когда в тексте присутствуют оба слова, для их различения можно прибегнуть к описательному эквиваленту. В нижеприведенном отрывке текста переводчик решил не дифференцировать эти два слова, которые выполняют подобную роль – пренебрежительного определения:

Do nieprzyjaciół **Moskali**
No i masz, rozpętałem wojnę polsko-**ruską**. Na razie tylko wirtualną
(www.interia.pl).

Недругам-**москалям**
На тебе! Я развязал польско-**москальскую** войну. Пока что лишь виртуальную (www.inosmi.ru).

Мы добавим, что в качестве эквивалента для польского **Rusek** иногда употребляется слово **русак** (разг. ‘русский человек’). По нашему мнению, поскольку лексема **русак** не содержит оттенка отрицательной оценки, а лишь является разговорным вариантом слова **русский**, употребление названной лексемы в качестве эквивалента весьма ограничено и сводится лишь к тем немногочисленным контекстам, в которых польское **Rusek** является формой нейтральной²¹⁹:

W czasach komunizmu nie mieliśmy problemów z rozróżnianiem rosyjskości od radzieckości, teraz całą wielonarodową Federację sprowadziliśmy do pojęcia «**Rusek**» i za komunistyczną historię winimy «**Rusków**», zapaominając, że komunizm narodowości nie ma, że ani Stalin, ani Dzierżyński, ani Beria Rosjanami nie byli (http://www.trybuna.com.pl/n_show.php?code=2008112211).

При коммунизме у нас не было проблемы с тем, чтобы разделить русскость от советскости, а теперь мы всю многонациональную Федерацию свели к понятию «русак» и в коммунистической истории виним «**руссаков**», забывая о том, что у коммунизма нет национальности, что ни Сталин, ни Дзержинский, ни Берия не были русскими (<http://www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/245627.html>).

²¹⁹ Интересным фактом является то, что, по WSJP, **ruski** (pot. ‘dotyczący Rosji, rosyjski’) принадлежит к разговорному стилю речи. Авторы не упоминают неодобрительную окраску, которую содержит названное слово. В качестве иллюстрации они приводят следующий пример: **ruski czołg, telewizor**. Трудно согласиться с такой интерпретацией процитированного словосочетания. Определение **ruski telewizor**, подразумевает такие синонимы как **сермяжный, плохой** и др., т.е. носит отрицательный характер.

На основании вышесказанного мы можем констатировать, что эквивалент для польского **Rusek i Ruscy** выбран неправильно. Следовало употребить формы **москаль** и **москали**.

Похожую зависимость можно видеть у слова **koń**, а также русских слов **лошадь** и **конь**. Польская лексема является недифференцированной по отношению к названным русским словам, т.е. охватывает оба их значения:

Gazeta Olsztyńska opisuje ze zgrozą dwumetrową żmiję piaskową, która grasuje nad jeziorami. Są już ofiary w koniach i ludziach. «Okazało się, że **koń** został najprawdopodobniej ukąszony. Świadczyły o tym ślady zębów. Chwilę później ukąszony został także **pies** mężczyzny, który po kilku minutach zdechł» (GW, 19.08.2008).

Газета Ольштынская с ужасом описывает двухметровую песчаную гадюку, которая рыщет у озер. Есть жертвы человеческие и лошадиные. «Оказалось, что **конь**, скорее всего, был укушен. Об этом свидетельствовали следы зубов. Вскоре был укушен и **пес** мужчины, который через несколько минут издох» (www.inosmi.ru [20.08.2008]).

Польское **koń** употреблено в исходном тексте в общем значении ‘крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных’, так что естественным эквивалентом является слово **лошадь**. Вряд ли можно говорить о намеренной конкретизации путем введения слова **конь** – в тексте ничто не указывает на обоснованность такого выбора, т.е. сведения значения исходной лексемы к значению ‘самец лошади’, тем более что в предыдущей фразе **ofiary w koniach** передается как **лошадиные жертвы**. Аналогичную ошибку мы видим и в следующем предложении. Польское **pies** имеет недифференцированное значение и может соответствовать в зависимости от контекста как русскому **собака**, так и **пёс**. Поскольку в приведенном отрывке текста слово употреблено в общем значении, правильным переводческим решением было бы употребление слова **собака**. Можно предполагать, что лексема **пёс** появилась под влиянием внешней формы польского слова.

Необходимо вспомнить еще об одной разновидности *недифференцированности*, которая имеет место, когда «два слова в разных языках хотя и совпадают по своему референциальному значению, но в одном из этих языков есть также и особое слово для обозначения определенной разновидности данного понятия, а в другом языке такого слова нет»²²⁰. Русские и польские слова **стол** и **stół** совпадают в значении «предмет мебели», но для обозначения польского **biurko** следует прибегнуть к описательному

²²⁰ Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 80.

письменный стол за неимением однословного соответствия. Слова **дом** и **dom** совпадают в нескольких значениях, а именно: ‘жилое (или для учреждения) здание, свое жилье’, а также ‘семья, люди, живущие вместе, их хозяйство’, место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования’, ‘династия, род’, а уже немного по-другому в значении ‘учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды’. С одной стороны, существуют совпадающие двухсловные наименования – **детский дом** (**dom dziecka**) или **дом торговли** (**dom handlowy**), но, с другой стороны, функционируют также отдельные слова, обозначающие данные заведения, эквивалентами которых являются двухсловные определения с лексемой **дом**, а именно – **dom studencki** и (студенческое) **общежитие**.

В своем основном значении совпадают также слова **жир** и **tłuszcz** в словосочетании **говяжий жир**, но уже для выражения **рыбий жир** основным эквивалентом является польское **tran**. Неучет этой взаимосвязи может в результате пословного перевода привести к забавной ошибке (***rybi tłuszcz**).

Аналогичную зависимость мы наблюдаем в случае названий пальцев в русском и польском языках: **palec wskazujący**, **palec środkowy**, **palec serdeczny** – это соответственно **указательный**, **средний** и **безымянный пальцы**, но **mały palec** – это **мизинец**, а **большой палец** – это **kciuk**.

Двухсловное определение в исходном тексте может быть переведено буквально, вместо употребления однословного эквивалента, что является ошибкой. Проиллюстрируем это положение следующим примером:

Polak w takiej sytuacji zagina pięść i wymieniając poszczególne liczby, rozprostowuje palce. Liczenie zaczyna się od **dużego palca**, a druga ręka nie bierze udziału w tej operacji²²¹.

Под влиянием описательной формы, характерной для русского языка – **большой палец**, в переведенном тексте мы получаем не употребляемую в польском языке форму **duży palec** вместо правильной **kciuk**.

Существование пар многозначных лексем в двух языках приводит к образованию своеобразных «сеток или своеобразных систем взаимных отношений аналогичных лексико-семантических группировок в разных языках»²²². Мы проследим данное положение, приводя следующую сетку:

podróż zagraniczna
polityka zagraniczna

– **зарубежная** поездка
– **внешняя** политика

²²¹ Z. Aleksander, Указ. соч. С. 58.

²²² Л.С. Бархударов, Указ. соч. С. 54.

Ministerstwo Spraw Zagranicznych	– Министерство иностранных дел
towary zagraniczne	– иностранные товары
paszport zagraniczny	– заграничный паспорт (загран- паспорт)
иностранные языки	– języki obce
внешний вид	– wygląd zewnętrzny
иностранный акцент	– cudzoziemski akcent

Вопрос о полисемии слов, система значений которых не совпадает полностью на межъязыковом уровне, что приводит к образованию «сеток значений», требует особого внимания. Неучет расхождения отдельных значений полисемичных лексем может быть отнесен к распространенным причинам ошибок как на этапе восприятия текста, так и выбора эквивалента.

4.4. Сочетаемость слов и интерференция

Перечисленные нами в предыдущем пункте словосочетания указывают также на различия в сочетаемости эквивалентных в двух языках единиц, что является одной из потенциальных областей интерференции. Как известно, эквиваленты при сходстве семантики, могут отличаться сочетаемостью, что доставляет трудности переводчику, а при переводе на иностранный язык является настоящим камнем преткновения. Кроме того, как правильно замечает С.Г. Тер-Минасова, «семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. Семантика слова в значительной степени обусловлена его лексико-фразеологической сочетаемостью и разного рода социолингвистическими коннотациями, а случаи эквивалентности слов во всем объеме их семантики и реального функционирования в речи, по-видимому, чрезвычайно редки»²²³. Причины такого положения дел объясняются в сжатой форме Л. Керекесом: «в языковой традиции народа складываются определённые закономерности соединения слов друг с другом. Иначе не называл бы иностранец климат *мокрым* вместо *влажного*»²²⁴. Проблема усугубляется, когда при сходстве значений имеет место сходство внешних оболочек слов. Тогда часто выбирается эквивалент под влиянием ИТ без учета его ограниченной сочетаемости в ТП.

²²³ С.Г. Тер-Минасова, *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2008. С. 51.

²²⁴ L. Kerekes, *Диалог разных языков и разных культур* // *Slavica tergestina* 5 (1997). С. 450.

Сошлемся на пример, обнаруженный в переводе «Заявления советского руководства» с русского языка:

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127 (7) Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу; в целях преодоления глубокого и **всестороннего** кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества [...] (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/letopis/zajavl_gkcp.php).

W związku z tym, że ze względu na stan zdrowia Michaił Siergiejewicz Gorbaczow nie może wykonywać obowiązków prezydenta ZSRR, uprawnień prezydenta ZSRR przechodzą zgodnie z artykułem 127/7/ Konstytucji ZSRR na wiceprezydenta Giennadija Iwanowicza Janajewa.

W celu przewyciężenia głębokiego i **wszechstronnego** kryzysu oraz uniknięcia politycznej, narodowościowej i obywatelskiej konfrontacji, chaosu i anarchii, które zagrażają życiu i bezpieczeństwu obywateli Związku Radzieckiego, jego suwerenności, jedności terytorialnej, wolności i niezależności naszej ojczyzny [...] (W. Bories, *op. cit.*, c. 25).

Всесторонний по-русски – это ‘охватывающий все стороны, направленный со всех сторон’ (НБТСРЯ). Значение прилагательного **wszechstronny** схоже – 1. ‘mający bardzo rozległy, obejmujący wiele dziedzin zakres działań’; 2. ‘uwzględniający wiele aspektów czegoś; dokładny, skrupulatny, wyczerpujący’, но его сочетаемость более ограниченная по сравнению с исходной единицей. Следует обратить внимание на приведенный в WSJP иллюстративный материал – **wszechstronny człowiek**, **wszechstronny umysł**, **wszechstronna analiza** и т.п., который является наглядным доказательством того, что названная лексема привносит положительный оттенок. Следовательно, словосочетание **wszechstronny kryzys** нарушает узус. На наш взгляд, переводчик должен подобрать другой эквивалент, напр., **wszechobecny**, (**wszechogarniający**, **powszechny**) **kryzys**.

Лексемы **недостаточный** и **niedostateczny** являются эквивалентными, однако контексты их употребления и сочетаемость не совпадают полностью:

По мнению научного руководителя Центра социальных исследований и инноваций Евгения Гонтмахера, увеличение импорта продовольствия напрямую связано с укреплением курса рубля и **недостаточной** поддержкой отечественного сельского хозяйства (www.ng.ru [14.08.2006]).

Zdaniem Jewgienija Gontmachera, kierownika Centrum Badań Społecznych i Innowacji zwiększenie importu artykułów spożywczych wiąże się bezpośrednio z umocnieniem kursu rubla i **niedostatecznymi** dostawami ze strony rodzimego rolnictwa (www.onet.pl [24.08.2006]).

Переведенное на польский язык предложение не звучит естественно. Следовало отказаться от польск. лексемы **niedostateczny** в пользу **niewystarczające dostawy**.

Словарным соответствием рус. **руководство** (в значении 'собир. руководители') является польск. **kierownictwo**. Однако кроме словарного соответствия при переводе необходимо учитывать контекст употребления исходной единицы и естественность звучания ТП:

Decyzje wiceprezydenta ZSRR i «**kierownictwa ZSRR**» o wprowadzeniu stanu wyjątkowego i urzędów GKCzP nie mogą być uważane za mające moc prawną i powinny być niezwłocznie uchylone przez Radę Najwyższą ZSRR lub Komitet Nadzoru Konstytucyjnego ZSRR (W. Boriew, Указ. соч. С. 40).

Если учесть вышесказанное, нельзя не обратить внимание на пример интерференции, результатом которой является нарушение узуса ПЯ. По нашему мнению, намного лучше было бы использовать определение **władze ZSRR**. Соответствуя исходной единице, оно органично вписывается в текст на польском языке.

Неудовлетворительным мы считаем также эквивалент, использованный в другом тексте:

К сожалению, видимо, у **руководства** Грузии совсем плохо с географией, и оно даже не знает границ своего государства, – прокомментировал Кокойты последние заявления МВД Грузии (<http://akado.com/news/document33474/>).

Niestety wygląda na to, że gruzińskie **przywództwo** jest słabe z geografii i nie zna nawet usytuowania granic własnego kraju – powiedział Kokojty agencji Interfax, na którą powołuje się Reuters (<http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Gruzinskie-przywodztwo-nie-zna-sie-na-geografii,wid,10556489,wiadomosc.html>).

Здесь видим попытку отойти от словарного соответствия **kierownictwo**, однако указанный эквивалент характеризуется более ограниченной сочетаемостью. По-польски говорится о **przywództwie powstania** (руководстве восстания), но в значении ‘руководство страны’ чаще всего употребляются лексемы **władza, władze**.

Аналогичная зависимость имеет место в случае пары слов **руководитель** и **kierownik**. Они являются эквивалентами, но не в любом контексте. Сочетаемость рус. лексемы шире, что иногда заставляет переводчика прибегать к нахождению других эквивалентов:

Urażona podobnym traktowaniem mera stolicy «bratniego narodu» służba prasowa Łużkowa wydała jeszcze bardziej kuriozalne oświadczenie. «Łużkow – jako jeden z **kierowników** największej politycznej partii Jedyna Rosja ma prawo do wyrażania poglądów, które podziela większość Rosjan z bólem znoszących rozpad ZSRR» – czytamy w oświadczeniu (http://kresy24.pl/showNews/news_iad/2138/).

Сочетание **kierownik partii** звучит неестественно. Намного лучшим решением было бы использование конструкции **jako jeden z liderów**.

Более подробно явление различий в сочетаемости и контекстах употребления слов можно проанализировать при сравнении соответствий для слова **kask**. Прямым русским эквивалентом является слово **каска**, которое из-за различия в категории рода принадлежит к группе интерферентов может вызвать грамматическую ошибку. Однако русская лексема имеет общее значение ‘защитного головного убора’, охватывая, таким образом, также элемент военной униформы, который в польском языке принято определять с помощью слова **hełm**. Следует добавить, что защитный головной убор это также **шлем**. По ТСРЯ, **шлем** – это «1. Старинный металлический воинский головной убор, защищающий от ударов, стрел; 2. Специальный защитный головной убор летчиков, танкистов, мотоциклистов, а также особый головной убор для защиты от солнечных лучей. Кожаный шлем. Пробковый шлем; 3. Специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее от внешней среды. Водолазный шлем. Кислородный шлем (обеспечивающий поступление кислорода)».

Эквивалентом как для первого, так и для третьего значения приведенной нами лексемы является слово **hełm** (соответственно **hełm rycerski** и **hełm nurka**). В случае второго значения картина осложняется. Мы имеем дело с недифференцированным значением в русском языке, поскольку защитный головной убор мотоциклиста – **kask** – это **шлем**, головной убор для защиты от солнечных лучей – это как **hełm**, так и **kask**, убор летчика – **hełm**, а танкиста – чаще всего **helmofoon**, хотя в русском языке есть также слово **шлемофон**, которое следует передавать с помощью польского **helmofoon**:

Zatrzymywał się co parę kilometrów, ubrani w amerykańskie mundury Gruzini zdejmowali **helmy**, klękali – tu wszyscy są religijni. Dotarliśmy do ostatniej linii żołnierzy, gdzie już wybuchaly bomby i padały strzały z kałasznikowów, a pop ciągle błogosławił.

W pewnej chwili minęła nas laweta pełna nowiutkich hyundaiów wywożonych z salonu – również między nimi siedzieli żołnierze zmierzający tam, gdzie spokojniej. Przy drodze leżały porzucone **helmy** (www.onet.pl).

Мы останавливались²²⁵ каждые несколько километров. Одеты в американскую форму грузины снимали **шлемы**, вставали на колени – тут все религиозны. Мы добрались до последней линии армии, где уже взрывались бомбы и слышались выстрелы из «калашниковых», а поп все благословлял.

Мимо нас проехала платформа, полная новеньких «Хюндаи», которые вывозили из автосалона. Между ними тоже сидели солдаты, стремящиеся туда, где спокойнее. У дороги лежали брошенные **шлемы** (www.inosmi.ru).

Выше указан пример неправильного выбора эквивалента для польского **helm**. Если действительно речь шла бы о **шлеме**, в польском тексте было бы употреблено слово **helmofon**. По нашему мнению, следовало выбрать лексему **каска**.

Подводя итоги наших рассуждений, касающихся разных типов *межъязыковой асимметрии*, мы подчеркнем, что особенно сложным случаем является многозначность лексем образующих *диалексему*, при которой в одном из значений можно наблюдать эквивалентность, в другом/других расхождение значений, т.е. существование пары/пар интерферентов. Этот факт вытекает из явления, которое мы можем описать с помощью наблюдения, сделанного В.Н. Комиссаровым: «Соответствующие значения в разных языках группируются по-разному в рамках многозначного слова. Как правило, многозначные слова синонимичны друг другу (то есть частично совпадают по содержанию) лишь в одном значении и полностью расходятся в остальных»²²⁶.

²²⁵ Мы хотим подчеркнуть, что предметом нашего анализа являются лишь выделенные жирным шрифтом слова и выражения, а другие возможные ошибки и/или неточности выходят за рамки нашего исследования, поскольку их наличие не имеет отношения к нашим рассуждениям. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые отступления от ИТ могут являть собой результат принятой переводчиком стратегии и компенсироваться в дальнейшей части текста

²²⁶ В.Н. Комиссаров, Лингвистика перевода / Предисл. М.Я. Цвиллинга. – 2-е изд, доп. М., 2007. С. 42.

4.5. Субстандарт, разговорная лексика и интерференция

Обильным источником лексической интерференции является разговорная лексика, просторечие, бранная лексика.

При внимательном рассмотрении можно обнаружить две основные причины этого явления.

Во-первых, среди слов, принадлежащих к сниженной лексике, довольно большое число *ложных друзей переводчика*²²⁷. Достаточно привести такие пары слов²²⁸, как: **авторитет** ('лидер преступной группы') // **autorytet**; **бич** ('бродяга') // **bicz**; **будка** ('о лице') // **budka**; **возникать** ('вмешиваться во что-л., выражая свое недовольство, несогласие') // **wnikać**; **въезжать** ('начать понимать') // **wjeżdżać**; **выступать** ('выражать несогласие, претензии, возмущение') // **występować**; **гасить** ('убивать') // **gasić**; **драпать** ('бежать') // **drapać**; **заложить** ('выдать кого-л., донести на кого-л.') // **założyć**; **бабки** ('деньги') // **babki**; **отрываться** ('развлекаться') // **odrywać się**; **умыть** ('обмануть, надуть кого-л.') // **umyć**; **косить** (1. 'прикидываться кем-л'; 2. 'отлынивать, уклоняться от чего-л.') // **kosić**; **ксива** ('документ') // **ksywa** ('псевдоним'); **базар** ('разговор, беседа') // **bazar**; **сроч** (1. 'кал', 2. 'грязь') // **sracz** ('туалет'); **чайник** ('новичок, начинающий') // **czajnik**; **загнать** ('продать') // **zagnać**; **мочить** ('убивать') // **moczyć**; **ночник** ('ночной клуб') // **posnik**; **обжигать** // **obrzygać** ('облевать'); **пан** ('наркотик высшего качества') // **pan**; **убрать** ('убить') // **ubrać**; **тачка** (1. 'такси', 2. 'легковой автомобиль') // **taczka**; **шмаль** ('наркотики (обычно гашиш, анаша)') // **szmal** ('деньги'); **jechać** ('вонять') // **ехать**; **kit** ('вранье') // **кит**; **objechać** ('отчитать кого-л.') // **объехать**; **szajba** ('отклонения от нормы, психическая болезнь') // **шайба**.

Во-вторых, нецензурная и разговорная лексика доставляют переводчикам большие трудности в силу их недостаточного изучения. Данное положение требует более подробного объяснения.

В конце 80-ых годов XX столетия в славянских языках произошли резкие изменения, связанные с бурными переменами в политической, эконо-

²²⁷ К. Кусаль пишет об около 600 русско-польских «субстандартных» омопарах, которые были им выявлены в ходе анализа польских и русских словарей жаргона и общенной лексики. К. Kusal, Русско-польская субстандартная лексика как источник межъязыковой омонимии // *Slavica Wratislaviensia* 138. Wrocław, 2005. С. 156.

²²⁸ В основном мы имеем в виду пары слов, в которых одно относится к субстандарту, а второе к нейтральной лексике. «Субстандартные» пары – это явление намного менее распространенное, но можно отметить также некоторое число таких пар – кроме названных нами слов **ксива**, **шмаль** и **сроч** – это, напр., **глина** ('кал') / **glina** ('полицейский'), **котовать** ('блудить, волочиться за женщинами') / **kotować** ('унижать новобранцев или поступивших в школу'), **корки** ('диплом') / **korki** ('репетиторство').

мической и социальной жизни соцстран – перестройка в СССР и в дальнейшем падение системы реального социализма в Польше, а позже – развал Советского Союза. Революционные изменения общественного устройства не могли не сказаться на языке.

Основная тенденция, которая наметилась во второй половине 80-ых годов XX века как в СССР, так и в ПНР, это отход от цензуры, носящей, как известно, не только политический, но, что очень важно, также нравственный характер. Если раньше вульгаризмы, обсценная лексика практически никогда не звучали на телевидении, отсутствовали на страницах газет и журналов и лишь изредка появлялись в художественной литературе, то в результате отмены цензуры они стали повседневным явлением. Засилью жаргона, просторечия, разговорной лексики способствовало также отступление от заранее подготовленных речей и тщательно проверенных перед показом теле- и радиопередач в пользу прямого эфира. Живой спонтанной речи присущи такие черты, как: некая хаотичность, небрежность, склонность к употреблению нестандартной лексики. Если «ляпы» случаются даже у искусных ораторов, говорящих экспромтом, то, тем более, они отмечаются у т. н. «простых людей», которых стали все чаще приглашать в СМИ, особенно в рамках программ нового жанра, т.е. ток-шоу. Источником разговорной и сниженной лексики стали многочисленные сериалы, викторины, репортажи, радио- и теленовости. Также язык современной литературы близок к устной речи, причем показателем художественной ценности произведения является как раз естественность языка персонажей²²⁹, а, как отмечает Е.И. Беглова, «газетно-журнальная публицистика 1990–2000-х гг. основным своим стилистическим регистром сделала разговорную речь, заменив ею бывший книжный регистр»²³⁰. Следует подчеркнуть, что сниженности и разговорности, присущей названным жанрам, способствует, в частности, растущая в общественной жизни и массовой коммуникации роль молодежи. Характерная черта, отражающаяся в речи молодого поколения, это – «радикальность вообще и в публичном речевом поведении, в частности»²³¹, а также «стремление к динамичности и экспрессивности»²³².

К вышеупомянутым жанрам радио- и телепрограмм следует добавить прямой эфир из мест событий, телефонные звонки, а также разного рода теледебаты, во время которых накал страстей и эмоций приводит зачас-

²²⁹ Ср.: *H. Bartwicka*, *Rosyjski język potoczny. Słownictwo*. Bydgoszcz, 2000. С. 45.

²³⁰ *Е.И. Беглова*, Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. М., 2007. С. 35.

²³¹ Предисловие // *В.В. Химик*, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб., 2004. С. 6.

²³² Там же.

тую к словесной²³³, а иногда также непосредственной агрессии²³⁴. Стоит вспомнить роль кинематографа, а также появление нового СМИ, т.е. Интернета. В последнем все описанные нами явления видны еще ярче, поскольку в Интернете налицо тенденция к возможному ускорению темпа передачи информации, а впоследствии к появлению разного рода ошибок, употреблению более разговорного стиля и, в некоторой степени, сближению письменной речи и речи устной. Кроме того, всемирная электронная сеть является (пока что) по сути дела наиболее демократичной площадкой обмена мнениями, что позволяет участвовать в коммуникации людям необразованным, а также, сохраняя анонимность, давать исход чувствам, что часто выражается в применении субстандарта.

Необходимо подчеркнуть растущую как в русском, так и в польском языках нормотворческую значимость языка СМИ. По мнению В.В. Химика, «постепенно языковое общество стало ориентироваться в своем представлении о речевых идеалах и эталонах не на образцовый язык русских писателей, «властителей дум», как это было в XIX веке и отчасти в первой половине XX столетия, а на звучащую публичную речь средств массовой

²³³ Ср.: В качестве иллюстрации приведем несколько высказываний российских и польских политиков:

«Но эти отморозки тем и отличаются от нормальных людей, что когда они чувствуют запах крови, их очень трудно остановить» – Президент РФ, Д.А. Медведев о грузинах после конфликта в Южной Осетии. http://www.newsru.com/russia/12aug2008/sarko_med1.html.

«Саакашвили – тебе конец, гниль, породившая войну! На могиле твоей будет лежать вонючий доллар, за который ты продал и русских, и осетин, и грузинский народ!», – из выступления В.В. Жириновского. http://www.kpnews.com/main_topic11_14038.html.

Путин ответил шуткой: «Мазурик какой-то украл самолет». http://citata.com.ua/news/mazurik_kakoj_to_ukral_samolet_vladimir_putin_.html.

Депутат Ромашевский в разговоре с депутатом Вендерлихом: «Wstydziłby się pan kłamać! Co pan mówi. Wszystko kłamstwa, wszystko bezczelne insynuacje! Kochany komuchu, jesteś po prostu bezczelny!». <http://www.tvn24.pl/12690,1555340,wiadomosc.html>.

Депутат Несёловски: «Jak śmie ten obrzydliwy, załgany hipokryta, ten obłudnik Napieralski, mówić, że nie dali legitymacji partyjnej telewizji?». <http://politbiuro.pl/politbiuro/0,85400.html?PageNumber=2&tag=napierski>.

«Poseł Adam Słomka to palant. Myślę, że słowo palant to w stosunku do posła Słomki bardzo łagodne określenie». <http://www.wprost.pl/ar/4517/Dossier/?I=868>.

Л. Валенса о К. Вышковском: «Ja wiem, że proszę pana, panie Wyszowski, pan jest chorym debilem. Oświadczam panu, pan będzie do sądu postawiony. Pan się opiera na podróbach, na kłamstwach. Pan rozpowszechnia kłamstwa. Pan to wszystko będzie musiał odszczekać». <http://wyszowski.com.pl/content/view/79/82/>.

Депутат Я. Паликот о ситуации в Футбольном союзе Польши : – «Świnia świni tylek ślini. Musimy wyrwać z was wszystkie złe nawyki, w tym korupcję». <http://wiadomosci.onet.pl/1851871,11,item.html>.

²³⁴ Известны случаи перехода от эмоционального разговора к применению силы – драки в Госдуме РФ, избиение Н.В. Гоцы В.В. Жириновским в предвыборной передаче на телеканале «Звезда». <http://www.kasparov.ru/material.php?id=47BC624FD8F53> и др.

информации (СМИ)»²³⁵, а «устные СМИ начали доминировать над печатными СМИ и тем более над художественной литературой»²³⁶. Аналогичное явление отмечают польские языковеды – постепенный рост значения прессы, потом телевидения²³⁷ и в дальнейшем Интернета²³⁸. По мнению К. Ожуга, с начала 90-ых годов XX столетия польское общество переходит к этапу постлитературной культуры²³⁹.

Ученые, исследуя состояние современного русского языка, часто пишут о его *демократизации* или *коллоквиализации* (термин, предложенный К. Гушмидтом²⁴⁰). Е.А. Земская, описывая главные тенденции в современном русском языке, подчеркивает, что: «основной процесс связан с перемещением лексических элементов из периферийных сфер языка в центр системы. К таким элементам относятся жаргон, разговорные элементы, просторечие. Они объединяются по признаку „сниженность“ в сравнении с нейтральным уровнем литературного языка»²⁴¹. Наблюдая процессы изменений в русском языке, можно согласиться с М. Кронгаузом, который пишет, что «после перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную [...]»²⁴². Исследователь под гламурной волной понимает появление модных слов типа **гламурный**, **глянцевый**, а также распространение таких слов, как: **элитный**, **эксклюзивный**, **правильный**, **реальный**, **культовый** при одновременном нарушении их типичной сочетаемости (отсюда **элитные дома**, **элитное белье**, **эксклюзивные видеокассеты**, **правильная одежда**, **позитивный фильм**, **реальная реклама**, **культовый режиссер**, **пафосный человек**, а также весьма популярные существительные **продукт** и **проект**). Профессиональ-

²³⁵ В.В. Химик, Указ. соч. С. 6–7.

²³⁶ В.А. Степаненко, Характеристика языка СМИ как выразителя языковой нормы // Вестник ЦМО МГУ, 1/2009, Русистика. С. 18.

²³⁷ По словам И. Байер, «[...] główne źródło wzorów językowych zaczęto upatrywać – nie całkiem słusznie – w języku radia, telewizji, a także prasy, czyli – w języku środków masowego przekazu. Ten bowiem język już przez fakt opublikowania przez przekązniki państwowe uzyskuje status oficjalności, a więc reprezentatywności i – w podświadomym domniemaniu – doskonałości». I. Bajerowa, Język ogólnopolski XX wieku // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2. Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński, Wrocław 1993. С. 39.

²³⁸ «To właśnie polszczyzna medialna staje się dla przeciętnego Polaka wzorem niosącym dla wielu rozstrzygnięcia normatywne. Język medialny w wersji mniej lub bardziej poprawnej, wysokiej, niskiej, eleganckiej, często, niestety, wulgarnej dociera za pomocą wielu stacji radiowych, kanałów telewizyjnych, gazet, kolorowych czasopism, często Internetu do każdego zakątka kraju. Młodzi Polacy uczą się obecnie polszczyzny głównie z mediów». K. Ożóg, Zmiany we współczesnym języku polskim i ich uwarunkowania // Język a Kultura 20 / Red. A. Dąbrowska. Wrocław, 2008. С. 67.

²³⁹ Там же. С. 69.

²⁴⁰ Ср.: Е.А. Земская, Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_46.

²⁴¹ Там же.

²⁴² М. Кронгауз, Русский язык на грани нервного срыва. – 2-е изд., стер. М., 2009. С. 18.

ная волна подразумевает влияние на кодифицированный язык профессиональных жаргонов – экономического (большое количество названий новых профессий, напр., **провайдер, рекрутёр, аффилиант, сэйлз-трейдер, фрилансер, эйчар**²⁴³, **эвент-менеджер, хедхантер, мерчандайзер, спичрайтер, криэйтор, айтишник, пиарщик**), спортивного (**кайтинг, банджиджампинг, зорбинг, фридайвинг**) и компьютерного (**мыло** ‘адрес электронной почты’, **винчестер** ‘жесткий диск’, **клава** ‘клавиатура’)²⁴⁴. По мнению Л.П. Крысина, на русский язык повлияли в 50-е и 60-е годы «язык» физиков-ядерщиков, потом жаргон людей, связанных с обслуживанием сферы космических исследований и разработок, в 70–80-е годы появились некоторые слова, употребляемые экстрасенсами, а в «90-х годах из всех других профессиональных жаргонов по своей коммуникативной роли явно выделяется компьютерный жаргон – не только как средство внутригруппового общения, но и как своеобразный символ времени»²⁴⁵.

Волна преступного жаргона восходит к вызванному переходом от социализма к новой общественно-политической системе всплеску бандитизма, организованной преступности, пересечению структур власти и криминального мира, которые часто сводятся к определению *Великая криминальная революция*²⁴⁶ или в более узком значении – времени расцвета преступности – *лихие девяностые*²⁴⁷. Именно тогда языковые изменения были вызваны «вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими фактами нелитературной речи»²⁴⁸. Криминализацию языка, вызванную процессами, имеющими место в реальной жизни, усугубили популярная литература, кино, телевидение²⁴⁹.

²⁴³ Ср.: О.Д. Дербенева, Новые заимствования в русском языке (на материале СМИ) // Вестник ЦМО МГУ, 2/2009, Русистика. С. 20–21.

²⁴⁴ Там же. С. 18–105.

²⁴⁵ Л.П. Крысин, О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>.

²⁴⁶ «Это афористичное выражение означает захват собственности в Советском Союзе и постсоветской России криминальными структурами». Ю.Г. Волков и др., Социология. М., 2003. http://www.i-u.ru/biblio/archive/volkov_sociologija/04.aspx. Поясним, что этот термин был впервые употреблен режиссером Станиславом Говорухиным, снявшим документальный фильм «Великая криминальная революция».

²⁴⁷ «Лихие девяностые – распространенное описание 1990-х годов, первого десятилетия независимости России от СССР, эпохи *прихватизации* (бурного расхищения государственного имущества в особо крупных размерах) и парада суверенитетов (начала первой Чеченской войны)». Словарь. Трудности перевода. <http://x.lenta.ru/abc/1281.htm>.

²⁴⁸ Л.П. Крысин, О некоторых изменениях...

²⁴⁹ Такие популярные сериалы как «Бандитский Петербург», «Бригада», «Криминальная Россия», «Охота на асфальте», «Менты», «Ментовские войны», а также фильмы «Брат», «Война», «Жмурки», часть названий которых много говорит об их содержании, изобилуют бандитским и отчасти милицейским и военным жаргоном.

Этот короткий экскурс в основные процессы языковых изменений, имеющих место в польском и русском языках на рубеже XX и XXI столетий, позволит сформулировать следующий вывод. Если лет 20 тому назад переводчик польского и русского языков мог обойти стороной вопрос об изучении сленга, жаргона и бранной лексики, то сегодня способность понимать субстандарт и адекватно переводить его на другой язык – это необходимость. Однако в силу существующего в течение многих десятилетий табу, субстандартная лексика оставалась вне пределов внимания в процессе подготовки студентов филологических отделений. В результате многие переводчики до сих пор ощущают проблемы с правильным восприятием и адекватным переводом жаргона или сленга.

В последние годы проблематика субстандarta изучается как в Польше, так и в России, благодаря чему переводчик может прибегать к помощи специальных толковых словарей жаргона, сленга, бранной лексики²⁵⁰, но на межъязыковом уровне данная проблема остается нерешенной. Практически нет больших двуязычных словарей субстандarta, а сниженная лексика отражена в больших польско-русских и русско-польских словарях лишь в минимальной степени. Необходимо отметить, что ни в одном из двух больших русско-польских словарей – ни в «Большом русско-польском словаре» А. Миновича, А. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Мариняк (WSRP)²⁵¹, ни в «Большом русско-польском словаре» под ред. Я. Вавжинчика (WSRPW)²⁵² мы не найдем таких разговорных слов, как: **академка** ('академический отпуск'), **алкаш**, **бухло**, **велик** ('велосипед'), **видик**, **выступать** ('выражать несогласие, претензии, возмущение'), **вышка** (1. 'смертная казнь', 2. 'высшее училище'), **глухарь** ('нераскрытое преступление'), **грызня** ('склока'), **жратва**, **жучок** ('подслушивающее устройство'), **залететь** ('забеременеть

²⁵⁰ Ср.: М.А. Грачев, Русское аргю. Нижний Новгород, 1997; В.С. Елистратов, Словарь русского аргю. М., 2000; О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина, Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999; Д.И. Квеселевич, Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001; Т.Г. Никитина, Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2003; В.В. Химик, Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. J. Anusiewicz, J. Skawiński, Słownik polszczyzny potocznej. Wrocław, 1996; M. Czeszewski, Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa, 2006; M. Grochowski, Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów. Warszawa, 2001; S. Kania, Słownik argotyzmów. Warszawa, 1995; L. Stomma, Słownik polskich wyzwisk, inwektyw i określeń pejoratywnych. Warszawa 2000; J. Tuwim, Polski słownik pijacki. Warszawa, 2000; B. Chaciński, Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków, 2005; J. Lewison, Słownik seksualizmów polskich. Warszawa, 1999; U. Tuftanka, Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów. Warszawa, 1993; Słownik polszczyzny rzeczywistej (siłą rzeczy – fragment) / janKomunikant. Łódź, 2011, и др.

²⁵¹ A. Mirowicz, I. Dulewicz, I. Grek-Pabis, I. Maryniak, Wielki słownik rosyjsko-polski, t. 1–2, wyd. 6, Moskwa-Warszawa, 1999.

²⁵² Wielki słownik rosyjsko-polski / Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2005 [электронная версия].

против желания'), **качок** ('занимающийся бодибилдингом'), **качалка** ('тренажерный зал'), **квасить** ('пить спиртное'), **навар** ('финансовая выгода, прибыль'), **пофигист** ('о человеке безразличном к кому-л., чему-л.'), **пукать** ('выпускать газы из кишечника'), **слизать** ('написать что-л., позависав у кого-л. и выдав за свое'), **тёлка** ('о молодой девушке'), **тормоз** ('тупой человек'), **тормозить** ('не соображать'), **фигня** ('о чем-л., не заслуживающем внимания, доверия'), **шизик** ('шизофреник')²⁵³.

В упомянутых словарях напрасно искать также следующие, распространенные в языке СМИ и живой устной речи, жаргонизмы: **бабки** ('деньги'), **бабло** ('деньги'), **базар** ('разговор, беседа'), **базарить** ('громко спорить, скандалить'), **баксы** ('доллары США'), **гопник** ('агрессивный хулиган'), **грохнуть** ('убить, застрелить'), **договорняк** ('договорный матч'), **заказать** ('убить с помощью наемного убийцы'), **заказуха** ('заказное убийство'), **заложить** ('предать кого-л., донести на кого-л.'), **замочить** ('убить'), **кинуть** ('обмануть'), **колёса** ('наркотики в таблетках'), **лажа** ('вранье, обман, подделка; ерунда'), **лимон** ('миллион рублей'), **ломка** ('болезненное состояние, связанное с привыканием организма к наркотикам'), **мокруха** ('убийство'), **мусор** ('милиционер'), **облом** ('неудача, невезение'), **отморозок** ('дегенерат, садист'), **отпад/оттяг** ('что-л. замечательное, вызывающее эйфорию'), **отрываться** ('приятно провести время, забыв о семье, делах, обязанностях'), **отходняк** ('похмелье'), **подстава** ('подвох, подстановка кого-л. под удар'), **прикид** ('одежда'), **прикол** ('шутка, розыгрыш'), **разборка** ('выяснение отношений'), **стрелка** ('встреча'), **сходняк** ('тайное собрание преступников'), **тащиться** ('получать удовольствие от кого-, чего-л.'), **чисто** (в качестве междометия), **халява** ('о чем-л. бесплатном'), **шестёрка** ('человек на побегушках'), **штука** ('тысяча рублей')²⁵⁴. Авторы названных словарей полностью игнорируют обсценную лексику и лишь в минимальной степени затрагивают проблему грубых и просторечных выражений. Это отнюдь не облегчает участь переводчика, который в своей работе вынужден сталкиваться еще с одним явлением, характерным для интересующей нас пары языков – огрубением речи²⁵⁵. Интересно, что создатели современных толковых словарей больше не обходят молчанием самых частотных просторечных слов, разговорных наименований физиологических процессов и лиц, эвфемизмов, грубых выражений и некоторых

²⁵³ Как ни странно, WSRP отмечает такие разговорные и жаргонные лексики, как: **баланда**, **барахлить**, **убрать** ('убить кого-л.'), **выпендриваться**, **вляпаться**, **деревенщина**, **наклюкаться**, **показуха**, **псих**, **хана**, **харчи**, **харя**, **чокнуться** ('сойти с ума, тронуться'), **шмотки**, которых нет в изданном намного позже WSRPW.

²⁵⁴ Ср.: Новейший большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. СПб., М., 2008; Д.И. Квеселевич, Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

²⁵⁵ Ср.: Л.П. Крысин, О некоторых изменениях...

вульгаризмов, напр., в НБТСРЯ без труда найдем статьи **задница**, **жопа**, **срать**, **пердеть**, **отлить** ('испустить мочу'), **ссать** ('испускать мочу'), **трахать** ('совершать половой акт'), а в WSJP – соответственно – **tyłek**, **dupa**, **srać**, **pierdzieć**, **odlać się**, **szczać**²⁵⁶, **pieprzyć**, но ни одно (*sic!*) из этих слов не включено ни в WSRP, ни в WSRPW²⁵⁷.

Перечисленные нами лексемы всех трех категорий отличаются большой частотностью употребления, но их список не претендует на исчерпывающий данный вопрос, являясь лишь скромной выборкой, призванной приблизить суть проблемы.

Поясним, что некое исключение на этом фоне составляет новый, вышедший в свет в 2008 году, «Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski» (WSPRRP)²⁵⁸. Наши сомнения вызывает правомерность включения словаря в категорию больших двуязычных словарей, если учесть его достаточно скромный объем²⁵⁹. Однако его бесспорным достоинством является указание некоторых соответствий на уровне разговорной лексики, просторечия и жаргона (напр., **баксы** – *żarg. dolce*; **навар** – *pot.* (выгода, нажива) **zysk**, **profit**, **działka**; **облом** – *żarg. kłapa*, **грохнуть** – (убить) *gm. kropnąć*).

Чтобы убедиться в том, что целью изучения субстандартной лексики не является поиск «дешевой» сенсации, а лишь обращение внимания на существенный аспект перевода и потенциально богатый источник интерференции, мы приведем один конкретный пример.

Во время пресс-конференции в Астане 24 сентября 1999 тогдашний Председатель Правительства РФ В.В. Путин ответил на вопрос одного из журналистов следующим образом:

²⁵⁶ Любопытно, что WSPR и WSRPW содержат лексемы **tyłek** и **dupa**, а WSPR – также лексему **odlać się**.

²⁵⁷ В названных словарях мы не найдем этих и многих других единиц. WSRPW отмечает некоторые слова из рассматриваемой нами группы, но весьма непоследовательно. Итак, в словаре можно обнаружить слово **попа**, но **задница** отсутствует; есть лексемы **писать** и **какать**, но слова **пукать** не найдем. Весьма показательно, что в словник не включены лексемы **дерьмо**, **блевать**, **шлюха**, которые числятся в изданном намного раньше WSRP.

²⁵⁸ S. Chwatow u *dp.*, Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski. Warszawa, 2008.

²⁵⁹ На обложке словаря мы находим информацию, что он содержит 300 000 слов и выражений, во введении авторы заявляют о свыше 200 000 слов и выражений. Оставляя на совести издательства эти существенные количественные расхождения, мы не можем не выразить критического отношения к такого рода постановке вопроса. При более традиционном подходе принято указывать число статей (заглавных слов), которое в случае WSRP составляет 70 000, а WSPR – около 80 000. Если суммировать содержание обоих словарей, мы получаем 150 000 статей при объеме около 3150 страниц (4 тома). Можно полагать, что однотомный (*sic!*) «Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski» объемом в 1677 страниц содержит в общей сложности не более 72 000 статей (по нашим подсчетам на одну страницу приходится в среднем 43 заглавных слова), из-за чего определение «большой» в его названии следует считать маркетинговым приемом.

Российские самолеты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились. [...] Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно²⁶⁰.

Это высказывание вызвало у многих комментаторов недоумение и, быстро став достоянием народа, нашло себе место среди *крылатых слов*. В реплике Путина появились два слова, которые не часто звучат из уст глав политиков такого ранга. Это принадлежащий к просторечию **сортир** и жаргонное **замочить** (в значении 'убить'). Эта фраза быстро стала цитируемым в дебатах о России, очень важным для политического дискурса, выражением. Эти довольно подробные разъяснения сделаны нами с целью показать, насколько важен адекватный перевод данной и подобных ей фраз на польский язык.

Итак, в польских СМИ, а в дальнейшем в публицистике и научных трудах по политологии, международным отношениям и т.п., встречается несколько основных вариантов перевода, которые можно считать приемлемыми.

terrorystów dopadniemy nawet w kiblu (<http://tygodnik2003-2007.onet.pl/0,1219993,druk.html>)/**dorwiemy nawet w kiblu** (www.pardon.pl/dyskusja/2025790/)/**dopadniemy nawet w wychodku** (<http://www.przegląd-tygodnik.pl/pl/artykul/po-bieslanie-zrozumiec-rosje>).

В первом варианте слово **dopaść** (по WSJP, «chwycić, łapać gwałtownie to, za czym się biegało, czego się szukało itp.») не обязательно значит **убить**, но передает смысл исходной фразы. Возможны и другие варианты перевода, напр., **„wykończymy nawet w kiblu”** (<http://czytelnia.onet.pl/7,15,11,80395,5462966,1forum.html>) или **rozwalimy nawet w kiblu** (ср. <http://czecznia.com.pl/content/view/177/109>)²⁶¹. Эквиваленты **wykończyć** или **rozwalić** мы считаем более точными, так как их значение совпадает с **замочим** в ИТ – и одновременно оно ассоциируется с речью преступников и силовиков. Наряду с приведенными нами вариантами перевода существуют и другие, выполненные переводчиками и журналистами то ли не знающими о существовании указанных вариантов перевода, то ли пытающимися перевести лучше. К сожалению, авторы этих переводов зачастую попадают в ловушку мнимого межъязыкового сходства. Приведем и прокомментируем несколько примеров.

²⁶⁰ Цитата по: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C_%D0%B2_%D1%81%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B5.

²⁶¹ Приводим в нашей редакции в исходном тексте: „rozwalić chociażby w kiblu”.

1. Jeśli złapiemy ich [terrorystów] w toalecie, to **zamoczemy w kiblu** (GW 99/2004).
2. Rosyjskie samoloty uderzają i będą uderzały w Czeczenii wyłącznie w bazy terrorystów. Będziemy to robili, niezależnie od tego, gdzie ci terroryści się schowają. Jeżeli złapiemy ich w toalecie, to i w kiblu będziemy ich **moczyć i topić** – powiedział Putin we wrześniu 1999 roku, będąc jeszcze premierem (Ksenia Biełowa, Kresy24.pl – Kresowy Portal Informacyjny. http://kresy24.pl/showNews/news_id/2093/).
3. Kiedy chciał wygrać wybory i rozpętywał kolejną wojnę w Czeczenii, w Moskwie wylatywały w powietrze bloki (o co oskarżano Czeczenów) i jego program wyborczy mógł streszczać się w haśle: «terrorystów czeczeńskich należy **utopić** w kiblu» (Tygodnik Powszechny, № 48, 2 декабря 2001).
4. Putin obiecywał kiedyś, że «**utopi** wszystkich terrorystów w kiblu» (Tygodnik Powszechny, № 44, 3 ноября 2002).

В первом примере мы видим кальку русского **замочим** – **zamoczemy**, из-за которой вся фраза звучит абсурдно.

Во втором примере также налицо *лексическая интерференция* – **moczyć** (эквивалент для литературного значения русского слова **мочить**), но, поскольку данная фраза звучит по-польски довольно странно, добавлено еще **topić** (**топить**).

В третьем примере под влиянием внешней формы русского **мочить** переводчик воспринимает значение данного слова буквально, но, видимо, отдавая себе отчет в нелепости польского **moczyć** в данном контексте, употребляет лишь **utopić**.

Добавим, что всех переводчиков подводит многозначность лексемы **сортир** и ее прямого польского эквивалента – слова **kibel**. У обоих слов два значения: **помещение** (туалета) и **унитаз**. В ИТ контекст однозначно указывает, что речь идет о туалете, но в результате употребления словосочетания **moczyć w kiblu** меняется не только смысл целого высказывания, но также значение слова **kibel** – в данном контексте – это **унитаз**. Таким образом, мы видим, что *интерференционная ошибка* на уровне слова может привести к изменению смысла целой фразы.

Уместным будет заметить, что при множестве аналогичных процессов, происходящих в течение последних 20-ти лет в польском и русском языках, есть некоторые различия. Главное из них, по нашему мнению, заключается в неравномерном влиянии преступного жаргона на литературный язык в обоих языках. Если в польском языке можно отметить лишь единичные случаи (напр. **trefny towar**²⁶², **ferajna**²⁶³), то в современном русском языке

²⁶² **Trefny** – это «pochodzący z nielegalnego źródła, fraz. trefny towar». J. Anusiewicz, J. Skawiński, Указ. соч. С. 242.

²⁶³ **Ferajna** – это по WSJP «środ. grupa przestępcza, także przyjaciele przestępcy». Стоит обратить внимание на следующий пример употребления этой лексемы: «Wszyscy kompetentni

можно найти довольно много примеров влияния жаргона преступников: **крыша, крышевание, крышевать, мочить, замочить, чисто, в натуре, наезд, ништяк, поставить на счетчик, включить счетчик, братва, братки, базар, базарить, следить за базаром, бегать в шестёрках, фильтровать базар, развести на бабки, разводить лохов, гнать бабки, лохануться, жить по понятиям, забить стрелку, проколоть стрелку, ловить лоха, обувать лоха, взять на карандаш, сесть на иглу, шить дело** и др. Жаргонные слова появляются в прессе, на радио и телевидении, в речи политиков, не исключая главы государства²⁶⁴, их «используют люди разного возраста (от подростков до пожилых лиц) и разной степени образованности. Жаргон оттесняет разговорную речь и просторечие, он проникает всюду, распространен чрезвычайно широко»²⁶⁵.

Все сказанное нами доказывает существование в области жаргона межъязыковой асимметрии, которая создает определенные трудности при переводе (аналогичные перечисленным слова и фразы, как можно полагать, есть и в польском языке, но на его периферии, так что в случае их использования ни о какой адекватности речи быть не может).

Перейдем к примерам интерференции, вызванной лексикой из данной сферы. Итак, ложная идентификация исходного слова стала причиной ошибки, приведенной ниже:

Gdyby gazety mogły otwarcie pisać o **przekrętach**, kłamstwach i przestępstwach reżimu, rosyjska opinia publiczna byłaby mniej przychylna Putinowi (www.dziennik.pl).

Если бы могли открыто писать об **искажениях**, лжи и преступлениях режима, то российское общественное мнение было бы менее благосклонно по отношению к Путину (www.inosmi.ru).

fachowcy z **ferajny** Buzka». Цитата по: I. Kamińska-Szmaj, Agresja językowa w życiu publicznym. Leksykon inwektyw politycznych 1918–2000. Wrocław 2007. С. 494.

²⁶⁴ Приведем те из высказываний, сыскавших славу «путинизмов», которые содержат жаргонные, разговорные и/или просторечные слова: «Как у нас в некоторых местах говорили, „**шило в стенку и на боковую залечь**“»; «Каждый должен **мотыжить**, как святой Франциск, свой участок, бум-бум, ежедневно». (По: Журналисты собрали «путинизмы» и «медведизмы» этого года, а языковеды прокомментировали, <http://obzor.westib.ru/news/276630>); «**Копыта разьежжаются**» (сказанное на катке); «Замучаетесь **пыль глотать**, бегая по судам»; «Когда обработка древесины будет осуществляться на территории России? Надо, чтобы были предложения. Энергичные. Если будем **сопли жевать** годами, тогда ничего не изменим. Надо принять все меры для стимулирования переработки леса на территории России, а не гнать **круляк** за границу. А то **шуруют туды-сюды** в огромных количествах, и ничего не сделано»; «Планируем расширить сотрудничество с Украиной, если она не будет **тырить** у нас газ»; «Я не понял, о каких программах идет речь? Я **не въезжаю...**». По: <http://mr-moriarty.livejournal.com/3051.html>. Жаргон появляется также в речах Д.А. Медведева: «Бюрократия периодически **кошмарит** бизнес»; «У грузинского руководства **крышу снесло**». По: Журналисты собрали...

²⁶⁵ Е.А. Земская, О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XIX–XX веков (на материале русского языка) // Слово в слове и дискурсе. М., 2006. С. 244.

Эквивалентом польского **przekręcić** является русское **исказить**, но образованная от него форма **przekręt** принадлежит к разговорному регистру и имеет значение **махинации**. Поэтому приходится констатировать, что произошел перенос значения исходной формы, что привело именно к искажению оригинального текста.

Интересный пример неправильного понимания разговорного языка приводит Р. Левицки²⁶⁶:

Закажи карпа. Сегодня **карп колоссальный**.

Zamów karpia. Dzisiaj **karp-gigant**.

В разговорном языке **колоссальный** – это по ТСНЛРЯ ‘замечательный, великолепный’, так что в приведенном тексте не указывается на размер карпа, поэтому перевод неправильный.

Интерференция проявляется также в случае слов, которые относятся к просторечию или разговорному языку и имеют соответствия в другом языке (не всегда фиксирующиеся в двуязычных словарях).

[...] «Oddasz mi to, co pierwsze wyjdzie, aby cię powitać». Powiecie, to może być pies, halabardnik przy bramie, nawet teściowa, niecierpliwiąca się, by **napyskować** wracającemu do domu zięciowi [...]

[...] «Отдашь мне то, что выйдет первым встречать тебя». Вы скажете: это может быть собака, алебардник у ворот, даже теща, с нетерпением ожидающая того момента, когда сможет **набить морду** возвращающемуся домой зятю [...]»²⁶⁷

Эквивалентом польского слова **pysk** является русское **морда**. Однако глагол, образованный от этого слова, видимо, вызывает неправильную ассоциацию, результатом которой является форма **набить морду**. Возможные правильные варианты – это **нахамить, нагрубить, огрызаться**.

Стоит сравнить пару слов **gówniarz** и **говнюк**. Оба слова восходят к аналогичному существительному, но их значения различаются. Польское слово указывает на молодой возраст, незрелость адресата²⁶⁸, русское

²⁶⁶ R. Lewicki, Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej. Lublin, 1986. С. 165.

²⁶⁷ Пример по Т. Гладысь, Человеку свойственно ошибаться. Ошибки, видимые невооруженным глазом. <http://correctura.narod.ru/vidimyje-oshibki.htm>.

²⁶⁸ По WSJP: «*pot.* emocjonalnie (zwykle lekceważąco, pogardliwie, z gniewem, irytacją itp.) o młodym, niedorośłym jeszcze mężczyźnie, chłopcu; także o kimś niepoważnym, kto do czegoś nie dorósł», а по SPP – «*wulg.* ‘o mężczyźnie: początkujący, niedoświadczony, nowicjusz’» (С. 232), а также «*wulg.* I ‘z niechęcią o dziecku lub młodym mężczyźnie, II ‘człowiek niepoważny, niedojrzały’» (С. 21).

безотносительно к возрасту адресата. Поэтому далеко не всегда они могут выступать в роли переводческих соответствий:

– Kto cię pyta, gówniarzu ?	– А тебя кто спрашивает, говнюк ?
– Sam jesteś gówniarz !	– От говнюка слышу! ²⁶⁹

Как видим, в данном контексте следовало использовать слово **сопляк** (по ТСНЛРЯ неопытный, неумелый юнец; молокосос).

Внешняя форма польского слова наводит переводчиков на еще одну ложную аналогию. В русском варианте польского художественного фильма «*Va banque*» обращение **gówniarz** переведено как **засранец**. Данное слово в отличие от польского не указывает на неопытность и не заключает в себе намека на молодой возраст адресата, а (по ТСНЛРЯ) употребляется как бранное.

Перевод слова **говнюк** с русского языка также вызывает трудности, в чем можно убедиться, рассматривая приведенный ниже отрывок статьи из польской прессы:

Koledzy z przekąsem mówią na Michałkowa seniora «gimniuk» (od «gimn» – hymn), co brzmi prawie jak «gawniuk» (**gówniarz**) (GW, 11.02.2009).

Стоит обратить внимание на деление лексических значений, предложенное М.В. Никитиным, который считал, что следует различать лексические значения, имеющие только когнитивное содержание, и те, которые имеют еще прагматическое (субъективно-оценочное) содержание. Кроме того, среди слов, объединяющих оба типа содержания, можно выделить единицы с доминирующим прагматическим элементом (напр., **мерзавец**)²⁷⁰. По словам М.В. Никитина, «главное в них не то, что обозначается, а его эмоционально-оценочная квалификация, выражение субъективного отношения к нему. Интеллектуальный компонент в таких словах настолько беден и функционально угнетен, что с трудом удерживает слова от расползания из своих аморфных референциальных рамок. Прагматическая инфляция приводит слово к когнитивному параличу»²⁷¹. В приведенном нами примере мы можем определить единицу польского языка (**gówniarz**) как содержащую когнитивное и прагматическое значение, а русскую лексему **засранец** как слово, в значении которого доминирует прагматическое содержание. Иными словами, если польское слово содержит познавательную информацию (отсылку к молодому возрасту, неопыт-

²⁶⁹ Пример по: Т. Гладысь, Человеку свойственно ошибаться, или как господин Вайсброт сочинял за автора. <http://correctura.narod.ru/czso.htm>.

²⁷⁰ Д.М. Бузаджи, Норма ненормативного. Ругаемся адекватно // Мосты. Журнал переводчиков, 1 (9)/2006. С. 44.

²⁷¹ Цитата по: там же.

ности адресата), то русское принадлежит к лексике, употребляемой лишь для того, чтобы дать выход эмоциям.

Подводя итоги, мы перечислим основные причины, из-за которых субстандартная, разговорная и просторечная лексика приводят к многочисленным переводческим ошибкам. В области субстандарта довольно большое число интерферентов²⁷². В современном польском и русском языках отмечена растущая роль разговорного стиля, большая частотность субстандарта. Язык СМИ, который является одним из главных факторов, формирующих речь современных россиян и поляков, во все большей степени отражает обиходный лексикон, в котором нецензурные слова и выражения по употребительности «занимают ведущее место»²⁷³. Разговорная, просторечная и жаргонная лексика весьма скромно представлены в двуязычных словарях, причем правильность некоторых показаний двуязычных словарей вызывает сомнения. В двуязычных лексикографических источниках практически отсутствует *бранная лексика*. Нет отдельных больших польско-русских и русско-польских двуязычных словарей *субстандартной лексики*.

Отметим, что некоторое исключение составляет «Русско-польский словарь эвфемизмов семантического поля секса»²⁷⁴. Однако данный, небольшой по объему словарь (2100 статей), охватывает лишь одну сферу употребления *субстандартной лексики* (секс) и содержит, как указано в его названии, только эвфемизмы. Кроме того, эквиваленты приводятся не для всех исходных единиц. В части статей автор ограничивается толкованием лексем на польском языке, напр., **интердевочка** – *euf.*, *młodzi.*, *rozpowszechnione w żarg. og.*, *neolog. leks.*, ‘ prostytutka, świadcząca usługi obcokrajowcom’; **комендантша** – *euf.*, *młodzi.*, *rozpowszechnione w żarg. og.*, *neolog. sem.*, *żart.*, *metaf.* ‘homoseksualista szukający okazji do aktu płciowego w toalecie publicznej’; **парюшница** *euf.*, *młodzi.*, *rozpowszechnione w żarg. og.*, *neolog. leks.*, ‘motywowane wyrażeniem **ларёк** (kiosk, stragan); kobieta lekkich obyczajów, prostytutka proponująca swoje usługi przy kioskach, straganach’. Мы можем отметить, что словарь носит комбинированный характер – двуязычного и толкового словарей. Автор словаря объясняет неполноту правой части словаря отсутствием закрепленных в сознании носителей польского языка переводческих соответствий²⁷⁵. Этот факт является лишним доказательством трудностей, возникающих при переводе на уровне

²⁷² Ср.: К. Кусаль, Указ. соч. С. 638–642.

²⁷³ В.М. Мокиенко, Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. (Русистика. Берлин, 1/2/1994. <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>.

²⁷⁴ K. Dembska, Rosyjsko-polski słownik eufemizmów semantycznego pola seksu. Toruń, 2007.

²⁷⁵ Ср.: Przedmowa // K. Dembska, Указ. соч. С. 7.

субстандарта, и обоснованием для более глубокого изучения данного вопроса.

Затронув вопрос о разговорной лексике и субстандарте, необходимо упомянуть словарь Я. Вавжинчика «Rosyjsko-polski słownik wyrazów i zwrotów trudnych»²⁷⁶. Небольшой по объему словарь (324 страницы) содержит много примеров имен собственных – значительную часть корпуса составляют соответствия фамилий, имен, отчеств, например, на странице 103 мы находим следующую информацию: **Иван** – 1. **Iwan** 2. (*adamm.*) **Jan**, **Иванов** – **Iwanow**, **Иванова** – **Iwanowa**, **Иванов** – 1. **Iwanow** 2. (*adamm.*) **Kowalski**, **Иванова** – 1. **Iwanowa** 2. (*adamm.*) **Kowalska**, **Иванович** – **Iwanowicz** (*imię odojcowskie*, **Иванович** – **Iwanowicz** (*nazwisko*, **Ивановна** – **Iwanowna**. Однако наряду со сведениями указанного типа, мы можем обнаружить также определенное число потенциально сложных в плане русско-польского перевода единиц. Неким новшеством является указание соответствий с учетом «небуквенных» знаков – знаков препинания, графических, математических и т.п., например, **ж...** – **d...**; «**безэтапный**» – „**bezetaowy**“ (замена кавычек). Кроме того, автор словаря приводит эквиваленты для некоторого числа разговорных, просторечных слов, не опасаясь даже отдельных примеров обсценной лексики (напр., таких пар, как: **говно** – **gówno**, **пердеть** – **pierdzieć**, **вьебать** – **wjechać**). Высокой отметки заслуживает указание нескольких эквивалентов разговорных и жаргонных слов с сохранением прагматического значения: **стипуха** – **stupa** ('*stypendium studenckie*'), **тюряжка** – **ciura**, **вышка** ('*высшая мера наказания*') – **czara**, **плоскодонка** – **deska** ('*kobieta o płaskiej piersi*').

Отмечая практическую ценность учета такого рода единиц, необходимо обратить внимание на существенные недостатки данного словаря. За исключением лексем **дедовщина** и **халява** автор обходит молчанием проблему общего жаргона. Иллюстративный материал сведен к минимуму, что во многих случаях осложняет правильную идентификацию пар соответствий²⁷⁷. Кроме того, в основе концепции построения словарной статьи лежит использование опыта известных переводчиков художественной литературы, в результате чего эквиваленты многих заглавных слов носят сугубо контекстуальный характер и могут функционировать в конкретном переведенном тексте или вне его – в определенном, узком контексте. Вдобавок такая стратегия неоднократно приводит к игнорированию эквивалента для главного (самого частотного) значения исходной лексемы. Приведем лишь один, но очень показательный пример: по словарю эквивалентом слова **халява** (в основном значении 'о чем-л. бесплатном', отсюда

²⁷⁶ J. Wawrzyńczyk, Rosyjsko-polski słownik wyrazów i zwrotów trudnych. Warszawa, 2000.

²⁷⁷ По нашему мнению, однозначная идентификация значений исходной лексемы и ее эквивалента, особенно для неискушенного читателя, осложнена, в частности, для таких пар, как: **боковушка** – **bokówka**, **ополченец** – **pospolitniak**, **гарновка** – **tatarka**, **гнусь** – **odraza**.

такие распространенные в современном русском языке выражения, как: **на халяву, на халяву и уксус сладкий**) является **cichodajka** (*sic!*).

При этом соответствия для многих коллоквиализмов и языковых маргиналий указаны неверно, или с изменением прагматического значения. Итак, по мнению автора словаря, **какашка** ('кусок, камок кала') – это **dupa**; **кайф** (1. 'удовольствие, полное удовлетворение, блаженство, экстаз'; 2. 'эйфория после приема наркотика') – **odpoczynek**; **матюки** ('матерная брань') – **sprośności**. Прагматическое значение не сохранено в случае лексем **писать** и **писять**, для которых выбрано слишком грубое соответствие – **szczać**, вместо более нейтрального **sikać**, а также для слова **линять**, которому якобы соответствует вульгарное – **spierdalać** (вместо, напр., **spadać**). Словарь содержит рассмотренную нами в пункте 4.4. пару интерферентов **говнюк** – **gówniarz**. В нем указаны в качестве эквивалентов заимствования, которые отличаются в плане частотности употребления и оттенков значений: **вундеркинд** – **wunderkind** (лучше: **cudowne dziecko**; лексема **wunderkind** употребляется весьма редко в польском языке). Неудачно подобраны некоторые польские соответствия, напр., **бомж** – **bezaadresowiec/bomż**; **манда** – **nabiał** (*męskie genitalia*). Словарь содержит также лексему **дупа**, существования которой не подтверждает ни один известный нам словарь современного русского языка, а также сомнительную пару соответствий **коханка** – **kochanka** (исходная лексема отмечена только в словаре Ушакова²⁷⁸, но с пометой *укр.*). Тот факт, а также сужение значения или указание неточных эквивалентов для ряда лексем²⁷⁹ вытекают, на наш взгляд, из некритического использования конкретных, контекстуальных соответствий, почерпнутых из перевода художественного текста.

4.6. Потенциальные положительные интерференты

Наряду с явлением *межъязыковой омонимии*, которое активно исследуется в последние годы, следует также отметить существование пар слов, схожих в плане выражения и совпадающих (частично, т.е. в одном из значений, или полностью) в плане содержания. Имеются в виду лексические

²⁷⁸ «**Коханка** (укр.) – в рассказах из украинской жизни – возлюбленная» – Словарь русского языка // Ред. Д.Н. Ушаков. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/842450>.

²⁷⁹ **Деревенщина** – (*пренебр.* 'житель деревни; выходец из деревни (в противоположность горожанину)' 'о простоватом, грубом человеке') – **wiejska dziewczyna** (сужение значения); **пэтэушник** – **uczeń technikum** (контекстуальный эквивалент, точнее **uczeń «zawodówki»**); **пошлятина** ('о низком в духовном отношении; содержащем в себе что-л. неприличное, непристойное') – **szarzyzna** контекстуальный или неточный эквивалент; скорее всего **sprośność, wulgarność**).

пары типа **pozytywny** – **позитивный**, **erudyta** – **эрудит**, определяемые в науке как *положительные интерференты*²⁸⁰, *межъязыковые синонимы, верные друзья*²⁸¹, *истинные друзья*²⁸².

Следует отметить, что исследователи пользуются указанными терминами прежде всего при сопоставлении русского с английским или французским языками, подразумевая любые пары слов, сходных по форме и семантике (напр., англ. **alibi** и **алиби**)²⁸³. Однако, рассматривая пары слов в близкородственных языках, мы предлагаем сузить данное явление, сводя его к следующей типичной ситуации: у слова в Я1 есть в Я2 эквивалент, не похожий на него в плане выражения, и одновременно существует его синоним (т.е. другой эквивалент), похожий по звучанию/написанию. Именно такая ситуация, которую нельзя путать с существованием *языковых универсалий*, является отправной точкой для проведения дальнейшего анализа. Приведем примеры: **górnik** – это **шахтёр**, но также **горняк**; **prawdziwy** – это не только **настоящий**, но также **правдивый**; **podobny** – это как **похожий**, так и **подобный**; **argument** – **довод** и **аргумент**; **definicja** – **определение** и **дефиниция**; **przedstawienie** – **спектакль** и **представление**; **prostata** – **предстательная железа** и **простата**; **autentyczny** – **подлинный** и **аутентичный**; **oryginał** – **подлинник** и **оригинал**; **autostrada** – **автомагистраль** и **автострада**; **strona internetowa** – **сайт** и **страница**; **kort** – **теннисная площадка** и **корт**; **fragment** – **отрывок** и **фрагмент**; **samoobrona** – **самозащита** и **самооборона**; **upadek** – **падение** (империи) и **упадок**; **hotel** – **гостиница** и **отель**; **peron** – **платформа** и **перрон**; **innymi słowami** – **другими словами** и **иными словами**; **spalić samochód** – это по-русски **сжечь машину**, но ее можно также **спалить**; **tron** – это и **престол**, и **трон**, а **nudny** – это **скучный**, но и **нудный**. Мы предлагаем для данного явления применять термин *потенциальных положительных интерферентов*.

Такая трактовка отлична также от видения проблемы А.В. Садиковым, предлагающим термин *ложные враги переводчика*. Советский исследователь предлагал следующее толкование названного понятия: «[*ложные враги переводчика* – Б.Г.] это слова, которых переводчик неправомерно избегает, даже ценой ошибок в переводе, на том же основании созвучия». В качестве примера были приведены слова **хунта**, **полиция** и **провинция**, отрицательная стилевая окраска которых заставляла советских переводчиков испанского языка выбирать другие, менее точные эквиваленты, чем **junta**,

²⁸⁰ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 207.

²⁸¹ М. Дебрэн, Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок // Труды международной конференции «Диалог 2006». [www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/Debrenne.pdf].

²⁸² Предисловие // К.Г.М. Готлиб, Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский): Около 400 единиц. М., 1985. С. 10.

²⁸³ В.В. Алимов, Указ. соч. С. 208.

policia, provincia²⁸⁴. И хотя данный термин, образованный по аналогии к понятию ЛДП, не получил распространения, то представленное явление имеет место в практике перевода.

Как мы отметили выше, явление, рассматриваемое в рамках не очень удачного, на наш взгляд, понятия *ложных врагов переводчика* немного отличается от рассматриваемого нами термина. В случае ЛВП причиной игнорирования переводчиком данной лексемы является созвучие с лексемой исходного языка, носящей отрицательный оттенок значения. Природа возникновения *потенциальных положительных интерферентов* иная. Причиной избегания данной лексемы является созвучие и одновременное наличие эквивалента, несовпадающего в плане выражения с единицей Я1. Добавим, что по нашему мнению, суть явления *ложных врагов переводчика* сводится к рассматриваемому нами в части 4.3 явлению *разной семантической нагрузки* заимствованных слов. Ведь приведенные А.В. Садиковым примеры (**полиция, провинция, хунта**) являли собой заимствования, которые в русском языке, в отличие от испанского, вызывали в советские времена отрицательные ассоциации²⁸⁵. Следовательно, такие примеры правомерно анализировать в рамках исследований по сопоставлению заимствований в выбранной паре языков.

Предложенное нами определение *потенциальные положительные интерференты* указывает на то, что данные слова должны облегчать процесс перевода, приходить на помощь переводчику, и в таком случае подробный их анализ мог бы показаться попыткой «ломиться в открытую дверь». Однако на практике, особенно в ситуации устного синхронного перевода, когда на принятие переводческих решений есть лишь считанные секунды, они доставляют большие трудности. Прежде всего, их зачастую неправильно идентифицируют – как языковые ошибки или как *межъязыковые омонимы* (это может зависеть от переводимого коммуниканта – если русский не является его родным языком, переводчик готов счесть данную единицу за ошибку или результат интерференции; если русский – это его родной язык, *потенциальный положительный интерферент* может быть неправильно им опознан как *межъязыковой омоним*). Следует оговориться, что типичный переводчик – это так называемый *неестественный билингв*²⁸⁶, т.е. человек, для которого второй язык является иностранным, изученным вне естественной языковой среды. Кроме того, переводчики-синхронисты во избежание возможных ошибок часто стараются находить слова в ЯП не похожие на слова ИЯ, что приводит к дополнительной, ненужной потере времени.

²⁸⁴ А.В. Садиков, Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте // Тетради переводчика. Выпуск 21. М., 1984. С. 87–88.

²⁸⁵ Сегодня негативная окраска закреплена лишь за словом **хунта**.

²⁸⁶ Г.М. Вишневская, Указ. соч. С. 71.

Особо важная разновидность названного явления связана с ростом культурного обмена, усилением международных контактов, процессами глобализации и интеграции во многих регионах мира (напр., в Европе), которые содействуют интернационализации лексики и унификации научной терминологии²⁸⁷.

Это касается таких областей как экономика, международная торговля, бизнес, информатика, международные отношения, политика, спорт, туризм, техника и др., в которых следует отметить, прежде всего, активное влияние английского языка. Рост количества заимствований влияет на появление *потенциальных положительных интерферентов* – наряду с эквивалентом в Я2, не похожим на слово в Я1, появляется другой эквивалент – результат переноса (как правило, с английского), доставляющий вышеуказанные трудности из-за своего внешнего сходства с исходным словом. Рассмотрим несколько примеров: **relatywny** – **относительный** и **релятивный**; **mobilny** – **подвижный** и **мобильный**; **rekonstrukcja** – **восстановление** и **реконструкция**; **eskalacja** – **усиление** и **эскалация**; **pozytywny** – **положительный** и **позитивный**; **fatalny** – **роковой** и **фатальный**; **publiczny** – **государственный (общественный)** и **публичный**; **totalny** – **всеобщий** и **тотальный**; **sytuacja** – **обстановка (положение)** и **ситуация**; **regularny** – **постоянный** и **регулярный**; **ekspansja** – **расширение** и **экспансия**; **transformacja** – **изменение** и **трансформация**; **prywatny** – **частный** и **приватный**. Данное явление играет существенную роль по нескольким причинам. Во-первых, активизация международных контактов, растущая роль переводных документов (статуты международных организаций, распоряжения и т.п.), перевод которых не всегда выполнен на высшем уровне, а также рост явления *билингвизма* и *полилингвизма* в современном мире, позволяют прогнозировать постоянное количественное пополнение данной группы слов. Во-вторых, в ситуации перевода с родного (в рассматриваемом нами случае – польского) языка на иностранный (русский) в случае появления заимствования перед переводчиком встает основной вопрос – употребляется ли данная единица в русском, а если так, имеет ли она то же самое значение? – который осложняет его задачу, приводит к ненужной потере времени и иногда к принятию ненадлежащего решения. В-третьих, у переводчиков возникает соблазн применения слова родного языка в надежде на то, что оно существует и в иностранном языке на основании лишь того факта, что данное слово является интернациональным²⁸⁸. Примером ошибочного применения названной переводческой стратегии может послужить перенос польского **kontrowersyjna kwestia**, т.е. **спорный** или **дискуссионный вопрос** как ***контроверсионный вопрос**, или **film**

²⁸⁷ H. Wadas-Woźny, Указ. соч. С. 29.

²⁸⁸ М. Швей, О. Лещак, Польско-русские и польско-украинские межъязыковые лексико-семантические диспропорции // Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej, Kielce, 2002. Т. 11, С. 111–134.

aksji как *фильм акции, вместо фильм экшн. Стоит отметить, что этого рода переводческая операция является одним из способов создания так называемых *межъязыковых псевдоанализмов*, которые определяются как слова «существующие только в одном из сопоставляемых языков, но по своей фонетической форме и словообразовательной модели **кажущиеся** возможными в языке перевода»²⁸⁹.

При рассмотрении выделенных нами лексических подгрупп *потенциальных положительных интерферентов* стоит остановиться на уже затронутой нами проблеме личности переводчика. Характер его *билингвизма* влияет, по нашему мнению, на специфику трудностей, которые возникают из-за *потенциальных положительных интерферентов*. В случае *неестественного билингва*, то есть, как правило, поляка-русиста – выпускника одного из польских институтов русского языка, мы зачастую сталкиваемся с незнанием тех эквивалентов русских слов, которые являются сходными как в плане выражения, так и в плане содержания.

Для пояснения данного явления мы предлагаем рассмотреть результаты проведенного нами эксперимента.

Эксперимент проводился в двух сериях. В первой серии группе 23 студентов пятого курса русистики (переводческая специализация в Институте славянской филологии Вроцлавского университета) был представлен список, состоящий из 15 польских слов, с задачей указать их русские эквиваленты. Мы поясним, что в ходе анализа «Толкового словаря русского» языка было выявлено около 300 пар польско-русских *потенциальных положительных интерферентов*. Из этой довольно большой по объему группы слов мы выделили 15 с учетом следующих критериев: во всех случаях существовала возможность подбора как эквивалентов, не похожих на исходные слова, так и *положительных потенциальных интерферентов*; кроме того, были отобраны распространенные слова, которые по нашему предположению должны быть известны русистам. Результаты данного эксперимента приводятся в нижеуказанной таблице:

№ п/п	Исходное слово	Эквивалент, не схожий по форме (количество указаний)	Потенциальный положительный эквивалент (количество указаний)	Отсутствие эквивалента (количество указаний)	Неточные или неправильные эквиваленты (количество указаний)
1.	bitwa	сражение (5)/ бой (2)	битва (7)	0	9
2.	górnik	шахтёр (21)	0	2	0
3.	kara	наказание (23)	0	0	0

²⁸⁹ Н.К. Гарбовский, Теория перевода: Учебник... С. 336.

4.	likwidacja	(0)	ликвидация (8)	12	3
5.	ławka	скамейка (11)	лавка (1)	0	11
6.	mentalność	менталитет (14)	ментальность (2)	7	0
7.	mieszanina	смесь (14)	0	7	2
8.	nudny	скучный (23)	0	0	0
9.	obrona	защита (19)	оборона (4)	0	0
10.	podobny	похожий (22)	0	0	1
11.	po ludzku	по-человечески (22)	0	0	1
12.	prawdziwy	настоящий (19)	0	0	4
13.	prywatny	частный (8)/ личный (3) ²⁹⁰	0	5	7
14.	spalić samochód	сжечь машину (17)	0	1	5
15.	tron	престол (9)	трон (10)	3	1

Как видно из примеров, в подавляющем большинстве случаев *потенциальные положительные интерференты* не приводятся вообще (причем следует отметить, что не запрещалось приводить больше одного эквивалента; такие случаи также имели место, но сводились, как правило, к указанию неточного эквивалента, например, для слова **bitwa** указывалась в качестве варианта – и **борьба**, для слова **prywatny** – **собственный**). Лишь в примере № 15 – слово **tron** – на первом месте появляется **трон** (10 ответов), а в примере со словом **likwidacja**, который, судя по количеству отсутствующих ответов, создал определенные трудности: **ликвидация** безусловно является самым частотным ответом – 8 указаний при общей сумме, составляющей 11. Можно добавить еще 3 следующих случая – слова **obrona**, **mentalność**, **ławka** – для которых, правда, приводятся эквиваленты из интересующей нас группы, т.е. **оборона**, **ментальность** и **лавка**, но они носят совсем маргинальный характер – соответственно – 4, 2 и 1 употребление.

Во второй серии эксперимента аналогичное задание выполнила группа 26 студентов III и IV курсов заочного отделения вроцлавской русистики. Результаты представлены в нижеуказанной таблице:

²⁹⁰ Поскольку польские слова были указаны вне контекста, можно принять, что указание в качестве эквивалента слова **личный** не является ошибкой, потому что в словосочетании **личное мнение**, допустим перевод **prywatna opinia**.

№ п/п	Исходное слово	Эквивалент, не схожий по форме (количество указаний)	Потенциальный положительный эквивалент (количество указаний)	Отсутствие эквивалента (количество указаний)	Неточные или непра- вильные эквиваленты (количество указаний)
1.	bitwa	сражение (2)	битва (6)	4	14
2.	górnik	шахтёр (12)	горняк (1)	12	1
3.	kara	наказание (12)	кара (1)	8	5
4.	likwidacja	уничтожение (3)	ликвидация (4)	17	2
5.	ławka	скамейка (7) / парта (6)	лавка (10)	3	0
6.	mentalność	менталитет (3)	ментальность (3)	19	1
7.	mieszanina	смесь (6)	мешанина (1)	18	1
8.	nudny	скучный (20)	нудный (1)	4	1
9.	obrona	защита (12)	оборона (8)	5	1
10.	podobny	похожий (24)	подобный (1)	1	0
11.	po ludzku	по-человечески (12)	0	9	5
12.	prawdziwy	настоящий (25)	0	0	1
13.	prywatny	частный (9)	0	6	11
14.	spalić samochód	сжечь машину (17)	спалить машину (1)	6	2
15.	tron	престол (2)	трон (10)	14	0

Вторая серия эксперимента также указывает на слабое знакомство студентов русистики с *потенциальными положительными интерферентами*. По аналогии с показаниями первой группы информантов появились слова **битва** (6), **трон** (10), **оборона** (8 указаний против 4 в первой серии), **ликвидация** (4 против 8), **ментальность** (3 против 2). Единичны указания на слова и выражения **кара**, **спалить машину**, **подобный**, **горняк**. Следует обратить внимание на 10 указаний слова **лавка**. Основное отличие показаний информантов в сравнении с первой серией эксперимента заключается в большом количестве неуказанных эквивалентов (126 против 37 в первой серии), что позволяет сделать вывод о намного худшей языковой подготовке заочников. В этом, по нашему мнению, следует видеть причину большего количества приведенных *потенциальных положительных интерферентов* – указание на них может быть отнюдь не результатом знакомства с лексикой данной группы, а попыткой привести эквивалент наугад.

Результаты обеих частей эксперимента подтверждают слабое знакомство филологов с русской лексикой, принадлежащей к рассматриваемой

нами группе (стоит обратить внимание на слова **górnik**, **nudny**, выражение **po ludzku** – сто процентов ответов – это **шахтёр**, **скучный** и **по-человечески**). На основании вышесказанного можно прийти к выводу, что возможность неправильной идентификации *потенциальных положительных интерферентов* в случае *неестественных билингов* вытекает, прежде всего, из пробелов в знаниях, которые являются результатом определенного метода подготовки студентов, т.е. можно предположить, что в процессе обучения, во-первых, имеет место изучение русской лексики, не совпадающей с польскими эквивалентами по внешней форме, во-вторых, недостаточное внимание уделяется вопросу о внутриязыковой синонимии. В противном случае, как можно предполагать, слова типа **горняк** или **нудный** появились бы на более раннем или позднем этапе обучения русскому языку.

По нашему мнению, иная природа «боязни» перед *потенциальными положительными интерферентами* у *естественных билингов*. Ее можно объяснить, ссылаясь на наблюдение, сделанное У. Вайнрайхом, который различал степень проявления интерференции в речи *билингов* в зависимости от ситуации общения. Так, ее размеры были больше в общении двуязычных, но значительно сокращались при общении билингов с монолингвами. У. Вайнрайх отмечал «скованность партнером», вызываемую необходимостью быть понятым партнером, которая приводила к тому, что «в разговоре с одноязычным двуязычный часто стремится ограничить масштабы интерференции, избегая использования даже тех заимствований, которые давно стали привычными»²⁹¹. Данное положение можно перенести на ситуацию *переводческого билингвизма*, объясняя сознательное избегание переводчиками тех эквивалентов, которые являются сходными по внешней форме при наличии эквивалентов, отличающихся друг от друга внешними оболочками. Иными словами, переводчик выбирает в качестве эквивалента слова **negatywny** форму **отрицательный**, а не **негативный** именно в результате описанного Вайнрайхом механизма, т.е. опасаясь возможной интерференции.

Подобное наблюдение было сделано польской писательницей и переводчицей художественной литературы – Марией Домбровской. Она писала, в частности, что: «wydaje mi się, że tłumacze, a także adiustatorzy, zwłaszcza przy spolszczeniach z pokrewnego naszemu języka rosyjskiego, nazbyt często ulegają panice w kwestii wpływów języka oryginału. Aby na przykład uniknąć rusycyzmów, starają się za wszelką cenę przetłumaczyć każdy zwrot albo zdanie innymi słowami, choć przełożenie ich ściśle tymi samymi słowami może wcale a wcale nie być rusycyzmem. Przeciwnie może być doskonałym, tradycyjnie polskim zdaniem lub zwrotem»²⁹².

²⁹¹ У. Вайнрайх, Указ. соч. С. 138.

²⁹² М. Дąbrowska, Parę myśli o pracy przekładowej // O sztuce tłumaczenia / Red. M. Rusinek. Wrocław, 1955. С. 202.

Приведенные нами примеры лексических единиц подтверждают наличие двоякого характера сложностей, связанных с переводом с близкородственного языка на родной. А именно, опасность мнимого межъязыкового сходства (интерференты), с одной стороны, и намеренное или подсознательное игнорирование сходных в плане выражения форм (*потенциальные положительные интерференты*) даже в том случае, когда они вполне естественны и могли бы быть использованы в качестве эквивалентов.

Особого внимания требует вторая, условно выделенная нами подгруппа *потенциальных положительных интерферентов* – слова, сходные по семантике и форме, появившиеся и продолжающие появляться в результате заимствований. На наш взгляд, они могут осложнять перевод также так называемым *естественным билингам* – и основным способом решения данной проблемы является систематическое отслеживание нововведений, постоянный анализ языка современных российских и польских СМИ.

Как раньше упоминалось, в ходе анализа «Толкового словаря русского языка» было выявлено около 300 пар польско-русских *потенциальных положительных интерферентов*, в то время как словари межъязыковой русско-польской омонимии отмечают наличие около 1350 пар омонимов²⁹³, а общее число межъязыковых омонимов и паронимов составляет около 2500²⁹⁴, т.е. оно в разы больше. Несмотря на это, а также на тот факт, что интересующая нас группа слов немногочисленна, следует ей уделить внимание. Во-первых, часть слов, входящих в состав данной группы, характеризуется высокой частотностью (это касается, прежде всего, заимствований в сфере экономики и международных отношений). Во-вторых, они могут осложнять процесс перевода.

Трудным с теоретической точки зрения и весьма существенным в плане практики является вопрос о критериях разграничения интерферентов и ППИ. В пункте 4.3. мы подчеркивали, что в языке практически не бывает абсолютных синонимов. Так, например, слова **отрицательный** и **негативный** отличаются некими оттенками значения – первое давно вошло в лексическую систему русского языка, второе воспринимается как заимствование, но, несомненно, различия в их смысловых оттенках и употреблении настолько незначительны, что эти лексемы могут использоваться как синонимы во многих контекстах (по-русски говорится и об **отрицательных**, и о **негативных** явлениях). На этом основании можно прийти к выводу, что эквиваленты польского *negatywny* – это как **отрицательный**, так и **негативный**.

²⁹³ Ср.: К. Kusał, Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław, 2002.

²⁹⁴ Ср.: К. Ч. Кусаль, Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема. СПб., 2006. С. 4.

Иная картина вырисовывается при рассмотрении пары слов **вонять** и **смердеть**. Хотя приведенные нами в пункте 4.3.1.2. словарное толкование обоих лексем практически совпадает, нельзя не отметить различия в сочетаемости и контексте употребления. Если, например, пруд может **вонять** и **смердеть**, то обувь, одежда в типичном, нейтральном контексте только **воняют**. Видно, что данные слова далеко не всегда синонимы, из чего следует, что в типичном контексте нет эквивалентности на уровне *śmierdzieć* – **смердеть**. Похожие примеры были указаны нами на странице 75. В случае различий в плане принадлежности к другому стилевому регистру констатируем существование пары интерферентов. Подробно рассмотренные нами различия в прагматическом значении могут носить явный характер или вызывать некоторые сомнения. Итак, вне всяких сомнений словарным соответствием рус. **работа** является польск. **praca**, а слово **robota** относится к разговорному регистру и как таковое может сыграть злую шутку с переводчиком: предложение «Я вчера был **на работе**», переведенное как «Wczoraj byłem **w robocie**» (вместо **w pracy**), являло бы собой пример искажения исходного сообщения в результате изменения стилевого регистра выделенного жирным шрифтом слова. Однако есть также более сложные случаи, когда показаний словарей недостаточно, и переводчику для идентификации слова как интерферента или ППИ приходится полагаться на контекстуальное окружение слова.

По нашему мнению, выявление пар *потенциальных положительных интерферентов*, их четкое описание с учетом стилистического регистра и в дальнейшем включение в рамки системы подготовки профессиональных польско-русских и русско-польских переводчиков позволит не только избежать значительного количества ошибок и затруднений, но может непосредственно оказаться большим подспорьем во многих переводческих ситуациях. Именно описание потенциальных положительных интерферентов является надежным методом избежания ошибок, так как трудно обнаружить общую закономерность появления в польском и русском языках интернациональной лексики. Иначе говоря, можно отметить сферы, в которых количество заимствований в одном языке больше, чем в другом. Следовательно, в таком случае нельзя говорить об унификации интернациональной лексики в данной области знаний. Хорошей иллюстрацией служит лексика из области информатики – в русском языке намного больше заимствований в этой сфере; достаточно сравнить слова **файл, браузер, принтер** с их польскими эквивалентами – **plik, przeglądarka, drukarka**. Причем стоит отметить также немногочисленные случаи, иллюстрирующие противоположную ситуацию – **ввод** – это по-польски **enter**, а **пробел** – **spacja**.

Полученные выводы подтверждают обоснованность выявления и описания пар потенциальных положительных интерферентов и сознательного

их использования в практике устного перевода, что значительно повысит его качество, сокращая количество ошибок и позволяя сэкономить время, играющее существенную роль в переводческой стратегии, особенно – переводчика-синхрониста.

4.7. Интерференция на уровне фразем

Мы до сих пор рассматривали слово в качестве *единицы перевода*. Действительно, слово является основной единицей лексикографии, центральной единицей языкознания, «важнейшей единицей языка»²⁹⁵, и оно весьма удобно для анализа в процессе перевода. Мало того, выбор однословного эквивалента может иметь решающее значение для достижения адекватного перевода, свидетельство чему дал уже М. Лютер: «часто случалось так, что мы на протяжении двух, трех, четырех недель подыскивали одно-единственное слово, расспрашивали о нем повсюду, иногда так и не находили»²⁹⁶. Однако нельзя считать, что слово – это единственная единица перевода. Совершенно прав Р.К. Миньяр-Белоручев, утверждавший, что: «если принять гипотезу о единицах перевода, то такими единицами могут быть любые единицы речи, требующие отдельного решения на перевод»²⁹⁷.

Следовательно, рассуждения об интерференции в процессе перевода нельзя сводить лишь к интерфероносному потенциалу отдельных слов. При традиционном, восходящем к идеям В.В. Виноградова, делении единиц языка принято говорить о словах и фразеологизмах. Однако более корректным является выделение в языке также других постоянных единиц на уровне выше слова.

В. Хлебда, ссылаясь на исследования А. Богуславского и упоминая его деление на *единицы языка и продукты языка* (*jednostki języka i produkty języka*)²⁹⁸, в своих научных трудах обращает внимание на последствия деления единиц языка на слова и фразеологизмы – если большие словари фразеологизмов насчитывают лишь несколько тысяч единиц (напр., «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова содержит

²⁹⁵ Б.Ю. Норман, *Игра на гранях языка*. М., 2006. С. 79.

²⁹⁶ Цит. по: П.И. Копанев, *Вопросы истории и теории художественного перевода*. Минск, 1972. С. 149.

²⁹⁷ Р.К. Миньяр-Белоручев, *Теория и методы перевода*. М., 1996. С. 79.

²⁹⁸ Ср. А. Bogusławski, *O zasadach rejestracji jednostek języka* // *Poradnik Językowy* 8/1976. С. 357; А. Bogusławski, *Zagadnienia jednostek przekładowych* // *Problemy językoznawstwa porównawczego* / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1976. С. 41–62.

4 тысячи фразеологических единиц)²⁹⁹, возникает соблазн считать все остальные словосочетания результатом свободного творчества носителей языка. Однако исследования проблемы *единицы языка* позволяют прийти к выводу о наличии огромного количества других (не фразеологических) единиц, которые носители языка воспроизводят в готовом виде, а именно: крылатых выражений, цитат, пословиц, поговорок (стоит отметить, что эти категории находят свое отражение в одноязычной и, в намного меньшей степени, в двуязычной лексикографии³⁰⁰), клише, штампов, формул речевого этикета. Для фраз типа: **świeżo malowane, pogoda dla bogaczy, wrzucić monetę, pan do kogo?, Zrób to sam, przedstawiciele najwyższych władz partyjnych i państwowych**, В. Хлебда предлагает название *фразем* (*frazemy*), которым он дает следующее определение: «stałe, odtwarzane w danych sytuacjach formy wyrażania nazywam jednakowo frazemami – niezależnie od ich statusu semantycznego i struktury formalnej»³⁰¹. Постулат учета таких фраз, употребляемых носителями языка в готовом виде, при составлении двуязычных словарей появляется также в работах известных лексикографов – например, Я. Вавжинчик пишет о *целостных единицах* (*całostkach*)³⁰², предлагая нашему вниманию список надписей, указаний, табличек на русском языке (напр., **Книга жалоб и предложений находится в кассе; Инвалиды отечественной войны обслуживаются вне очереди; Кормить, дразнить животных воспрещается** и т.п.)³⁰³. Следует обратить внимание на то, что в большинстве двуязычных словарей нефразеологические единицы (напр. **Wyszedł z domu i dotychczas nie wrócił**³⁰⁴), которые не образуются, а воссоздаются носителями языка, приводятся лишь в незначительном количестве. Исключением является «Большой русско-польский словарь» и «Большой

²⁹⁹ Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Воинова и др.; Ред. и послесл. А.И. Молоткова. – 6-е изд., исп. и доп. М., 2001.

³⁰⁰ Ср.: К.М. Гюлюмянц, Польско-русский фразеологический словарь. В двух томах. Минск, 2004; Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 1. Opole, 2006; Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 2. Opole, 2007; Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 3. Opole, 2008; W. Chlebda, A. Gołubiewa, J. Wawrzyńczyk, T. Wiel. Idiomatykon polsko-rosyjski // Польско-русские идиомы. Warszawa, 2003; D. Samek, Rosyjskie frazeologizmy, przysłowia i sentencje. Warszawa, 2006.

³⁰¹ W. Chlebda, Problem tzw. jednostek języka i praktyka przekładu na język obcy // Przegląd Ruscystyczny, 3–4 (55–56)/1991.

³⁰² Мы добавим, что в польской литературе встречаются такие термины, как: *kolokacja* (*kollokacja*), *peryfraz*, *analizyzm*, *konstrukcja opisowa*, *multiwerybizm*, *frazologiczny związek łączliwy*, *orzeczenie peryfrazystyczne*, *połączenie konwencjonalne*, *idiom*, *połączenie frazeologiczne*, а в российской: *фразеологическое сочетание*, *устойчивое словосочетание*, *несвободное сочетание*, *параметрическое несвободное сочетание*, *переменное сочетание*, *коллокация*. Ср.: E. Białek, Kolokacja w przekładzie. Studium rosyjsko-polskie. Lublin, 2009. С. 8–10.

³⁰³ J. Wawrzyńczyk, Materiały do badań nad rosyjskimi napisami miejskimi. // О языке польским и русским. Studia i szkice. Łask, 2006. С. 238–64.

³⁰⁴ Пример по: W. Chlebda, Szkice o skrzydlatych słowach... С. 96.

шой польско-русский словарь» под редакцией Я. Вавжинчика, в котором сделана попытка учесть также такие *единицы языка*, как разного рода указания, надписи, клише (напр., **PALENIE WZBRONIONE** – **КУРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ** (*надпись*); *ona kończy 18 lat* – ей исполняется восемнадцать лет; *rzucić podejrzenie* – возводить подозрение; *jako dziecko* – малышом (*будучи малышом*); **интернат ветеранов труда** – *dom weterana*; **помылка!** (*telefoniczna: komunikat*) – **вы ошиблись номером** и т.п.). В определенной степени учитывается проблема эквивалентности на уровне клишированных фраз, надписей, формул речевого этикета и т.д. Такой подход приводит к созданию статей двуязычного словаря, которые являются большим подспорьем для переводчика, оставляя в стороне типичный для любого лексикографа соблазн переводить прилагательное с помощью прилагательного, существительное – с помощью существительного и т.д.

Данную проблему затронул уже А. Богуславски, который в одной из своих работ писал: «[...] podstawianie jednostek za jednostki to nie to samo, co podstawianie wyrazów za wyrazy, ponieważ rzeczywiste jednostki językowe mogą być wielce skomplikowanymi układami wyrazów i ich części; por. np. autentyczną jednostkę polską **podnieść głos w obronie**. Trzeba też podkreślić, że wiele połączeń wyrazów sprawia tylko wrażenie połączeń jednostek, faktycznie stanowi zaś gotowe całości nie dające się podzielić tak, jak **Piotr śpi** dzieli się na **Piotr** i **śpi**»³⁰⁵.

Мысль А. Богуславского мы дополним высказыванием С.Г. Тер-Минасовой, которая раскрывает сущность рассматриваемого нами явления: «Как известно, в каждом языке имеет место единство и борьба двух основных тенденций: одна – это свободное творчество пользующихся языком, основанное на продуктивности языковых форм и моделей, другая – это воспроизведение готовых сложных форм, связанность, клишированность, регулярная воспроизводимость. Первая дает возможность развивать и творить язык, вторая – экономит усилия пользующихся языком, накапливая „сокровищницу словосочетаний“, готовых составных блоков-клише, которые отобраны данным речевым коллективом как оптимальные для выражения данного понятия или мысли»³⁰⁶.

В ситуации двуязычной коммуникации и в практике перевода иногда трудно провести границу между противоположными механизмами, указанными в процитированном нами фрагменте высказывания Тер-Минасовой, т.е. между «свободным творчеством носителей языка» и «продуктивностью языковых форм и моделей». Данная проблема имеет особую актуальность при переводе на неродной язык.

³⁰⁵ А. Bogusławski, Uwagi o przekładzie i jego wartościowaniu // Przegląd Humanistyczny, 2/1978. С. 47.

³⁰⁶ С.Г. Тер-Минасова, Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 310.

Мы проиллюстрируем наши положения фразами, услышанными при общении с русскоговорящими жителями Польши.

***Dzisiaj hamuję.**

***U niego dach pojechał.**

***Kto nie zdążył, ten się spóźnił.**

Итак, в первом примере мы видим прямой перенос русского разговорного выражения **я (сегодня) торможу**. У русской *лексемы* есть дополнительное разговорное значение ‘медлить, не соображать’, которое отсутствует у польск. слова **hamować**. Во втором примере скалькировано разговорное русское выражение **у кого-то поехала крыша** (‘кто-то сошел с ума’), несвойственное польскому языку и звучащее странно и непонятно для носителя польского языка.

Самый большой интерес представляет для нас третий пример. Мы имеем дело с калькой русского выражения **кто не успел, тот опоздал**, смысл которого вполне понятен носителю польского языка. Однако данная фраза в отличие от русской не относится к «воспроизводимым в готовом виде», не встречается в речи поляков, поэтому, использованная в высказывании, создает впечатление оригинальности. Перенос этого рода фразы в процессе перевода практикуется при использовании формул, типа **jak mawiają Rosjanie, jak mówi się w Rosji** (как говорят русские, как говорят в России). Без этого рода пояснений переведенная фраза может быть признана проявлением интерференции, поскольку в результате ее употребления меняются стилевые характеристики ИТ (нейтральность) и ТП (оригинальность).

Роль воспроизводимых в готовом виде фраз в общении, по мнению Л.А. Леоновой и Э.П. Шубина, велика – российские исследователи определили на основании проводимых экспериментов, что даже в коротких предложениях (от 1 до 5 слов) английского литературного диалога коэффициент воспроизводимости фраз составил 0,45, что позволяет прийти к выводу, что почти половина этого рода предложений задана системой³⁰⁷.

Кроме того, часть узнаваемых готовых единиц является отправной точкой для приема ЯИ, часть может воспроизводиться в усеченном виде, что не мешает их пониманию, но иногда вызывает дополнительные ассоциации. Эти единицы могут быть применены в определенном контексте вместо просторного комментария. Среди таких фразем особого внимания заслуживают *крылатые выражения*. К этой группе *единиц языка* принадлежат слова и выражения, индивидуальное авторство или источник проис-

³⁰⁷ Cp. W. Chlebda, Szkice o skrzydlatych słowach... С. 62.

хождения которых можно определить, и которые начали функционировать в речи независимо от исходного текста³⁰⁸.

Следует обратить также внимание на закономерность, описанную Б.Ю. Норманом. Белорусский ученый, называя группу клишированных фраз *воспроизводимыми текстовыми фрагментами* (ВТФ)³⁰⁹, отмечает процесс перехода при употреблении ВТФ от культуры к языку, в рамках которого фраза проходит путь от цитаты через реминисценцию, крылатое слово к фразеологизму³¹⁰.

Проблему передачи *фразем* при переводе усугубляет явление *карнализации языка*, одним из проявлений которого является индивидуальный подход к образованию разного рода языковых единиц. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, по аналогии с названием телепередачи «Сам себе режиссер» пишут, что «каждый отправитель информации „сам себе фразеолог“»³¹¹. Фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения служат отправной точкой для языковых игр, имеющих целью разнообразить речь. Как подчеркивают В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, «текст существует на рубеже сознаний автора и читателя, понимание возникает в результате толкования, т.е. становится в достаточной степени творческим. Так или иначе – игра слов, игра смысла с текстом перестает быть обдуманной, мотивированной приемом художественной литературы, так сказать, овладевает массами»³¹².

Осознание проблематики *фразем* является очень важным элементом подготовки переводчика и осуществления перевода. Игнорирование *фразем* является, по мнению В. Хлебды, одной из основных причин пословного перевода. В качестве примера мы можем привести перевод, выполненный студентами-русистами:

Jednak chętnych do wyjazdu nadal nie brakuje. – *Однако охотных к выезду пока еще не отсутствует (вместо правильного: Однако желающих уехать по-прежнему хватает);

Na jakich specjalistów będzie zapotrzebowanie za pięć lat? – *На каких специалистов будет востребование через 5 лет? (правильно: Какие специалисты будут востребованы через 5 лет?).

³⁰⁸ W. Chlebda, W. Mokijenko, S. Szuleżkowa, Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask, 2003. С. 8.

³⁰⁹ Б. Норман, Речевая масс-культура носителя языка: от цитаты до фразеологизма // Przegląd Rusycystyczny, 3–4 (83–84)/1998. С. 58.

³¹⁰ Там же. С. 65.

³¹¹ В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001. С. 19.

³¹² Там же.

В вышеприведенных примерах мы имеем дело с пословным переводом вместо определения соответствия на уровне фраземы.

Следует подчеркнуть, что два указанных Тер-Минасовой противоположных механизма – стремление к воспроизводству фраз в готовом виде и свободное творчество носителей языка могут быть отнесены к процессу перевода еще в одном аспекте. Наряду с общепризнанными межъязыковыми соответствиями, «фонд» которых постоянно увеличивается, есть контекстуальные эквиваленты, факт употребления которых далеко не всегда может быть отнесен к категории ошибок. Как правильно замечает В.И. Крупнов: «Если, скажем, для словосочетания *public figure* в словаре имеется регулярный словарный эквивалент – общественный деятель, то это не значит, что в практике перевода не может быть случаев, когда это словосочетание следовало бы перевести иначе, то есть отойти от заданного соответствия»³¹³.

Мы подчеркнем, что целью данного исследования не является указать методы нахождения соответствий для разного рода фразем, а определить причины возникновения ошибок в процессе перевода. Итак, в случае фразем основная опасность для переводчика – это неосознание, что он имеет дело с *единицей языка* (неопознание фраземы), буквальное прочтение ее и впоследствии – пословный перевод. Иными словами, процессу нахождения эквивалента, выбору соответствующей переводческой стратегии предшествует умение опознать фразему.

Наряду с интерференцией, вызванной кажущимся сходством слов, следует рассмотреть менее глубоко исследованную проблему структуры целого высказывания, неправильное понимание которого переводчиком, приводит к ошибке. В таком случае «смысловая структура высказывания кажется ему [переводчику – Б.Г.] вполне очевидной, но на самом деле оно имеет совсем иное содержание, противоречащие его когнитивным стереотипам»³¹⁴.

В среде польских русистов часто можно услышать следующую фразу: ***Сегодня у меня язык не поворачивается.** Она употребляется в значении «язык заплетается», поскольку, на наш взгляд, внутренняя структура русского выражения «язык не поворачивается» напоминает поляку фразу «*język się płacze*», хотя ее значение на самом деле другое – «кто-либо не решается, боится, стесняется (сказать, спросить и т.п.)»³¹⁵.

Немного другой является природа ошибки, вызванной неправильным употреблением фразеологизма **белая ворона** (человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо,

³¹³ В.И. Крупнов, В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу. М., 1976.

³¹⁴ В.Н. Комиссаров, «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания (К постановке проблемы) // Мосты. Журнал переводчиков, 2 (6)/2005. С. 15.

³¹⁵ Фразеологический словарь русского языка... С. 503.

не похожий на них). При переводе на польский язык значение этого фразеологизма часто интерпретируется неправильно под влиянием единицы, сходной по форме, но не по содержанию – **biały kruk** (буквально **белый ворон** – редкая книга). Многочисленны случаи смешивания этих двух разных по семантике фразеологизмов в речи русистов.

Правильную характеристику описываемых нами проблем дал Я.И. Рецкер, утверждая, что: «Существуют два источника и два типа буквализма. Первый, более примитивный тип, своего рода „детская болезнь“ начинающих переводчиков, коренится во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Это буквализм этимологический. Внешнее сходство далеко не всегда означает идентичность или даже близость значения [...]».

Второй тип буквализма, более сложный и коварный, чем буквализм этимологический, состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов»³¹⁶.

Приведем пример использования переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального:

В полном объеме выполнять взятые на себя обязательства по поставкам вооружений и **техники** должны российские оборонные экспортеры, отметил Медведев (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=219265&cid=6>).

Dodał, że oczywiście Rosja wypełni wszystkie zobowiązania zgodnie z wcześniej zawartymi kontraktami na dostawę broni i **techniki wojskowej** (<http://wiadomosci.onet.pl/1852339,12,item.html>).

Действительно, эквивалентом русского **техника** является польское **technika**, но в приведенном отрывке текста, а также в большинстве случаев употребления словосочетания **военная техника**, правильный перевод – это **sprzęt wojskowy**. Следует добавить, что данная ошибка весьма распространена в переводах статей из российской прессы. Выбор наиболее распространенного эквивалента привел к ошибке, указанной ниже:

Это **недобросовестная конкуренция**, просто попытка отсечь поставщика, но и самое главное, что для нас это решение практически нечувствительно, так что тот, кто его принимает, должен иметь это в виду, – подчеркнул Медведев (<http://www.rian.ru/economy/20081028/153946734.html>).

To **nierzetelna konkurencja**, po prostu próba wyeliminowania dostawców, lecz, co najważniejsze, jest ona dla nas praktycznie nieodczuwalna i ten, kto ją podejmuje, powinien mieć to na uwadze – uważa rosyjski prezydent (<http://wiadomosci.onet.pl/1852339,12,item.html>).

³¹⁶ Я.И. Рецкер, Указ. соч. С. 35–36.

Действительно, типичным эквивалентом для русского **недобросовестный** является **nierzetelny**, но в данном контексте употребление этой лексемы приводит к нарушению сочетаемости и порождению нелогичного предложения. Ведь **nierzetelna konkurencja** это слабая конкуренция, т.е. такая, которая не представляет угрозы, так что не приходилось бы говорить о попытке «отсечь поставщика». По нашему мнению, правильным вариантом является **nieuczciwa konkurencja**.

Вторая из указанных Я.И. Рецкером разновидностей буквализма – буквальное прочтение фразеологической единицы – иногда является источником забавных ошибок. Интересный пример приводит в своей работе Р. Левицки³¹⁷:

И вся твоя академия – Псалтырь да Библия, дак и то по вечерам, когда ты уж лыка не вяжешь .	Tamtejszy uniwersytet to psalterz i Biblia, i tylko wieczorem, kiedy nie wyplata się łyka .
--	--

ФЕ **лыка не вязать** имеет по ФСРЯ следующее значение: ‘так пьян, что не в состоянии связно говорить’, но переводчик, не рассмотрев фразеологизма, переводит отдельно каждый из его компонентов, что приводит к искажению смысла.

Пословный перевод фразем может привести к порождению неестественной и малопонятной конструкции в ТП:

Potem obrzucił mnie mięsem. Mówiąc wprost, posłał **mnie na trzy litery** – opowiada Basku (GW, 29.01.2009).

Выделенное выражение является результатом перевода отдельных компонентов русского выражения **послать на три буквы**. Как нетрудно убедиться, вследствие интерференции распространенный русский оборот заменяется чужим польскому рецептору выражением.

Особая актуальность изучения фразем как потенциального источника ошибок интерференции связана с активным пополнением этой группы единиц в современном русском языке. Нами ранее отмечалось явление *карнавализации языка* и повседневного индивидуального языкового творчества, призванного обогатить речь, что играет особо важную роль в языке СМИ, который по определению должен привлекать и завоевывать аудиторию. Сильное влияние языка масс-медиа заметно также в сфере фразем. Феноменом наших времен является быстрое пополнение ряда разного рода устойчивых словосочетаний. По словам Г.М. Шипицыной, «обильная но-

³¹⁷ R. Lewicki, Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale przekładów współczesnej prozy rosyjskiej. Lublin, 1986. С. 164.

вая фразеология „опрокинула“ такой важный постулат науки о фраземах, как утверждение, что устойчивые сочетания слов проходят многовековой „инкубационный“ период своего развития. Благодаря СМИ в современном языке функционирует множество новых речевых оборотов, которые обладают основными признаками фразеологизмов, хотя и не проходили испытания временем. Например, **ярмарка выходного дня, точечная застройка, высшие эшелоны власти, кредит доверия, включить печатный станок, монетизация льгот, потребительская корзина, большая восьмерка, оранжевая революция**»³¹⁸.

Областью, которая требует пристального внимания теоретиков перевода и самих переводчиков, является *речевой этикет*. На уровне форм приветствия, прощания, выражения благодарности и т.д., в процессе перевода следует пользоваться приемом замены готовых формулировок³¹⁹, а не перевода их отдельных компонентов. Вполне понятно, что результатом пословного перевода таких форм речевого этикета, как: **Сколько лет, сколько зим!; Здравия желаю, товарищ генерал!** является образование непонятных и неестественных фраз. Правильное решение – это выбор закрепленных за польским языком эквивалентных формул, т.е., соответственно, **Kość lat!** и **Czołem, panie generale!**

К сожалению, переводчик не всегда умеет высвободиться из плена системы исходного языка и, нарушая упомянутую нами закономерность, пытается переводить отдельные компоненты формулы речевого этикета:

– **Pozdrawiamy z okazji urodzin**³²⁰.

Постоянным соответствием рус. **поздравляю / поздравляем с Днем рождения** следует считать польск. **wszystkiego najlepszego z okazji (dnia) urodzin / w dniu urodzin**, аналогично паре: **С Новым годом – Wszystkiego Najlepszego w Nowym Roku! / Szczęśliwego Nowego Roku!**

Переводчику необходимо выработать навык узнавания в тексте целостных единиц (фразем) во избежание дословного перевода, который мог бы нарушить норму языка, изменить смысл высказывания или, по крайней мере, не являясь ошибкой, привести к созданию неестественного сообщения на ЯП.

³¹⁸ Г.М. Шипицына, О позитивном влиянии языка СМИ на развитие русского литературного языка XXI века // Сборник трудов III Международной научно-практической конференции «Журналистика». С 131. [Документ в электронном виде].

³¹⁹ Формулы речевого этикета принято относить к фраземам – ср.: W. Chlebda, Frazematyka // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2. Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński, Wrocław, 1993. С. 328.

³²⁰ W. Boriew, Указ. соч. С. 70.

4.8. Интерференция и естественность текста перевода

При переводе необходимыми иногда являются разного рода добавления, которые вызваны потребностью сохранить естественность текста, его органичное восприятие носителями языка. Хорошей иллюстрацией этого явления может послужить эксперимент, проведенный Я.И. Рецкером. При переводе английского предложения «The fresh air revived most of the men, and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses» у большинства участвующих в эксперименте (соответственно 93%, 96% и 83% в каждой из трех групп, в которой проводился эксперимент) вместо **мысли о пиве** (the thought of beer) появилась **мысль о кружке пива**³²¹. Такое добавление является закономерным, так как обеспечивает естественность переводного текста. Логика русского высказывания требует добавить слово **кружка**. Неучет переводчиком данного явления приводит к появлению чужого налета в тексте, его неестественности. Приведем пример:

Albo to – krowa, świnia i kura pędzą za niedźwiedziem, krzycząc po polsku: «Zjedz mnie!». A on ucieka od nich, trzymając w łapach plakat «Poszczę właśnie» (**wariant**: «Jestem wegetarianinem») (www.gazeta.pl).

Как видим, в указанном примере явно не хватает дополнения, напр., **inny wariant to, możliwy wariant**. Предложение в процитированном нами виде носит иноязычный (русский) налет в силу сохранения конструкции из исходного текста.

В русском языке возможно употребление конструкции **агент национальной безопасности**, в то время как в польском языке при пословном переводе появляется ощущение неполноты фразы:

W «1612» Władimira Chotiniienki wszystko się pomieszało. Całkiem historyczny książę Dymitr Pożarski, podejrzenie podobny do **agenta bezpieczeństwa narodowego** [...] (Forum 46/2007).

Ради сохранения естественности высказывания обязательно следовало добавить определение, например, **agent urzędu/służby bezpieczeństwa narodowego**.

Лексемы, относящиеся к одним и тем же *денотатам* в двух языках, могут отличаться частотностью употребления или сочетаемостью. Достаточно сравнить некоторые нюансы употребления слов **спортсмен**

³²¹ Я.И. Рецкер, Указ. соч. С. 73.

и **sportowiec**. Если лексическое значение обоих слов совпадает, то можно видеть некие различия контекста их употребления. Сравним:

Альпинисты, сумевшие выжить в трагедии на пике Чогори, рассказывают, что многих жертв можно было бы избежать, если бы **спортсмен-нов** после схода лавины не охватила паника.

Перевод выделенного жирным шрифтом слова с помощью, казалось бы, самого естественного эквивалента – привел бы к порождению стилистически «шершавого» текста. Сравним:

*Alpiniści, którym udało się przeżyć na szczycie Czogori, mówią, że wielu ofiar udałooby się unikać, jeżeli **sportowcy** po zejściu lawiny nie wpadliby w panikę.

Употребление слова **sportowiec** в таком контексте для польского языка нетипично. Дело не в разном понимании альпинизма в Польше и России, поскольку в обеих странах его признают видом спорта, но в возможных контекстах употребления данного слова, которых намного больше в русском языке. Для подтверждения нашего положения мы приведем еще другие примеры.

Первыми на ринг вышли **спортсмены** из весовой категории до 79 кг, Ялунин Андрей встречался с Жорой Хачатуряном. Бой получился очень открытым и интересным для зрителей. С первых минут **спортсмены** ввязались в бескомпромиссный обмен ударами, в котором удачливее, по мнению судей, оказался Ялунин (<http://www.sport.ru/ru/news/20060616/other/articlep32746/>).

В аналогичном спортивном комментарии на польском языке были бы употреблены слова **bokserzy** или **zawodnicy**, но не – **sportowcy**. Поэтому перевод с помощью слова **sportowcy** следовало бы признать результатом интерференции, которая вытекает из разницы в контекстуальном употреблении слов в польском и русском языках.

Механизм сохранения естественности ТП мы проследим на примере перевода лексемы **армия**. Эквивалентами для слова **армия** являются как польск. **armia**, так и **wojsko**. Однако названные польские лексемы употребляются в разных контекстах. Когда речь идет о польской действительности, чаще всего используется слово **wojsko**. В свою очередь, слово **armia** чаще всего относится к реалиям других стран (напр., **iracka armia**). Кроме того, следует отметить устойчивые словосочетания – **armia USA**, **rosyjska armia**, **Wojsko Polskie** – это по-русски, **армия США**, **российская армия**,

Войско польское как официальное наименование или **польская армия** как название нетерминологического характера.

Если в русском языке присутствуют выражения **служить в армии, после армии, до армии**, то их прямыми эквивалентами в польском языке являются – **służyć w wojsku, po wyjściu z wojska, przed pójściem do wojska (przed odbyciem służby wojskowej)**:

Po jakimś czasie, kiedy Formanczuk pojechał do drogówki zarejestrować swoje auto, okazało się, że jest poszukiwany jako дезертер. W rzeczywistości chłopak miał zwolnienie **ze służby w armii** (GW, 29.01.2009).

В вышеуказанном отрывке текста налицо результат интерференции. Употребление лексемы **armia** не приводит к искажению смысла, но нарушает естественность восприятия текста.

Мы считаем необходимым отметить, что имеющая место в процессе перевода одновременная актуализация двух языковых систем не всегда вызывает интерференцию, результатом которой является явное нарушение системы языка, ошибка. Иногда под влиянием подлинника в переведенном тексте можно отметить наличие фраз, скалькированных с ИЯ, вписывающихся в рамки ПЯ, но имеющих более распространенный синоним в том же языке. Именно такие фразы и конструкции являются одним из оснований для выделения «переводческого языка» как отдельной категории.

Мы поясним данное положение на примере. В российских СМИ часто появляется термин ПРО (противоракетная оборона)³²², эквивалентом которого является польское **tarcza antyrakietowa**. Однако в переводных статьях из польской прессы неоднократно встречается термин **противоракетный щит (антиракетный щит)**. Он не нарушает норму русского языка, но поскольку в текстах, написанных на русском языке, преобладает определение **противоракетная оборона** или, еще чаще, в сокращенной форме – **ПРО**³²³, мы вправе полагать, что определение **антиракетный щит** навязывается исходным текстом:

³²² Приведем несколько примеров: Американская система ПРО уже обошла США в 100 млрд долларов и осложнила отношения с Россией. И в ближайшее время затраты только возрастут. <http://www.newsru.com/world/30sep2008/badpro.html>; Американская ПРО расколола Польшу. <http://www.vz.ru/politics/2007/7/10/93279.html>; Американская ПРО оказалась пустышкой. <http://www.utro.ru/articles/2008/08/19/760949.shtml>.

³²³ В поисковой системе GOOGLE для фразы «противоракетная оборона» 155 000 результатов поиска, в корпусе русского языка – 8 (<http://www.ruscorpora.ru>), а для фразы «антиракетный щит» соответственно – 1060, в корпусе – 0. Следует подчеркнуть, что первое определение чаще всего употребляется в форме аббревиатуры (ПРО), но для снятия омонимии мы прибегнули к сравнению частотности определений «американская ПРО» и «амери-

Nasze ostrzeżenia o skierowaniu rakiet na obiekty tarczy USA w Europie miały charakter uczciwego ostrzeżenia. To elementarna uczciwość zupełnie inna od tej, gdy mówi się, że **tarcza antyrakietowa** ma służyć do obrony przed atakiem z Iranu. Przecież Polska jest krajem nadbałtyckim. Chyba Polacy nie wierzą w to, że mają zestrzeliwać irańskie rakiety (http://www.dziennik.pl/swiat/article206993/Rosja_nasle_na_nas_hakerow_i_szpiegow.html).

Наши предостережения о нацеливании ракет на объекты ПРО США в США имели [так в тексте – Б.Г.] честного предупреждения. Это элементарная порядочность, весьма отличающаяся от той, когда говорят, что **антиракетный щит** должен служить для защиты от нападения Ирана. Ведь Польша – балтийская страна. Думаю, поляки не верят, что они должны сбивать иранские ракеты (<http://www.inosmi.ru/text/translation/242664.html>).

Gorbaczow: **Tarcza antyrakietowa** jest przeciwko Rosji (http://forum.gazeta.pl/forum/w,902,77376815,0,Gorbaczow_Tarcza_antyrakietowa_jest_przeciwko_.html?s=0).

Горбачев: **Противоракетный щит** – против России (<http://www.inosmi.ru/print/240491.html>).

Как правильно замечает В.Н. Комиссаров: «нередко использование ближайшего соответствия вполне возможно, но более узуальным оказывается иной вариант. В английских оригиналах обычно **моют тарелки** после еды (**wash dishes**), **скребут полы** (**skrub floors**), **моют зубы** (**wash teeth**); все эти сочетания возможны и в русском языке, но в русских переводах, как правило, мы находим более употребительные **мыть посуду**, **мыть полы** и **чистить зубы**»³²⁴.

При анализе фактов интерференции нельзя обойти молчанием стратегию экзотизации ПЯ, т.е. переноса некоторых элементов другого языка и/или культуры. Поясняя данную стратегию, необходимо привести выводы, сделанные Ю. Найдой. Известно, что американский теоретик перевода, исследуя проблему перевода Библии на языки мира, в том числе на многочисленные редкие языки, выдвинул концепцию *динамической эквивалентности*. Главным постулатом этой концепции было нахождение эквивалентов, которые органично вписываются в воспринимающую культуру даже ценой отступлений от исходного текста. По словам Найды, при переводе следует «создать динамическую связь между сообщением

канский антиракетный щит» в упомянутой поисковой системе. Были получены следующие результаты: 119 000 употреблений для первого словосочетания и 44 для второго (данные по состоянию на 22 июля 2011).

³²⁴ В.Н. Комиссаров, Лингвистика перевода / Предисл. М.Я. Цвиллинга. – 2-е изд., доп. М., 2007. С. 44.

и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала»³²⁵.

Самый известный пример, с помощью которого можно проиллюстрировать идею *динамической эквивалентности*, это предложение заменить слово **хлеб** (**Хлеб наш насущный дай нам на сей день**) словом **рыба** (**Рыбу нашу насущную даждь нам днесь**) в переводе молитвы **Отче наш**, адресованной эскимосам³²⁶.

Однако необходимо подчеркнуть, что американский исследователь в своих последующих работах отошел от изначального постулата динамической эквивалентности. Им было сделано наблюдение, которое мы процитируем полностью: «различия в культуре создают меньше трудностей при переводе, чем можно было бы ожидать, поскольку все люди сознают, что другие народы могут иметь иной образ жизни»³²⁷. Именно факт осознания рецептором перевода, что описывается другая действительность, и следующее из этого ожидание некоторых различий, позволяет в процессе перевода в определенной степени обходить проблему *лексики с культурным компонентом*. Ведь «стало общепризнанным, что получатель перевода неидентичен с получателем оригинала, что в отличие от него он конфронтируется с чужим культурным контекстом»³²⁸. Следовательно, появление некоторых *экзотизмов* (*коннотации чужого* по Левицкому³²⁹), отражающих реалии другой страны уместно и правомерно. Употребление слов **полиция**, **сейм** в переводе на русский дополнительно указывает на то, что читатель имеет дело с текстом, повествующем о реалиях другой страны, а слов **milicja**³³⁰, **deputowani**, в переводе с русского языка является еще одним сигналом о том, что текст относится к российским реалиям. Уместным будет привести слова В.С. Виноградова: «Любой язык, видимо, нуждается в некотором количестве заимствований, называющих реалии иноязычной культуры»³³¹. Несоблюде-

³²⁵ В.Б. Шеметов, Курс лекций по теории перевода. http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/shemetovdoc.shtml.

³²⁶ Ср.: D. Kierzkowska, Tłumaczenie prawnicze. Warszawa, 2002. С. 46.

³²⁷ Цитата по: В.Н. Комиссаров, Лингвистика перевода... С. 113.

³²⁸ R. Lewicki, Экзотизация в переводе как вопрос переводческой стратегии // *Slavia Orientalis* 45, 3/1996. С. 402.

³²⁹ Ср. также: R. Lewicki, *Obcość w odbiorze przekładu*. Lublin, 2000.

³³⁰ Необходимо пояснить, что с 1 марта 2011 г. после вступления в силу федерального закона «О полиции» приведенный нами пример теряет актуальность для современной России. Однако дифференциация понятий **milicja/policja** уместна для текстов, касающихся периода 1917–2011 (отражение темпорального фактора), а также – в случае русскоязычных текстов, относящихся к действительности Украины, Беларуси, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

³³¹ В.С. Виноградов, Указ. соч. С. 115.

ние этой формулы и стремление во что бы то ни стало к тому, чтобы ТП звучал, как будто был написан на ИЯ, может привести к комическому эффекту, что прекрасно выразил К.И. Чуковский: «Получается такое впечатление, как будто и мистер Сквирс, и сэр Мельберри Гок, и лорд Верисофт – все живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами, а на самом деле такие же Иваны Трофимовичи, как персонажи Щедрина или Островского»³³².

Рассматривая проблематику интерференции в контексте принятой переводчиком стратегии *экзотизации* или *освоения* (стратегии переноса ИТ на почву принимающей культуры), надо понимать, что в настоящее время названные нами две крайние стратегии практически отсутствуют в процессе перевода в чистом виде. Анализируя отдельные тексты, можно выявить в них как элементы *освоения*, так и *экзотизации*, напр., в переводном тексте о России наряду с *экзотизмами* (**Duma, dacza**), могут появиться также примеры *освоения* (**grosze** как эквивалент рус. **копейки**). Следовательно, изучение вопроса об интерференции (а также других вопросов переводоведения) требует понимания индивидуальности и определенности каждого акта перевода, что находит отражение в законе о *неповторимости перевода*, сформулированным Н.К. Гарбовским следующим образом: «невозможно разным людям в разных ситуациях перевести одинаково один и тот же текст подобно тому, как нельзя дважды войти в одну и ту же воду»³³³.

Наряду с *интерфероносным потенциалом* слов и выражений в обоих языках потенциальным источником интерференции следует считать неправильные показания словарей, а также некоторые ошибки, заложенные в процессе преподавания языка.

4.9. Интерференция и процесс преподавания языка

В практике преподавания русского языка в языковом вузе в Польше можно усмотреть некоторые причины ошибок интерференции у будущих переводчиков.

Во многих учебниках и пособиях по русскому языку³³⁴ вниманию учащихся предлагаются списки слов, которые при сходстве в плане выражения и плане содержания различаются категорией рода, напр., **тополь** (м.р.)

³³² К.И. Чуковский, Высокое искусство. М., 1968. С. 119.

³³³ Н.К. Гарбовский, Теория перевода. Век XXI... С. 35.

³³⁴ Ср., напр., S. Szadyko, Poradnik gramatyczny współczesnego języka rosyjskiego. Warszawa, 2004.

и **topola** (ж.р.). Среди этих пар слов часто приводятся лексемы **табель**, **tabela** и **коллоквиум**, **kolokwium**, включение которых в названные списки требует отдельного комментария.

Табель (м.р.) это – ‘расписание или список чего-н. в определенном порядке, специальная доска с номерками для учета явки на работу и ухода с работы рабочих и служащих, номерок, к-рый снимается с такой доски по приходе и вешается обратно при уходе с работы, в среднем учебном заведении: ведомость об успеваемости (по четвертям года)’ в отличие от **tabeli** (ж.р.) – 1. ‘wykaz, rejestr, spis, zestawienie danych, najczęściej liczbowych, rozmieszczonych na arkuszu w uporządkowany sposób, zgodnie z układem rubryk’; 2. ‘rubryki utworzone przez podział strony, kartki itp. liniami pionowymi i poziomymi’, которую во втором значении польского слова следует переводить в большинстве контекстов как **таблицу**. По нашему мнению, игнорирование контекста употребления обоих лексем порождает распространенную среди русистов ошибку:

*Обратите внимание на **табель** на странице 20 учебника, вместо правильного:

Обратите внимание на **таблицу** на странице 20 учебника.

Различны значения и контексты употребления лексем **kolokwium** (с.р.) и **коллоквиум** (м.р.) в польском и русском языках. Если в интересующем нас значении польское **kolokwium** (с.р.) – это ‘na wyższej uczelni: forma sprawdzenia wiedzy, zdobytych umiejętności praktycznych, ustna lub pisemna, z całości bądź części materiału’, то русское **коллоквиум** (м.р.) – это ‘беседа преподавателя со студентами с целью выяснения их знаний’. Следовательно, названные слова разнятся не только категорией рода, но и лексическим значением. Употребление их в качестве эквивалентов в значении ‘письменная проверка знаний студентов’, т.е. ‘контрольная работа’, типично для среды польских русистов³³⁵, что вызвано, по нашему мнению, двумя факторами – наличием этой пары слов в описываемых нами списках, которые заучиваются студентами, и по которым они пишут **контрольные работы**, а также совпадением сферы их употребления. Обе лексемы касаются процесса проверки знаний в вузе, но их значения все-таки не совпадают полностью. Зато эти слова являются эквивалентами в значении ‘научное собрание с обсуждением докладов на определенную тему’.

³³⁵ На занятиях по русскому языку довольно часто можно услышать вопросы типа:
*Когда напишем коллоквиум?

4.10. Двужычные словари и проблема интерференции

Причины интерференции – это мнимое сходство и различия языковых систем, экстралингвистических факторов – ментальности, культуры, реалий, отраженных в каждом из языков, ошибки, заложенные в процессе преподавания языка, неправильные показания двужычных словарей. Последнюю из перечисленных проблем мы рассмотрим более подробно. Итак, два основных двужычных словаря – это «Большой польско-русский словарь» (WSPR)³³⁶ и «Большой русско-польский словарь» (WSRP)³³⁷.

«Большой польско-русский словарь» был издан в 1967 году, а соответственно в 1979 и 1988 годах вышли очередные, исправленные и дополненные, второе и третье издания. В 1996 году словарь был снабжен Дополнением.

«Большой русско-польский словарь» вышел в свет в 1970 году, в 1981 появилось второе, а в 1986 – третье, исправленное и дополненное, издание.

Оба словаря были составлены более 40 лет тому назад, а дополнения и исправления вносились 10 лет спустя. В дальнейшем «Большой польско-русский словарь» выходил с Дополнением, но оба словаря переиздавались без коренного пересмотра основного корпуса, что, учитывая, огромные политические и экономические перемены, а также настоящую революцию в области электроники и систем коммуникации, которые отразились на языке, привело к их частичному устареванию.

Надо подчеркнуть, что, оставаясь в течение многих десятилетий основным двужычным лексикографическим источником, оба словаря не лишены серьезных недостатков и недочетов. Главные недостатки и ошибки, причины которых лежат также в концепции составления словарей, были указаны в ряду статей Я. Вавжинчика. Польский лексикограф критиковал помещение лишней с точки зрения процесса перевода информации орфографического, грамматического и энциклопедического характера, за счет которой можно было бы расширить корпус словаря. Ученый отрицательно отнесся к употреблению помет, оставляя, однако, за собой право приводить их в случае необходимости. Он обратил внимание также на непоследовательное применение помет³³⁸. Среди других критических замечаний следует отметить помещение в словарь противоречивой информации – нетождественной информации об одних и тех же объектах, расположен-

³³⁶ D. Hessen, R. Stypuła, Wielki słownik polsko-rosyjski. T. 1–2. Warszawa, 1998.

³³⁷ A. Mirowicz, I. Dulewicz, I. Grek-Pabis, I. Maryniak, Указ. соч.

³³⁸ J. Wawrzyńczyk, O rozwoju leksykografii rosyjsko-polskiej // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask, 2006. С. 141–142.

ных по определенным причинам в разных местах словаря³³⁹. Большим недостатком обоих словарей является употребление *псевдоэквивалентов*, т.е. приведение своеобразной многословной дефиниции, которая вряд ли может служить эквивалентом в переводимом тексте, напр., по WSPR, **trzepak** – это «перекладаина, на которую вешают вещи для выколачивания пыли»³⁴⁰. Важным постулатом по отношению к польско-русским словарям является включение в корпус словаря лишь тех эквивалентов (прежде всего речь идет о выражениях), которые органично воспринимаются образованным носителем русского языка³⁴¹.

Кроме указанных Я. Вавжинчиком недочетов, следует добавить и другие, которые представляют особый интерес для наших рассуждений. Это, прежде всего, неправильная трактовка некоторых фразеологических единиц. Можно отметить проявления интерференции, например, перенос значения польской ФЕ **biały kruk** на русскую **белая ворона**, о правильном употреблении которого мы уже писали.

В WSPR скалькировано значение фразеологизма **musztarda po obiedzie**, соответствием для которого могут служить выражения **хороша ложка к обеду** или на уровне молодежного сленга – **поздняк метаться**. Выражения **горчица после обеда** не отмечают ни толковые словари русского языка, ни «Словарь фразеологизмов» под ред. Молоткова. Похожую на рассматриваемую нами ФЕ – **горчица после ужина** – отмечает словарь под ред. Федорова³⁴², причем в статье дается помета *устар.* Необходимо подчеркнуть, что в современном русском языке выражение **горчица после обеда** (в вышеуказанном значении) не появляется – нет ни одного примера употребления в корпусе русского языка, ни одного результата поиска в системе GOOGLE. Опрос информантов – образованных носителей русского языка – подтверждает наши выводы об ошибочном указании на эквивалентность выражения **musztarda po obiedzie**.

Неоднократно в качестве соответствия для фраземы приводится просто слово, что создает у пользователя словаря ошибочное впечатление об отсутствии аналогичной фраземы в другом языке. Например, по WSPR для польского **uszy do góry!** эквивалентом является лишь **не унывай**, хотя в русском языке есть такие фраземы как **хвостик пистолетом!**, **хвостик морковкой!** и т.п.

³³⁹ Там же. С. 149.

³⁴⁰ J. Wawrzyńczyk, Aktualne problemy leksykografii polsko-rosyjskiej // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask, 2006. С. 171.

³⁴¹ Ср.: J. Wawrzyńczyk, Język rosyjski w słownikach polsko-rosyjskich powojennego czterdziestolecia // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask, 2006. С. 191.

³⁴² Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. / Ред. А.И. Федоров. М., 1995.

Авторы обоих словарей не избежали интерферентов на уровне слова. Итак, WSRP для слова **анекдот** на первом месте указывает эквивалент **anegdota** и лишь дальше – соответствия **historyjka, dowcip, kawał**, что может ввести в заблуждение. По WSPR, эквивалентом польск. **anegdota** является **анекдот**.

В WSRP для выражения **между прочим** в качестве эквивалента указано словосочетание **między innymi**, что закрепляет распространенную среди поляков ошибку. Стоит отметить, что эквивалентом для **między innymi** могут служить выражения **в частности, среди прочего**.

Важным моментом было издание совсем нового, сделанного, по словам самих авторов, специально с мыслью о переводчиках, польско-русского и русско-польского словаря³⁴³. Отправной точкой для составления словаря стала концепция, частично основанная на критическом анализе названных нами словарей, главные положения которого мы привели выше.

Одним из основных постулатов проф. Вавжинчика было сведение количества помет к абсолютному минимуму. Однако, по нашему мнению, следование этому принципу может стать источником ошибок и недоразумений.

Приведем пример. **Рента** – это, по «Большому русско-польскому словарю» под ред. Я. Вавжинчика (WSRPW), **renta**. В статье нет никакой пометы, комментария или иллюстративного материала, вследствие чего может создаться впечатление, что имеем дело с парой интерферентов. Помета *экон.*, на наш взгляд, позволила бы избежать недоразумений, указывая на терминологическое значение русской лексемы ('регулярный доход в форме процентов, получаемый с капитала, имущества или земли').

Принцип экономии может привести и к другим недоразумениям и неточностям. По «Большому польско-русскому словарю» под ред. Я. Вавжинчика (WSPRW), **konkubinat** – это **гражданский брак**. Сам выбор эквивалента вызывает сомнения. **Konkubinat** в Польше является термином, который появляется в практике Верховного суда Республики Польша, а также в кодифицированном языке. Его эквивалентом в русском языке является **(внебрачное) сожительство**. Определение **гражданский брак** действительно употребляется русскими в значении 'неофициальный брак', но данное употребление неправильно и идет вразрез с основным значением рассматриваемого нами выражения, т.е. 'зарегистрированный брак'; 'ślub cywilny'. Отсутствие пометы, комментария или иллюстративного материала может привести к ошибке. Данный пример относится к тем случаям, при которых помета или пример употребления являются необходимыми, позволяя избежать ошибок и двусмысленностей. В данной статье

³⁴³ Wielki słownik rosyjsko-polski / Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2005; Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa, 2005.

следовало указать на первом месте **сожителство** и, возможно, добавить выражение **гражданский брак**, подчеркивая, что оно характерно для разговорного стиля речи.

Как ни странно, в WSRPW мы находим информацию лишь о том, что эквивалентом выражения **гражданский брак** (статья **гражданский**) является **ślub cywilny**, второе, разговорное значение, не указано вообще. По нашему мнению, следовало бы включить пункт с эквивалентом – **związek nieformalny** (с пометой *разг.*).

Из WSPRW мы узнаем, что эквивалентом польского **mordownia** является **застенок**. Однако, по WSJP, **mordownia** – это ‘restauracja, bar niskiej kategorii, w których pije się dużo alkoholu i gdzie często dochodzi do bójek i awantur; knajpa’³⁴⁴. Других значений в словаре нет и, даже если предположить, что это слово употребляется современными носителями польского языка в значении ‘застенок’ (**katownia**), то следовало во избежание серьезных недоразумений снабдить статью соответствующей пометой или комментарием.

Потенциальным источником ошибок могут стать также другие статьи, напр.,

kolokwium *n* **коллоквиум** *m*;

♦ **kolokwium zaliczeniowe** **зачёт** (*в учебном заведении*), а в WSRPW **коллоквиум** – это просто **kolokwium**³⁴⁵.

WSPRW и WSRPW содержат примеры интерферентов (ложных друзей переводчика). Итак, неправильна трактовка рус. **кадило**. Авторы приводят два равноправных эквивалента – **kadzielnica** и **kadzidło**, хотя лишь первый из них соответствует русской лексеме. Слова **кадило** и **kadzidło** образуют пару интерферентов.

Как упоминалось раньше, в WSRPW количество помет сведено к минимуму. На наш взгляд, в словаре можно обнаружить статьи, которые требуют снабжения пометами и/или иллюстративным материалом. Их отсутствие делает весьма вероятным возникновение ошибок.

Итак, для русского **забегать** предложено три эквивалента – 1. *zabiegać*; 2. (мимоходом) *wpadać*; 3. (вперед, в будущее и т.п.) *wybiegać/wyprzedzać*. Как видно, два последних значения дополнительно объясняются примечаниями в скобках, но первое указано без какого-либо контекста употребления, в результате чего пользователь должен сам решить, какой польский

³⁴⁴ По «Словарю польского языка», *mordownia* *pot.* ‘podrzędna restauracja’ (<http://sjp.pwn.pl/haslo.php?id=2484605>).

³⁴⁵ Данная пара интерферентов рассмотрена нами в пункте 4.9.

омоним имеется в виду – **zabiegać** ‘starać się, ubiegać się o coś’ или ‘wstępować, zaglądać gdzieś po drodze, zwykle na krótko’.

В первом случае мы вправе говорить о паре интерферентов.

Критически следует отнестись также к статье **hełm**:

1. шлем

2. (*kask*) каска

◊ **hełm hermetyczny** гермошлем (сокр.: герметический шлем).

В связи с подробным анализом взаимосвязи между лексемами **hełm** – **каска** и **шлем** ограничимся следующим замечанием: на первом месте следовало указать слово **каска** (желательно с примером употребления, напр., **стальная каска**, а также привести фразему **голубые каски** – **błękitne hełmy**), на втором – **шлем** с обязательным приведением иллюстративного материала, позволяющего понять контекст употребления данного слова (напр., **пробковый шлем**; **кожаный шлем**; **шлем летчика**).

В WSRPW для рус. **авантюра** приводится польск. эквивалент **awantura**. По НБТСРЯ, **авантюра** – это ‘рискованное и сомнительное дело, предпринятое в расчете на случайный успех’; 2. ‘легкомысленная затея; опасное или необычное приключение, похождение’. Любопытно, что согласно WSJP единственное значение слова **awantura** – это ‘zakłócenie spokoju spowodowane agresywnym (zwykle słownym) zachowaniem się kogoś; burda, kłótnia, zająście’. Даже если предположить, что на практике польское **awantura** может быть выбрано в качестве соответствия, то следует подчеркнуть ограниченную сочетаемость названного эквивалента. Возможно, допустим перевод словосочетания **военная авантюра** как **awantura wojenna**, но уже **политическая авантюра** – это **polityczne awanturnictwo**, а **polityczna awantura** – это **политический скандал** и ни в коем случае не **политическая авантюра**. Кроме того, у слова **авантюра** есть еще второе значение. Следовательно, для словосочетаний типа **любовная авантюра** следует употреблять соответствие **przygoda miłosna**.

Мы убедились, что данная словарная статья может стать источником ошибок. Более корректным эквивалентом рус. **авантюра** следует признать **awanturnictwo**, причем в статье необходим иллюстративный материал, позволяющий избежать недоразумений.

Трудно согласиться с авторами WSRPW насчет эквивалентности слов **уклад** и **układ**. Добавим, что в качестве второго возможного эквивалента приводится слово **ustrój** с пояснением в скобках «строй», что соответствует действительности, поскольку рус. **уклад** – это, в частности, ‘форма, тип ведения хозяйства в рамках какой-л. общественно-экономической формации’. Необходимо констатировать тот факт, что **уклад** принадлежит к группе лексем, перевод которых на польский язык доставляет трудности,

и в случае которой указание однословного эквивалента не всегда возможно. Приведем возможные соответствия: **porządek**, **tryb życia**, (*ekon.*) **ustrój**, **system**.

Польская лексема **układ** многозначна. По WSJP, слово **układ** имеет следующие значения: 1. 'ułożenie, uszeregowanie czegoś w wyznaczonym porządku, w określonej kolejności; zasada rozmieszczenia poszczególnych elementów czegoś względem siebie'; 2. 'zbiór, zespół elementów powiązanych wzajemnie, tworzących pewną strukturę; system'; 3. 'zależność, wzajemny stosunek między kimś lub czymś'; 4. 'porozumienie między stronami w celu ustalenia czegoś; umowa'; 5. *zwykle w l.mn.* 'rozmowy prowadzone w celu zawarcia umowy, pertraktacje, rokowania'; 6. *techn.* 'zespół części lub przyrządów jakiegoś urządzenia, wykonujący określoną pracę; współdziałanie części składowych jakiejś maszyny'; 7. *pot.* 'stosunek zachodzący między członkami pewnej zbiorowości, powiązanie'.

Приходится констатировать, что ни одно из перечисленных значений польской лексемы не является эквивалентом русского **уклад**. Следовательно, мы имеем дело с парой интерферентов, помещенных в словарной статье WSRPW.

Следует критически отнестись к трактовке некоторых заимствований. В словаре не всегда учитывается описываемое нами явление разной *семантической нагрузки* заимствованных двумя языками слов.

Наши сомнения вызывает, прежде всего, пара словарных эквивалентов **киллер** и **killer**, которая была проанализирована нами в пункте 4.3.

Несмотря на упомянутый нами постулат проф. Вавжинчика о нежелательности описательных эквивалентов, его словарь содержит некоторое число таких соответствий. Весьма любопытно, что цитированный Я. Вавжинчиком в ранее упомянутой нами статье **trzepak** – это в словаре под его редакцией «перекладина (для выбивания пыли)». Комментарий в отличие от подвергнутого критике WSPR помещен в скобках, но остается неясным – может ли данная единица служить полноценным эквивалентом без описания, заключенного в скобки. Есть и примеры указания в качестве эквивалента исходного слова определения в достаточно развернутом виде. Итак, «**неформал** – это „(разг.: член неформальной организации, группы) członek nieformalnej organizacji“, **силовик** – „разг. zwierzchnik resortu siłowego (wojskowego, w Rosji)“, **дружинник** – „członek obywatelskiej służby porządkowej“, **открепительный талон** – „zaświadczenie o prawie do głosowania (poza miejscem zamieszkania)“». Приведенные примеры подтверждают, что на практике указание однословных эквивалентов не всегда возможно.

Отдельного рассмотрения требует лексика, связанная с системой высшего образования. В анализируемых нами двуязычных словарях мы имеем дело с путаницей.

Итак, по WSPR, **doktorant** – это **докторант**. Статья, не содержащая ни пометы, ни иллюстративного материала, вводит в заблуждение пользователей словаря. Ведь действительным эквивалентом польск. **doktorant** следует считать рус. **аспирант**. Добавим, что **докторант** – это ‘ученый, прикрепленный к научному учреждению для подготовки докторской диссертации’, так что правильным эквивалентом является польск. **habilitant**.

Своеобразна трактовка лексемы **doktor**. В статье приводится в двух пунктах соответствие **доктор наук**, причем в скобках дается многословное пояснение – для первого пункта **младшая научная степень** и для второго (**doktor habilitowany**) – *высшая ученая степень*. Нельзя одобрить такое построение данной статьи. Во-первых, эквивалентом польск. **doktor** является рус. **кандидат наук**. Во-вторых, в случае попытки сохранить польские реалии путем употребления лексемы **доктор наук** трудно представить себе контекст, в который естественно вписывалась бы данная лексема вместе с дифференцирующим значением³⁴⁶ многословным объяснением – соответственно *младшая* или *высшая ученая степень*. Комментарий в скобках – это еще один пример указанной нами тенденции к описательному переводу, который выполняет информационную функцию, но вряд ли может быть использован в качестве готовой единицы перевода (переводческого соответствия). Критически следует отнестись также к статье **doktorat**. В словаре указаны два эквивалента – **степень доктора наук** и **экзамен на получение степени доктора наук**. Оба они неудовлетворительны по перечисленным нами причинам. Следовательно, пара **doktoranski** – **докторантский** (вместо **аспирантский**) не может быть признана правильной.

Мы отметим, что составители словаря прибегнули к использованию эквивалента в развернутой форме также для слова **habilitant** (*соискатель высшей ученой степени*), хотя здесь можно видеть эквивалентность пары **habilitant** – **докторант**.

Эквивалентность на уровне последней перечисленной пары предусмотрена авторами WSRP – в нем указаны соответствия: **докторант** – **habilitant**, **przygotowujący rozprawę habilitacyjną**³⁴⁷, **докторантский** – **przygotowujący rozprawę habilitacyjną**, **докторская стипендия** – **stypendium habilitacyjne**. Однако необходимо отметить наличие статей,

³⁴⁶ Мы добавим, что если авторы словаря стремились бы к сохранению польских реалий, необходимую дифференциацию исходных единиц – **doktor** и **doktor habilitowany** можно было бы обеспечить путем употребления следующих эквивалентов – **доктор наук** и **габилитированный (хабилитированный) доктор**.

³⁴⁷ По нашему мнению, второй описательный эквивалент, выполняя лишь информационную роль – толкование польского слова – не нужен, а его употребление вписывается в рассмотренную нами ранее и подвергнутую критике Я. Вавжинчиком стратегию составителей названного словаря.

в которых эквиваленты установлены не лучшим образом, а именно **аспирантура** – **aspirantura** и **кандидат наук** – **kandydat nauk**.

Сравнение лексем, связанных с системой высшего образования, в WSRPW и WSPRW позволяет сделать выводы о непоследовательности их авторов³⁴⁸. Итак, наряду с правильно установленными парами эквивалентов в WSRPW, т.е. **докторант** – **habilitant**, **докторантский** – **habilitacyjny**, **кандидатская диссертация** – **praca doktorska**; **кандидат** – 1. **kandydat**, 2. (*каких-либо наук*) **doktor nauk (jakich)**, мы обнаруживаем пару лексем **доктор** – **doktor**. Статья не содержит ни помет, ни примеров употребления, так что трудно точно определить значение исходной лексемы (**доктор** как врач, обращение к врачу или в значении ‘высшая ученая степень’). По нашему мнению, в большом словаре необходимо поместить все значения русского слова, причем для третьего, последовательно по отношению к ранее рассмотренным статьям, следовало указать определение **doktor habilitowany**. Кроме того, в словарь включены пары **аспирант** – **aspirant** (*w szkolnictwie wyższym, instytucji naukowej*); **аспирантура** – **aspirantura**, хотя, будучи последовательными, авторы словаря должны были предложить пары **аспирант** – **doktorant**, **аспирантура** – **studium doktoranckie**. Добавим, что в WSPRW соответствия выбраны правильно: **doktorat** – (*stopień*) **степень ж кандидата наук**, (*praca, rozprawa*) **кандидатская диссертация**; **doktor nauk (jakich)** **кандидат (каких-либо наук)**; **doktorancki** **аспирантский**; **studia doktoranckie** **аспирантура**.

Подытоживая рассуждения, касающиеся двуязычных словарей, мы хотим отметить, что оставаясь важным орудием работы переводчика, ни один словарь не может дать полную картину языка, охватить полностью лексическую систему языка. Уместным будет привести слова Я.И. Рецкера: «Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов. Поэтому теория перевода может устанавливать лишь функциональные соответствия, учитывающие зависимость передачи определенных смысловых категорий от действия различных факторов»³⁴⁹.

Резюмируя часть, касающуюся процесса преподавания и двуязычных словарей, мы попытаемся сделать несколько обобщений. Интерференционные ошибки в основном являются результатом «двоевластия», понимаемого как непрерывное воздействие ИЯ и ПЯ, в плену которых постоянно находится переводчик. Однако, на что мы пытались указать в пунктах 4.8. и 4.9., часть ошибок заложена в процессе преподавания языка или берет

³⁴⁸ Мы вправе рассматривать WSPRW и WSRPW как единое целое не только в связи с тем, что они являются результатом работы одного коллектива авторов, но также – потому что их электронный вариант помещен на одном диске.

³⁴⁹ Я.И. Рецкер, Указ. соч. С. 11.

свое начало в неверно разработанных словарных статьях. Говоря о процессе преподавания/изучения языка, на наш взгляд, надо уделить внимание значению родного языка. На необходимость постоянного совершенствования родного языка указывали уже классики советской школы художественного перевода К.И. Чуковский³⁵⁰ и Н. Галь, которая, в частности писала, что «нужно прежде всего, превыше всего – знать, любить, беречь и никому не давать в обиду родной наш язык, чудесное русское слово»³⁵¹. Необходимость тренировки навыков устной речи для будущих и настоящих переводчиков подчеркивала также И.С. Алексеева. Согласно ее совету, следует «приучить себя в любой ситуации контролировать свою речь. Не позволять себе обходиться жестами, заставлять себя завершать начатые формулировки, вербализовать, казалось бы, „невыразимые“ чувства»³⁵².

В самом деле, типичный кандидат в переводчики (чаще всего студент филологии) часто настолько сильно увлекается изучаемым иностранным языком, что упускает из виду необходимость углубления знаний также в плане родного языка. Это должно тревожить, ведь в дальнейшем, в течение переводческой карьеры, проблема только усугубляется. В результате неустанного контакта с иностранным языком в его речи часто появляются искаженные (интерферированные) конструкции. Как правильно пишет Г. Карски, можно отметить «wywołane dłuższym obcowaniem z tekstem cudzoziemskim – pewne nieuchronne stopienie wrażliwości i osłabienie czujności stylistycznej tłumacza, rozluźnienie jego samokontroli i poddanie się sugestii języka oryginału»³⁵³. Следовательно, некоторые ошибки интерференции – это не результат влияния конкретного ИТ, а искаженной чужим налетом речи переводчика. Можно даже отметить калькированные и нарушающие норму или узус польского языка конструкции в среде филологов и/или переводчиков конкретной пары языков. В подтверждение наших слов мы приведем один конкретный пример. Для русистов (студентов, преподавателей, переводчиков) характерно употребление термина ***nosiciel języka** – кальки русского **носитель языка**. Надо отдавать себе отчет в наличии в польском языке утвердившегося соответствия – **rodzimy użytkownik języka**³⁵⁴, а также в допустимости применения во многих контекстах исходного термина – **native speaker**. Калькированное ***nosiciel języka** следует считать примером закрепившегося в результате постоянного влияния

³⁵⁰ Ср.: К.И. Чуковский, Высокое искусство...

³⁵¹ Н. Галь, Слово живое и мертвое. М., 2001. С. 2.

³⁵² И.С. Алексеева, Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2004. С. 12.

³⁵³ G. Karski, Kłopoty tłumacza // O sztuce tłumaczenia / Red. M. Rusinek. Wrocław, 1955. С. 264.

³⁵⁴ Ср.: Z. Kozłowska, O przekładzie tekstu naukowego (na materiale tekstów językoznawczych). Warszawa, 2007. С. 133.

языка профессионального общения нарушения, поскольку оно не только дублирует указанное нами принятое соответствие, но нарушает узус польского языка – звучит неестественно и неуклонно вызывает ассоциацию с определениями типа: **nosiciel choroby**, **nosiciel wirusa HIV**³⁵⁵.

Действительно, иностранный язык и иностранный текст влияют на идиолект переводчика, но открытым остается также вопрос об изначальном уровне владения родным языком. Ведь, как замечают Т. Згулко и Х. Згулко, в польской средней школе учителя-полонисты «o języku mówią mało i niechętnie, skupiając się głównie na kursie historii literatury»³⁵⁶. Впоследствии, у поступающих в языковой вуз нередко трудности в грамотном построении устного и письменного высказывания, а часть ошибок начинающих переводчиков вызвана не влиянием ИТ, а вытекает из «nieporadności w posługiwaniu się polszczyzną i bardzo często z niezdawania sobie sprawy z oferowanego przez ojczysty język bogactwa opcji leksykalnych czy składniowych»³⁵⁷. Несомненно, неуверенное владение родным языком и плохое представление о системе языка следует признать факторами способствующими проявлениям интерференции³⁵⁸.

В свете сказанного становится понятным, что будущий переводчик должен уделять внимание не только вопросам культуры речи иностранного языка, но также вопросам культуры речи родного языка. Вполне очевидно, что одним из основных приемов, который находится в арсенале любого хорошего переводчика, является метод параллельных текстов – читать, смотреть телепередачи и общаться необходимо на двух языках, постоянно отслеживая изменения, новшества и устанавливая соответствия. При этом одной из составляющих обучение должна быть активизация лексического запаса родного языка. Несомненно, лексикон родного языка богаче, чем иностранного, объем знаний шире, но «все эти знания в большинстве своем – в подводной части айсберга, то есть в пассивном запасе»³⁵⁹, в результате чего «активный запас знаний иностранного языка

³⁵⁵ Стоит отметить, что рассматриваемый нами термин встречается в калькированной форме, разумеется с английского языка, в среде польских англистов – ***rodzimy mówca**.

³⁵⁶ H. Zgólkowa, T. Zgółka *Polonistyczna dydaktyka uniwersytecka a Podstawa programowa kształcenia językowego przygotowana przez zespół prof. Bożeny Chrzastkowskiej // Język polski jako przedmiot dydaktyki uniwersyteckiej / Red. J. Bartmiński, M. Karwatowska. Lublin, 2000. С. 39.*

³⁵⁷ J. Winiarska, *Czy polskich tłumaczy trzeba uczyć języka polskiego? // Język trzeciego tysiąclecia. II. Polszczyzna a języki obce: przekład i dydaktyka / Red. W. Chłopicki. Kraków, 2002. С. 247.*

³⁵⁸ Ср.: L. Mirkut, *Tłumaczenie słowa żywego w działaniu (dezyderaty dla studentów specjalizacji tłumaczeniowej) // Nauczanie języka rosyjskiego studentów filologii rosyjskiej / Red. H. Rycyk-Sztajdel. Lublin, 2006. С. 48.*

³⁵⁹ И.С. Алексеева, *Профессиональный тренинг переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2004. С. 15.*

часто оказывается больше, чем активный запас знаний родного языка»³⁶⁰. Подчеркнем, что предлагаемое некоторыми авторами³⁶¹ систематическое чтение на родном языке классической литературы недостаточно для поддержания переводчиком профессионального уровня родного языка. Ему необходимо активно работать над развитием навыков речи – пробовать себя в разных типах письменных текстов, а также изучать и усваивать язык современной литературы, прессы и устных СМИ.

4.11. Интерференция и культурно-страноведческие факторы

Как упоминалось нами в пункте 3.3, к лексико-семантической интерференции могут быть отнесены факты культурной и культурологической интерференции, т.е. взаимозамены элементов культуры и реалий, а также восприятия фактов другой культуры сквозь призму принимающей культуры.

Исследование факторов культуры и реалий вписывается в общую тенденцию, которая наметилась в лингвистике в 70-ые и 80-ые годы XX века³⁶². Именно тогда в науке начался процесс переноса центра тяжести из господствующей сциентистской, системно-структурной парадигмы на антропоцентрическую парадигму. Это означало переход интереса лингвистов с «имманентной структуры языка на условия его использования, с сосюровских правил шахматной игры на самих игроков»³⁶³. Можно было наблюдать создание «благоприятных условий для развития теории перевода»³⁶⁴, поскольку имел место «поворот современного языкознания от ориентации на имманентные свойства языка и на статические описания внутрисистемных отношений к установке на раскрытие связей между языком и человеком, между языком и обществом, на выявление динамики функционирования языка в реальных ситуациях общения»³⁶⁵.

Рассмотрение культурно-страноведческих факторов требует подробного анализа лексики, отражающей элементы культуры и реалий.

Слова, в которых определена национальная специфика, реалии данной страны, менталитет и психология носителей языка и культуры, а также история, этнография, поведенческие нормы, в языкознании принято называть с помощью различных терминов. Самыми распространенными

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Ср.: T. Micewicz, Zarys teorii przekładu. Zagadnienia wybrane. Warszawa, 1971. С. 128.

³⁶² Ср.: H. Burkhardt, Kulturemy i ich miejsce w teorii przekładu // Język a Kultura 20 / Red. A. Dąbrowska. Wrocław, 2008. С. 197.

³⁶³ С.Г. Воркачев, Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 10.

³⁶⁴ А.Д. Швейцер, Теория перевода...

³⁶⁵ Там же. С. 3.

являются: *страноведческая лексика, экзотизмы, безэквивалентные слова, регионализмы, этнографизмы, слова с культурным компонентом, культурно-коннотированная лексика*³⁶⁶, а также: *экзотическая лексика, этнокультуроведческая лексика, этнокультурная лексика, варваризмы, локализмы, этнографизмы, этнолексика, пробелы, (случайные) лакуны, слова с нулевым эквивалентом*³⁶⁷, *безэквивалентная лексика (БЭЛ)*.

Все эти термины отличаются оттенками значений, но их общим знаменателем является факт отражения связи лексического значения слова с культурой и/или реалиями другой страны и менталитетом носителей языка.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о *безэквивалентной лексике (БЭЛ)*. Безэквивалентной лексикой принято называть слова, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями»³⁶⁸.

Определяя понятие БЭЛ, часто уточняется, что слова, принадлежащие к названной категории, не имеют постоянных эквивалентов в другом языке или, еще точнее – не имеют эквивалента в двуязычном словаре.

Перечисляя те категории, к которым чаще всего относится БЭЛ, мы вначале обратимся к известной классификации Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Российские исследователи, рассматривая вышеупомянутую проблему с точки зрения дидактики и методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), разделили БЭЛ на несколько основных категорий. В их классификацию включены *советизмы* (слова, которые появились после Октябрьской революции и отражают изменения общественной жизни страны, напр., **агитпункт, ударник**), *слова нового быта* (условно выделенная группа слов, тесно примыкающая к *советизмам*, напр., **субботник, маршрутное такси, самодеятельность**), *наименование предметов и явлений традиционного быта* (напр., **щи, сарафан, шапка-ушанка**), *историзмы* (слова, обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов, напр., **уезд, соха, волость, оброк**), *лексика фразеологических единиц* (напр., **узнать всю подноготную, бить в набат**), *слова из фольклора* (напр., **леший, оборотень**), *слова нерусского происхождения*, так называемые *тюркизмы, монголизмы, украинизмы* и т.д. (напр., **тайга, тибетейка, базар**)³⁶⁹.

³⁶⁶ Ср.: Н. Bartwicka, К проблеме культурно-коннотированной лексики в двуязычных словарях (на материале русско-польских словарей) // Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. Warszawa, 2006. С. 27.

³⁶⁷ Ср.: С. Влахов, С. Флорин, Непереводимое в переводе. – 4-е изд. М., 2009. С. 40.

³⁶⁸ Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990 (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного). С. 42.

³⁶⁹ Там же. С. 48–52.

Поясним, что данная классификация не утратила своей актуальности, требует лишь некоторого уточнения. Прежде всего, в результате политическо-общественных перемен произошло изменение статуса *советизмов*. Одни слова этой категории перешли в разряд *историзмов* (**комсомол**), другие – в пассивный запас языка (**пятилетка**). Многие из них активно употребляются носителями языка, но часто с изменением оттенка значения из нейтрального на отрицательный или иронический, шутливый. Кроме того, они активно употребляются в речи некоторых представителей старшего поколения, а также среди членов КПРФ.

Однако *советизмы* по-прежнему представляют интерес для практики и теории перевода. Несмотря на исчезновение *денотатов*, сами слова появляются в указанных нами контекстах, а также – в исторических, публицистических, экономических и др. текстах.

Как видно из примеров, приведенных Верещагиным и Костомаровым, трактовка БЭЛ довольно широкая, поскольку охватывает как целостные единицы (**в тридесятом царстве**), так и фразеологические единицы (**бить в набат**). Классификация разработана с позиций методики РКИ, но может быть полезной также при рассмотрении вопросов теории и методики перевода. Она представляет особый интерес при анализе проблем перевода с русского на другой язык.

Наряду с *безэквивалентной лексикой* Верещагин и Костомаров рассматривают вопрос о *фоновой лексике*. Это понятие российские лингвистрановеды определяют следующим образом – «слова с неполноэквивалентностью фонов»³⁷⁰. Пояснения требует употребляемый ими термин *лексического фона*. Названное понятие ученые выводят от определения *фоновые знания*, т.е. «потенциально присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит»³⁷¹, наделяя его следующим значением: «вся совокупность непонятных СД»³⁷², относящихся к слову, называется его лексическим фоном»³⁷³. Данный вопрос восходит к проблеме расхождения у носителей разных языков *общего коллективного основания*, которое, по мнению Г.Г. Слышкина, «близкое к *культурной грамотности* (или, в разговорном языке – *банальной эрудиции*), т.е. наличию у среднего носителя данной культуры необходимых для адекватного общения в ее рамках, как правило, поверхностных сведений о культуре, литературе, науке, истории»³⁷⁴.

³⁷⁰ Там же. С. 45.

³⁷¹ Там же. С. 43.

³⁷² СД – это семантические доли, понимаемые следующим образом: «признаки, критерии, по которым предмет включается в объем лексического понятия». Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Указ. соч. С. 41.

³⁷³ Там же. С. 43.

³⁷⁴ Г.Г. Слышкин, От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

Максимально полная классификация слов с культурным компонентом представлена в работе В.С. Виноградова³⁷⁵. Ученый, пользуясь термином *лексика, содержащая фоновую информацию*, выделяет несколько тематических групп. Итак, по его мнению, правомерно говорить о **бытовых реалиях** (жилище, имущество; одежда, уборы; пища, напитки; виды труда и занятия; денежные знаки, единицы меры; музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители; народные праздники, игры; обращения), **этнографических и мифологических реалиях** (этнические и социальные общности и их представители; божества, сказочные существа, легендарные места), **реалиях мира природы** (животные, растения, ландшафт), **реалиях государственно-административного устройства и общественной жизни** (административные единицы и государственные институты; общественные организации, партии, их функционеры и участники, промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения, основные воинские подразделения и чины, гражданские должности и профессии, титулы и звания), **онтологических реалиях** (антропонимы; топонимы; имена литературных героев; названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов), **ассоциативных реалиях** (вегетативные символы; цветовая символика; фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии; языковые аллюзии), **«экзотизмах» и окказиональных заимствованиях**.

Говоря о безэквивалентной лексике, правомерно, по нашему мнению, попытаться определить две основные причины возникновения безэквивалентности.

Первую можно видеть в отсутствии на уровне лексического значения единицы в другом языке, которая содержит комплексное значение лексемы в исходном языке. Как правильно отмечают Л.К. Латышев и А.Л. Семенов, «ПЯ не всегда фиксирует в понятиях и значениях своих лексических единиц то, что уже зафиксировано в ИЯ. То, что для последнего стало уже отграниченным определенными признаками фактом, выделенным из массы подобных словом-названием, для первых таковым еще не является и его выделение происходит по мере необходимости (когда о нем заходит речь) с помощью „спорадических“ речевых средств³⁷⁶». Для слова **ухитриться** мы не находим однословных эквивалентов в польском языке и вынуждены прибегать к приему описательного перевода, чтобы передать их значение полностью³⁷⁷.

³⁷⁵ В.С. Виноградов, Перевод. Общие и лексические вопросы. Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. М., 2004. С. 105–118.

³⁷⁶ Л.К. Латышев, А.Л. Семенов, Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М., 2003. С. 129.

³⁷⁷ Например, по WSRPW, **ухитриться** – это *znaleźć sposób, żeby / wpaść na sposób, żeby*.

То же явление можно проследить на примере слова **kilkanaście**. Его словарные описательные эквиваленты – это **более десяти** (*в пределах второго десятка*) (WSPR)³⁷⁸; **десятка полтора** (WSPRW). Как нетрудно догадаться, их употребление на практике весьма проблематично. Они, во-первых, не передают точно значения исходной *лексемы*, во-вторых, из-за развернутой формы – неудобны в употреблении.

Мы можем отметить также случаи выбора неправильного эквивалента для этого слова

Agresor, czyli Rosja, demokracji nie uznaje, ma też ogromne trudności w uznaniu suwerenności słabszych sąsiadów. Jest związek między sytuacją Gruzji i sytuacją Polski, jeśli nie dziś to za **kilkanaście lat** – twierdzi prezydent (http://www.dziennik.pl/polityka/article223954/Prezydent_Rosja_).

– Агрессор, то есть Россия, демократии не признает, у нее также огромные трудности с признанием суверенности более слабых соседей. Есть связь между ситуацией Грузии и ситуацией Польши, если не сегодня, то **через пару десятков лет**, – утверждает президент (www.inosmi.ru/translation/243397.html).

В указанном примере слово **kilkanaście** по всей вероятности было перепутано с лексемой **kilkadziesiąt**, что привело к выбору неправильного эквивалента.

По словам В. Манакина, существуют «наименования, семантика которых в других языках хранится на невербальном уровне и только при необходимости может быть воспроизведена описательно (эксплицирована) при помощи языка»³⁷⁹. Причину данного явления украинский исследователь видит не в специфичности данного понятия в конкретной языковой культуре, а в том, что данное понятие «осталось незамеченным русским и другими языками, но не сознанием людей, которое отражает мир не только вербально»³⁸⁰. Именно такой случай представлен ниже:

Год – и здоровый мужик пре-
вращается здесь в **доходягу** (Мос-
ковские новости, 27.04.2007).

Po roku zdrowy chłop staje się tu
strzępem człowieka (Forum 25/2007).

³⁷⁸ В статье **kilkanaście** дан еще эквивалент для выражения **kilkanaście osób** – **от десяти до двадцати человек**.

³⁷⁹ В. Манакин, Теоретическое и лексикографическое описание русской безэквивалентной лексики в славянском языковом пространстве // *Studia Rossica Posnaniensia* 28. Poznań, 1998. С. 110.

³⁸⁰ Там же.

Вторая причина возникновения БЭЛ – это различия в культурах и реалиях, которые находят отражение в единицах данного языка.

Итак, национальная специфика потребления спиртных напитков находит отражение в понятии **запой**. По НБТСРЯ **запой** – это «повторяющееся время от времени пьянство вследствие болезненного влечения к спиртным напиткам; период непрерывного пьянства». В польском языке напрасно искать точный эквивалент, что, как нам представляется, вытекает из другой традиции пьянствования, сложившейся в Польше. WSRPW предлагает эквивалент **opilstwo**, что не отражает периодичности пьянствования, являющейся компонентом лексического значения рассматриваемой нами единицы. Второй эквивалент – это описательное **nawroty pijaństwa / okres pijaństwa**. Кроме того, можно столкнуться с соответствием **ciąg alkoholowy** (не лучший вариант, поскольку данное определение является медицинским термином и как таковой соответствует лишь первому значению, указанному в НБТСРЯ – ‘повторяющееся время от времени пьянство вследствие болезненного влечения к спиртным напиткам’).

На уровне разговорного языка в некоторых контекстах в качестве эквивалента можно выбрать выражения **złapać cug / pójść w tan**. Однако диапазон употребления этих выражений весьма ограничен.

Большая частотность лексемы **запой** в русском языке, и отсутствие полного эквивалента создают соблазн введения этой единицы путем транскрипции в лексическую систему польского языка. Поэтому не следует считать примером интерференции подчеркнутое в нижеприведенном отрывке текста выражение:

Problem narasta pomimo apeli Rady Federacji, że w warunkach kryzysu gospodarczego społeczeństwo może «**pójść w zapój**» (**trzydniowe pijaństwo do utraty świadomości**), co z kolei doprowadzi do wzrostu przypadków alkoholowej psychozy często kończącej się samobójstwem (co roku statystyki rejestrują trzydzieści pięć tysięcy przypadków, czyli więcej niż liczba ofiar wypadków samochodowych) (<http://www.tvp.info/news.html?directory=1740&news=879059>).

Если попытку приблизить польскому рецептору русское выражение (**уйти в запой**) с помощью частичной транскрипции³⁸¹ можно признать вполне приемлемой, то недоумение вызывает помещенное в скобки разъяснение понятия. Трудно объяснить, на каком основании переводчик решил, что **запой** – это именно трехдневное потребление алкоголя. Скорее всего, три дня – это минимальный срок, после истечения которого можно говорить о **запое**.

³⁸¹ В анализированном примере **уйти** заменено на **pójść**.

Подводя итоги нашего анализа лексемы **запой**, мы приведем и прокомментируем еще одну попытку указания эквивалента в польском языке:

Niekiedy **pijackie ciągi** trwają tu po sześć-siedem miesięcy. Hodowcy piją w systemie brygad. Jedna brygada hula, a druga pracuje. Potem się zmieniają (Forum 22–23/2009).

Как видим, выбрано двухсловное соответствие, но его составные компоненты образуют единое целое, которое передает значение исходной лексемы. Употребление определения **pijackie** вместо **alkoholowe** позволяет избежать терминологического характера польск. словосочетания, сохраняя одновременно экспрессивность рус. единицы.

Существование лексики, содержащей фоновую информацию, доставляет большие трудности переводчику. В подтверждение наших слов, проведем анализ лексемы **Рублёвка**.

Лексема **Рублёвка** восходит к названию **Рублёвское шоссе** и обозначает подмосковный район элитных особняков. Поскольку его обитатели – это представители финансовой элиты – олигархи, деловые люди, звезды шоу-бизнеса, а цены земельных участков достигают баснословных размеров, понятие **Рублевки** является синонимом богатства и роскошной жизни. Кроме того, **Рублевка** вызывает дополнительные ассоциации – другой, лучшей жизни, цели или объекта мечтаний многих людей, особенно молодых женщин. Жители **Рублевки** стали героями фильмов и романов, а само понятие было подвергнуто литературной мифологизации. Достаточно упомянуть романы Оксаны Робски, местом событий которых является **Рублевка**. В язык вошли выражения **рублёвская жена, рублёвские цены, рублёвская жизнь**.

На основании вышеизложенного можно убедиться в том, что слово **Рублевка**, которое относительно недавно вошло в русский язык, вызывает целый ряд ассоциаций у россиян.

Передача этого понятия при переводе требует отдельного рассмотрения.

Первым, нежелательным способом преодоления трудностей, связанных с передачей денотативного и коннотативного значений при переводе, является прием опущения:

Но для супруги оказалось большим сюрпризом, когда мы обнаружили, что у него есть **несколько гектаров на Рублевке** (<http://www.ng.ru/> [18.09.2006]).

Mąż miał kilka samochodów. Ale dla małżonki okazało się dużym zaskoczeniem, gdy odkryliśmy, że ma również **kilka hektarów ziemi** – mówi detektyw (www.onet.pl [29.09.2006]).

Приведенный нами в таблице пример позволяет убедиться, насколько нежелательным является опущение. В исходном тексте мы получаем информацию о зажиточности описываемого персонажа, в его переводе на польский речь идет лишь о покупке земли. Утрачивается компонент значения ('дорогая земля'), а также ранее упомянутые нами коннотации.

Отдавая себе отчет в отсутствии аналогичного явления в польской действительности, а также его словарного эквивалента, переводчики часто вынуждены воспользоваться транскрипцией с последующим пояснением транскрибируемого слова. При всех недостатках такого решения, оно позволяет хотя приблизить польскому рецептору названное нами слово.

Проиллюстрируем сказанное примером:

Говорят, что это один из лучших кинологических центров в Европе, настоящая **Рублевка** для собак (Огонек, 09.07.2007).

To jeden z najlepszych tego typu obiektów w Europie. Istna **Rublowka** dla psów [Rublowka: ekskluzywne osiedle willowe pod Moskwą, w którym mieszkają bardzo bogaci, znani ludzie – przyp. Forum] (Forum, 20–26.08.2007).

Обоснованным является заключение о том, что лексика, содержащая фоновую информацию, доставляет целый ряд трудностей при переводе. Пропуск слова, принадлежащего к названной категории, может повлечь за собой существенное изменение стилистических оттенков или даже смысла исходного текста. Попытка передать слово с культурным компонентом заставляет переводчика использовать приемы описательного перевода, компенсации, добавления комментария, что в любом случае означает отступление от «буквы и духа оригинала».

Лексика, содержащая фоновую информацию, может стать также источником интерференции. Постараемся проследить это явление на конкретных примерах.

В упомянутой нами классификации В.С. Виноградова среди тематических групп выделяется категория общественных организаций и партий (в рамках реалий государственно-административного устройства и общественной жизни)³⁸². Данный пункт можно отнести к российской действительности. Итак, название правящей российской партии **Единая Россия** переводится в польской прессе и публицистике четырьмя разными способами.

³⁸² В.С. Виноградов, Указ. соч. С. 109.

Первый вариант, встречающийся на страницах Интернета и в прессе, это – **Jedyna Rosja**³⁸³:

Urażona podobnym traktowaniem mera stolicy «bratniego narodu» służba prasowa Łużkowa wydała jeszcze bardziej kuriozalne oświadczenie. «Łużkow – jako jeden z kierowników największej politycznej partii **Jedyna Rosja** ma prawo do wyrażania poglądów, które podziela większość Rosjan z bólem znoszących rozpad ZSRR» – czytamy w oświadczeniu (http://kresy24.pl/showNews/news_id/2138/).

По WSJP, **jedyny** это – «tylko jeden, tylko ten, niemający przed sobą innego; wyłączny», что идет в разрез со значением русской лексемы: **единый**, по НТСРЯ, – это «1. Целостный, неразделенный; сплочённый; 2. Общий, одинаковый; 3. (обычн. с отрицанием) один, единственный».

Как видим, **единый** в значении близком к польскому **jedyny** появляется чаще всего с отрицанием, в устойчивых словосочетаниях. Таким образом, мы имеем дело с ярким примером интерференции – пара **единый** и **jedyny** в указанном контексте относится к категории интерферентов.

Другой вариант перевода названия прокремлевской партии на польском языке – это **Jedna Rosja**. Здесь можно видеть результат влияния исходной единицы. Выбран эквивалент, похожий по звучанию, но неадекватный в плане содержания:

Прежде всего это касается **Dotyczy to przede wszystkim «Jednej Rosji»** (<http://www.ng.ru/> [15.08.2006]).

Отметим, что данный вариант перевода является самым распространенным. В поисковой системе GOOGLE обнаружено 52 000 результатов поиска³⁸⁴.

Анализ словарной статьи **единый** позволяет сделать вывод о том, что у названного слова два основных значения – **объединенный** и **общий**.

В польской прессе встречаются как примеры употребления названия **Zjednoczona Rosja (объединенная)**, так и **Wspólna Rosja (общая)**.

В первом случае нами было отмечено 1150 результатов поиска, хотя необходимо учесть, что не все входящие в число найденных словосочетаний касаются названия российской партии. Для **Wspólna Rosja** число результатов еще меньше. Оно составляет 564.

³⁸³ В поисковой системе GOOGLE было обнаружено 862 результата поиска (дата поиска: 22.07.2011).

³⁸⁴ Дата поиска в системе GOOGLE: 22.07.2011.

Подробный анализ и консультация с образованными носителями русского языка позволили прийти к выводу, что правильным вариантом перевода является **Zjednoczona Rosja**³⁸⁵. Именно это определение должно стать единственным соответствием названия **Единая Россия** и именно его следует пропагандировать в среде журналистов, политических обозревателей и политологов с целью последовательного вытеснения названий **Jedna Rosja** и **Jedyna Rosja**.

Примером определения, содержащего компонент российских реалий, является выражение **коммунальная квартира** (в разговорном языке – **коммуналка**).

По НБТСРЯ, **коммуналка** – это ‘квартира, предоставляемая городским хозяйством и занимаемая несколькими семьями’. Согласно «Большому лингвострановедческому словарю», такую квартиру «занимала не одна, а несколько семей, не связанных родством. Количество семей в одной квартире могло доходить до 4–10, в зависимости от площади квартиры. Чаше всего в коммунальной квартире одна семья занимала одну комнату. Кухня, туалетная и ванная комнаты, если они были, оставались местом общего пользования, то есть ими пользовались по очереди все семьи, жившие в квартире»³⁸⁶.

Процитированный фрагмент довольно хорошо характеризует рассматриваемое нами понятие. Из-за уплотнения, необходимости пользоваться общим туалетом и кухней, этот тип квартиры со временем стали считать неудобным. Условия проживания, необходимость делить кухню и туалет с чужими людьми неоднократно приводили к бытовым конфликтам. Так, со временем за понятием коммунальной квартиры закрепились такие ассоциации, как низкий стандарт, бытовые конфликты, *общак*, нарушения свободы частной жизни и т.д.

Все эти отрицательные коннотации нашли отражение в литературе и кинематографе. **Коммунальная квартира** стала местом событий многочисленных романов и фильмов.

Польское определение **mieszkanie komunalne** обозначает квартиру, предоставляемую городскими властями, причем, как правило, в такой квартире живет лишь одна семья.

Сопоставляя польское и русское понятия, мы видим, что они различаются как на уровне лексического, так и коннотативного значения. Следовательно, употребление данной пары определений в качестве соответствий приводит к искажению текста, меняя его стилистический оттенок:

³⁸⁵ Уместно привести указанное в уставе «Единой России» официальное название партии на английском языке – **United Russia** – <http://old.er.ru/rubr.shtml?110102#1>.

³⁸⁶ Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М., 2007. С. 254.

Dacza za miastem, średniej klasy samochód i mieszkanie w obrzydliwej i śmierdzącej «**komunałce**». Tak dzisiaj żyje większość mieszkańców rosyjskich miast. Oni też są najpoważniejszymi beneficjentami putinowskiej małej stabilizacji (<http://www.wprost.pl/ar/118376/Maly-realizm-Putina/?I=1301>).

Дача за городом, машина среднего класса и квартира в мерзкой и вонючей «**коммуналке**». Так сегодня живет большинство жителей российских городов.

[Автор, по-видимому, ошибочно полагает, что российская «коммуналка» – это аналог польской «коммунальной» (то есть, муниципальной) квартиры (*mieszkanie komunalne*) – прим. пер.] (<http://www.inosmi.ru/translation/238134.html>).

Как видим, переводчик польского текста полагает, что его автор отождествляет понятие **коммуналки** с польской **муниципальной квартирой** (*mieszkanie komunalne*).

Польское *mieszkanie komunalne* является в большинстве контекстов эквивалентом русского **муниципальная квартира**. Проблемы возникают при передаче русского определения на польский язык. За неимением точного эквивалента следует прибегать к приему транскрипции с последующим объяснением понятия или к описательному переводу. Пример первого приема дан ниже:

Экспозицию предполагается открыть на базе **бывшей коммунальной квартиры**, в которой поэт жил вместе с родителями. Расположена она в знаменитом питерском доме Мурузи на пересечении улицы Пестеля и Литейного проспекта (Огонек, 4.12.2006).

Architekt zamierza stworzyć ekspozycję w **byłej «komunałce»** [wielkie mieszkanie w przedrewolucyjnej kamienicy, po rewolucji przydzielone kilku rodzinom, ze wspólną używalnością kuchni i łazienki – przyp. FORUM], w której poeta mieszkał z rodzicami. Komunałka znajduje się na rogu ulicy Pestela i prospektu Litejnego (Forum, 8–14.01.2007).

Стоит обратить внимание на предложение Х. Бартвицкой, которая считает, что эквивалентом на уровне денотативного значения является **mieszkanie wielorodzinne** или **wspólne mieszkanie**, но воспроизведение значения коннотативного требует использования приема компенсации в виде дополнения. В определенном контексте польская ученая предлагает словосочетание **gnieździć się w mieszkaniu wielorodzinnym**³⁸⁷, где с помо-

³⁸⁷ H. Bartwicka, Несколько слов... С. 37.

стью компонента **gnieździć się** частично передаются отрицательные коннотации, характерные для рус. **коммунальная квартира**.

Среди слов, содержащих компонент реалий, можно выделить лексику, связанную с системой высшего образования.

Специфика советской системы образования и ее отличия от систем образования других стран стала объектом описания отдельного лингво-страноведческого словаря³⁸⁸.

Сегодня, несмотря на процесс реформ и проходящее сближение российской системы образования с западноевропейской в рамках Болонского процесса³⁸⁹, она по-прежнему во многом остается своеобразной.

Своеобразие российской системы высшего образования по отношению к польской заключается, в частности, в функционировании отличной системы ученых степеней.

Итак, в России есть ученые степени **кандидата наук** и **доктора наук**, которым в польских реалиях соответствуют степени **doktora** и **doktora habilitowanego**.

Несмотря на существование прямых эквивалентов, в переводах на польский язык можно отметить ошибки, вызванные сходством внешней формы названных терминов.

Ниже мы видим кальку исходной русской лексемы, что чревато порождением малопонятного и чужого польскому рецептору определения:

[...] jest absolwentem Wydziału Filozofii Moskiewskiego Państwowego Uniwersytetu im. M.W. Łomonosowa, **kandydatem nauk filozoficznych** (praca pt. «Strukturalizm francuski»), **kandydatem nauk z zakresu historii sztuki w dziedzinie mass mediów**)³⁹⁰.

Вместо этого следовало употребить определение **doktor nauk**. Подчеркнем, что именно такое решение переводчика соответствует положению Х. Бартвицкой, которая, подвергая критике статью WSRP (**кандидат наук** – **kandydat nauk**), утверждала, что это «нарушает языковой узус польской речи. Современный адресат перевода не соотнесет чужого польской норме названия к соответствующему объекту»³⁹¹ и настаивала на использование эквивалента **doktor nauk**, уточняя в случае необходимости, о каких науках идет речь.

³⁸⁸ М.А. Денисова, Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР / Ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1978; – 2-е изд. М., 1983.

³⁸⁹ Иллюстрацией изменений, связанных с Болонским процессом, является постепенное введение в российских вузах квалификации *магистра* и *бакалавра*, которым соответствуют в Польше профессиональные звания *magistra* и *licencjata*.

³⁹⁰ W. Boriew, Указ. соч. С. 6.

³⁹¹ H. Bartwicka, Несколько слов... С. 39–40.

Как уже было сказано, эквивалентом рус. **доктор наук** является польск. **doktor habilitowany**. Поэтому в случае нижеприведенного примера мы вынуждены констатировать ошибку:

Наравне с пассажирами поездов получают такой подарок судьбы любители путешествий по воде, – рассказывает старший научный сотрудник Института экологии и эволюции РАН им. Северцова, **доктор биологических наук** Ольга Силаева (<http://www.ng.ru> [26.07.2006]).

Poza pasażerami pociągów taki podarunek od losu otrzymują również miłośnicy podróży szlakami wodnymi – uważa **biolog dr** Olga Siłajewa ze wspomnianego Instytutu (www.onet.pl [8.08.2008]).

Мы оговорим, что наши положения актуальны для газетных и публицистических статей, а также для художественного перевода, но некоторое исключение составляет так называемый нотариально заверенный перевод. В Польше в области нотариального перевода наметилась тенденция не переводить ученые степени, а лишь транскрибировать их с возможным, но необязательным, последующим комментарием³⁹². Такая трактовка вытекает из положения о том, что определение соответствий на уровне профессиональных и научных званий и степеней выходит за рамки компетенции переводчика, оставаясь задачей *Бюро признания академических квалификаций и международного обмена* (*Biuro Uznanalności Wykształcenia i Wymiany Międzynarodowej*)³⁹³.

Слова, которые частично различаются в плане денотативного значения, могут одновременно вызывать разные ассоциации в двух языках. Итак, польское **czekista**, заимствованное из русского – это ‘członek sowieckich organów bezpieczeństwa, powołanych w 1917 roku do eliminacji przeciwników politycznych bolszewizmu; stojąc ponad prawem i partią, organy te miały prawo rozstrzeliwać ludzi bez śledztwa i sądu’ (WSJP). В то же время денотативное значение русского слова шире. **Чекист** – это работник Чека, а также вообще работник органов государственной безопасности. Следует обратить внимание также на различия на уровне прагматического значения названных единиц.

Слово **czekista** употребляется в двух основных контекстах. Первый – это определение сотрудника Чека, вызывающее однозначно отрицательные ассоциации у носителей польского языка.

³⁹² При такой переводческой стратегии при переводе на польский язык появляются лексемы **kandydat nauk** и **doktor nauk**, а при переводе с польского на русский – **доктор наук** и **габилитированный** (**хабилитированный**) **доктор**.

³⁹³ Ср.: Kodeks tłumacza przysięgłego z komentarzem. Publikacja pod auspicjami Polskiego Towarzystwa Tłumaczy Przysięgłych i Specjalistycznych TEPIS. Wyd. 2. Warszawa, 2007. С. 56.

Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами:

W sprawie lustracji niektórzy radni zachowują się jak **czekiści**. Ja nie czuję się **czekistą**, więc nie wezmę udziału w głosowaniu – zapowiedział radny SLD Władysław Świętochowski (http://www.trybuna.com.pl/n_show.php?code=2005030520).

Wasilij Błochin, ponury **czekista** o zaciętej twarzy i czarnych, zaczesanych do tyłu włosach, stał się symbolem nieludzkich okrucieństw sowieckiego systemu (<http://www.focus.pl/historia/artykuly/zobacz/publikacje/wasilij-bloch-in-kat-stalina/>).

Второй контекст – это употребление данного слова с оттенком иронии, насмешки. Для польского языка характерна такая фразема как **porozmawiamy jak czekista z czekistą**, т.е. откровенно.

Takie wrażenie można było odnieść choćby z rozmowy, jaką 16 stycznia na antenie TVN przeprowadziła z Józefem Oleksym pani redaktor Monika Olejnik. W bardzo wesołej atmosferze oboje rozmówcy po prostu pili sobie z dzióbków, rozumieli się w pół słowa, a nawet bez słów – krótko mówiąc – rozmawiali, **jak czekista z czekistą** (http://www.michalkiewicz.pl/rdm_2007-01-18.php).

В насмешку это слово употреблено также в следующем контексте:

A skoro już o Michniku mowa: zwłaszcza tym pamiętającym jeszcze, jak to za komuny było, wydawałoby się, że ów Michnik to w walce o wolność Polski zasłużony jest. O Romanie Michnikiem gębę swą wycierającym świadkowie historii zaś pamiętają, że w swej do bólu polskiej rodzinie miał wówczas tatusia w ciele doradczym tak obecnie znieawidzonego gen. Jaruzelskiego knującego wówczas, jak by tu wprowadzić stan wojenny, choć wszyscy wiedzieli na 100%, że Sowietci nie wkroczą, a dla niepoznaki tylko grzeją czołgi nad granicą PRL-u (podobno w postsowieckich archiwalnych kwitach stoi, że w żadnym wypadku by nie weszli – **słowo czekisty!**) (<http://antyfacetrp.w.interia.pl/Wsteepniak3.html>).

Третий типичный контекст употребления лексемы **czekista** – это употребление ее по отношению к В.В. Путину и его сотрудникам. Таким образом подчеркивается негативное отношение к бывшему президенту России и его команде. Слово **чекист** употреблено в таком контексте намеренно с целью вызвать отрицательные ассоциации у получателя текста:

Co **czekista Putin** robił w Dreźnie? (<http://wielinskiberlin.blox.pl/2006/10/Co-czekista-Putin-robil-w-Dreznie.html>).

Jeśli zatem **zimny czekista Putin** przywraca w Rosji stalinizm, to w to nam graj (<http://lebiest.bloog.pl/d,7,id,3040275,m,marca,r,2008,title,Stalinizm-czy-samodzierzawie,index.html?ticaid=67fb2>).

Pytanie tylko, jak taki na przykład **zimny czekista Putin** się zachowa, kiedy prezydent Obama będzie próbował wyperswadować mu mowę ciała, dajmy na to, rozbiór Gruzji (<http://nczas.com/numer-biezacy/goraczka-socjalistyczna/>).

Для русской лексемы, денотативное значение которой шире, поскольку относится к работникам органов безопасности вообще, т.е. также к сотрудникам НКВД, КГБ и ФСБ, характерна другая система ассоциаций.

Во-первых, слово **чекист** может употребляться как нейтральное определение сотрудников ФСБ и в таком контексте очень часто появляется в российских СМИ:

Кубок Охраны разыграли алтайские милиционеры, **чекисты** и студенты вузов (<http://altai.regnum.ru/news/1075353.html>).

Здесь **чекисты** – это работники ФСБ, принимающие участие в спортивных соревнованиях:

Чекисты на страже России: ни одного крупного теракта (<http://www.newizv.ru/lenta/100859/>).

Воронежские и московские **чекисты** вернули в Россию антикварный горельеф, сделанный по картине Альбрехта Дюрера «Портрет императора Максимилиана I». В 1919 году он был привезен в Воронеж из Тарту, а в начале 90-х похищен из музея (<http://www.kp.ru/daily/22597/19170/>).

Во-вторых, слово **чекист** в самой среде работников органов безопасности может быть определением, произносимым с гордостью. Их профессиональный праздник носит неофициальное название **Дня чекиста**. В тот же день можно услышать следующую формулировку: **С праздником вас, чекисты!**

Известны слова В.И. Ленина: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»³⁹⁴, а также изречение директора ФСБ Н.Д. Ковалева – «Чекист не может быть бывшим, как сенбернар – порода – не может быть бывшей»³⁹⁵.

³⁹⁴ Цитата по: К.В. Душенко, Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. – 4-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 258.

³⁹⁵ Там же. С. 217.

В-третьих, в дискурсе части российской интеллигенции, а также в среде российской прозападной демократической оппозиции контексты употребления лексемы **чекист** близки к контекстам употребления ее в польской публицистике.

Сравним:

Значит, загребушие **чекистские** лапы хотели и Абхазию прихватить. И не только. Российские войска вошли в Грузию (<http://grani.ru/Politics/Russia/m.140299.html>).

На вопрос «За что воюем?» на этот раз можно ответить: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб в Грузии землю **чекистам** отдать. Прощайте, родные, прощайте друзья! Лубянка, Лубянка, Лубянка моя!» (<http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.140299.html>).

То, что нами правят преступники (**чекисты** – это вам не какая-нибудь каморра, это гораздо хуже, потому что они зомби, выбравшиеся из могилы СССР), – это не так страшно, как то, что нами правят лузеры и непрофессионалы (<http://blog.i.ua/community/662/152968/>).

Минздрав предупреждает, что курение опасно для вашего здоровья, а я хочу предупредить российских **чекистов**, что не надо доводить до ситуации, когда кто-то что-то пересечет, без решения и воли на то России никакого пересечения не будет (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/532036-echo/>).

Возможно, что в вышеупомянутых примерах вполне приемлемым было бы использование в качестве эквивалента слова **czekista**.

Обратимся к примеру перевода статьи из российской прессы:

В Саратове **чекисты** предотвратили поджог синагоги. Как сообщил, по информации РИА Новости, начальник УФСБ по Саратовской области Валерий Бекленищев, «в ходе оперативных разработок **чекистам** стало известно о 22-летнем лидере одной из местных подпольных организаций профашистского толка, который намеревался произвести взрыв в синагоге» ([datahttp://www.ng.ru](http://www.ng.ru) [27.07.2006]).

W Saradowie **czekiści** niemal w ostatniej chwili zdołali zapobiec podpaleniu synagogi. Jak stwierdził szef regionalnej FSB [Federalnej Służby Bezpieczeństwa – przyp. Onet] Walerij Biekleniszczew w wywiadzie dla agencji prasowej Nowosti, «w trakcie działań operacyjnych **czekiści** dowiedzieli się, iż 22-letni lider jednej z miejscowych nielegalnych struktur organizacyjnych o zabarwieniu faszystowskim zamierzał doprowadzić do eksplozji w świątyni» (www.onet.pl [4.08.2008]).

В тексте речь идет о борьбе с терроризмом и организованной преступностью, так что слово **чекист** употреблено в нейтральном контексте. Перевод с использованием слова **czekista** может вызвать у польского читателя недоумение, поскольку данное слово ассоциируется с Россией *периода красного террора*, а если появляется в других контекстах, то носит отрицательный оттенок. Иными словами, польское **czekista** не вписывается в контекст современной России, в которой (как и в других странах) ведется борьба с организованной преступностью. Польская аудитория получает противоречивое сообщение – современная Россия и образ **чекиста** времен Гражданской войны. По упомянутым нами причинам получатель текста перевода мог бы искать скрытый, скорее всего, иронический смысл или отрицательное отношение автора статьи к описываемым сотрудникам ФСБ. Все эти ассоциации нежелательны, так как они не появляются в подлиннике и являются результатом интерференции – переноса лексемы без учета различий в системе ассоциативных связей. По нашему мнению, в приведенном фрагменте для сохранения прагматики текста следовало прибегнуть к приему описательного перевода и передать слово **чекист** с помощью словосочетания **pracownicy (funkcjonariusze) Federalnej Służby Bezpieczeństwa** или **pracownicy (funkcjonariusze) FSB**.

Подводя итоги, можно прийти к следующим заключениям. Слово **czekista** является эквивалентом рус. лексемы, когда она употребляется для отрицательной характеристики российской власти и представителей органов (напр., в дискурсе современной российской демократической оппозиции). В большинстве других контекстов рассматриваемые нами слова далеко не всегда являются эквивалентами, поскольку польская лексема вызывает отрицательные ассоциации или употребляется с оттенком иронии, а русская употребляется в нейтральном значении. Переводчику следует быть предельно осторожным при переводе текстов, содержащих лексику **чекист**, когда с ее помощью характеризуются сотрудники современной ФСБ.

Рассмотрение данной лексемы дает представление о проблеме передачи денотативного, прагматического и коннотативного значений. Мы могли убедиться в том, что слова **чекист** и **czekista** не совпадают полностью в плане семантики. Семантическое поле русской лексемы шире, что иногда заставляет переводчика указать иной эквивалент слова **чекист**, например, **pracownik FSB**. Мы можем видеть также различия на уровне прагматического значения – слово **чекист** в своем основном значении нейтрально. Однако в определенных, указанных нами контекстах, оно приобретает или знак плюс, или минус. Расхождения в плане прагматического значения, как правило, находят отражение в виде помет в словарных статьях. К данному положению следует отнестись с особым вниманием. Прагматическое значение тем отличается от значения коннотативного, различия в плане

которого были нами указаны, что его основные показатели должны приводиться в словаре.

Наше последнее утверждение не случайно не носит категоричного характера. Словарь по ранее объясненным нами причинам не может охватить всего богатства лексической системы, в том числе и прагматического значения слов. Кроме того, задача переводчика усложняется, когда он имеет дело с фраземами или целыми высказываниями. Сравнивая русский и польский языки, можно отметить существование некоторого числа фраз, буквальный перевод которых, не нарушая нормы ПЯ, может привести к изменению стилистики сообщения – из нейтральной на окрашенную. Итак, русский оратор, ссылаясь на слова своего собеседника, оппонента, предыдущего оратора и т.п., может сказать: «Он сказал, что...». Его реплика, переведенная на польский язык как: «On powiedział, że...», звучит грубо. Иными словами, правильный на уровне лексики и грамматики перевод изменяет прагматическое значение высказывания. В таком случае переводчик вынужден прибегнуть к приему прагматической адаптации, понимаемой как такое изменение ТП, которое позволит сохранить прагматическое значение ИТ. На практике это может означать необходимость использования стандартной для данной ситуации фразы на другом языке. При соблюдении этого правила указанная нами реплика может быть переведена как: «Jak powiedział mój przedmówca (kolega)». Такую же закономерность можно отметить для естественных для русского покупателя в разговоре с продавцом фраз: «Покажите мне пальто!», «Я хочу купить костюм!»³⁹⁶. Несомненно, для польского рецептора данные фразы звучали бы грубо, так что ради сохранения нейтральности высказывания, следует выбирать типичные польские реплики, например, «Czy mogę obejrzeć płaszcz?», «Chciałbym kupić garnitur».

Внимания заслуживает типичная русская реплика переспроса – «что?». При нейтральной интонации ее эквивалентом следует считать польское «Proszę?», а не словарное, но невежливое в качестве реплики – «со?». Неучет прагматического значения фраз приводит к изменению стилистики высказывания и как таковое должно быть отнесено к категории *лексико-семантической интерференции*.

В отличие от прагматического значения ассоциативные связи слова практически игнорируются авторами словарных статей. Мало того, различия в плане коннотаций, вызванных конкретной лексической единицей, не всегда являются достаточным основанием для отклонения данной лексемы в качестве эквивалента. Польское **brzoza** является соответствием русского **берёза**, несмотря на то, что за ним не закреплены постоянные

³⁹⁶ Ср.: И.С. Алексеева, Введение в переводоведение... С. 145.

ассоциации³⁹⁷, в то время как **берёза** – это, по словам В.Н. Комиссарова, «не просто дерево, а своего рода символ его [русского – Б.Г.] страны, что-то родное и близкое („у нас в каждой песне березка“»)³⁹⁸. Однако очевидно, что перевод предложения: «У входа в дом росли **березы**», как «Przed wejściem do domu rosły **brzozy**» не содержит лексической ошибки. Открытым остается вопрос о возможной дальнейшей компенсации утраченных в результате такого перевода ассоциативных связей. Однако различия на коннотативном уровне далеко не всегда являются достаточным основанием для включения определенной пары слов в категорию интерферентов. Несомненно, для целого ряда словарных соответствий типично совпадение денотативного значения при частичном расхождении ассоциаций. И так, **война** и **wojna** обозначают ‘вооруженный конфликт’, но для каждого из них характерны своеобразные дополнительные ассоциации – отсылка к названиям конкретных конфликтов, именам героев и врагов, причем, особенно для стран, конфликтующих в прошлом, эмоциональные оценки, связанные с данной лексемой, могут быть даже прямо противоположны. Мало того, при сравнении двух языков и культур легко можно обнаружить тождественные фразы, которые вызывают отличные ассоциации и оценки, что связано с расхождением систем ценностей. В качестве иллюстрации можно привести равнозначные в плане значения отдельных слов предложения: «Piotr był członkiem **Partii**» и «Петр был членом **Партии**». Хотя оба предложения содержат отсылку к аналогичным элементам действительности, налицо их несовпадение в плане нравственной оценки. В *общем коллективном сознании* поляков факт членства в **Партии** (ПОРП) носит знак минус, а в России членство в **Партии** (КПСС) оценивается нейтрально.

Значение коннотаций и культурных различий требует отдельного рассмотрения. В литературе предмета можно столкнуться с положением о требуемой от перевода тождественности реакции получателей ИТ и ТП. Например, О. Войтасевич пишет, что: «Operacja tłumaczenia tekstu a sformułowanego w języku A na język B polega na sformułowaniu tekstu b w języku B, który to tekst b wywołałby u jego odbiorców skojarzenia takie same lub bardzo zbliżone do tych, które u odbiorców wywoływał tekst a»³⁹⁹. Этого рода положение являет собой ответ на необоснованные утверждения о возможности обеспечения в процессе перевода тождества ИТ и ТП. Их несостоятельность легко объяснить расхождениями в языковых системах и культурах, а также реалиях двух стран, т.е. фактом существования

³⁹⁷ Не исключено, что после трагических события, имевших место 10 апреля 2010 г. под Смоленском, слово **brzoza** приобрело статус символа в польской культуре.

³⁹⁸ В.Н. Комиссаров, Современное переводоведение... С. 144.

³⁹⁹ О. Wojtasiewicz, Wstęp do teorii tłumaczenia. Wyd. 4. Warszawa, 2007. С. 28.

лингвоэтнического барьера⁴⁰⁰ или когнитивного диссонанса⁴⁰¹. Однако утверждение о возможности вызвать аналогичную реакцию получателя ИТ у рецепторов ТП также сомнительно. Ведь, ИТ адресован другому, чем его перевод на иностранный язык, коллективу, общему сознанию которого принадлежит определенная система ценностей, ассоциаций, знаний (упомянутая нами ранее *банальная эрудиция*). Как пишет К. Хейвовски, «innymi słowy, w przypadku elementów kulturowych nie należy oczekiwać u odbiorców przekładu podobnej reakcji, gdyż to, co jest dobrze znane i swojskie dla odbiorców oryginału, będzie obce, a czasem wręcz egzotyczne dla odbiorców przekładu»⁴⁰². Польский переводовед в продолжение своих рассуждений добавляет, что: «Nikt nie może doświadczać Yeatsa czy Joyce’a w ten sam sposób co rodowici Irlandczycy». Сказанное отнюдь не является доводом в пользу концепции непереводаемости. Просто необходимо понимать неизбежность некоторых потерь в процессе перевода, что особенно заметно именно на уровне ассоциаций. Проиллюстрируем данное положение с помощью примера: **Janusz Gajos** przyjechał do Krakowa – 1. **Януш Гайос** приехал в Краков; 2. Известный польский актер **Януш Гайос** приехал в Краков.

Оба варианта перевода допустимы. Второй содержит дополнительную информацию, которая компенсирует различия в объеме знаний между рецепторами ИТ и ТП. Но, хотя вполне оправданный прием компенсации (второй вариант) позволяет заполнить пробелы в знаниях, он не может обеспечить тождественную реакцию принадлежащих к разным языковым коллективам получателей ИТ и ТП. У поляков указанная фамилия вызывает целый ряд ассоциаций – с фильмами детства/молодости (например, «Четыре танкиста и собака»), боевиками и т.п., в которых был занят Гайос. Для среднестатистического русского **Гайос** – это просто фамилия польского актера (вряд ли, даже те, кто помнят популярную в советские времена польскую картину о приключениях четырех танкистов, знают фамилию исполнителя главной роли; кроме того – это лишь одна из многочисленных и известных среднему поляку ролей **Гайоса**).

Поскольку некие потери на уровне ассоциативных связей неизбежны в процессе перевода, следует особо осторожно относиться к лексическим единицам в двух языках, которые при сходстве денотативного значения отличаются в плане значения коннотативного. По нашему мнению, необходимо различать ассоциации, постоянно закрепленные за конкрет-

⁴⁰⁰ Российские переводоведы, Л.К. Латышев и А.Л. Семенов к понятию *лингвоэтнического барьера* относят «все то, что не позволяет носителю ПЯ непосредственно воспринять текст на ИЯ и реагировать на него так же, как если бы он был носителем ИЯ». Л.К. Латышев, А.Л. Семенов, Указ. соч. С. 104.

⁴⁰¹ Термин, предложенный Г.Д. Воскобойником – ср.: Д.И. Ермолович, Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка // Мосты. Журнал переводчика. 1 (21)/2009. С. 46.

⁴⁰² K. Hejwowski, Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Warszawa, 2006. С. 72.

ным словом, которые отмечаются в виде словарной пометы (отрицательно, не одобрительно и т.п.), и остальные ассоциации, о которых словари умалчивают⁴⁰³. В случае фамилии конкретной личности у носителя данного языка и культуры возникает комплексное представление о таком персонаже, включающее изображение его внешности, некоторые высказывания, память о конкретных событиях с его участием, характеристику речи – тембр голоса, интонацию, возможные отклонения от литературной нормы, идиолект – излюбленные словечки, конструкции, возможные ошибки и прочие. Всю эту информацию можно было бы попробовать передать описательно, но впечатления, эмоции и коннотации передать полностью нельзя. Это подобно разнице между анекдотом, смысл которого был схвачен на лету и который вызвал, таким образом, смех у адресата, и непонятым анекдотом, который в дальнейшем был объяснен. Ясно, что во втором случае смех не последует. Следовательно, расхождения в объеме знаний носителей двух языков достаточно легко восполняются с помощью переводческих приемов – прежде всего компенсации, но комплекс ассоциаций и, следовательно, тождественность реакции вряд ли могут быть сохранены, если ИТ адресован другому языковому коллективу, чем ТП. Подчеркнем, что речь идет именно о комплексной передаче ассоциаций – отдельные коннотации (во всяком случае, некоторые) подобно расхождениям в объеме знаний передаются с помощью компенсации, комментария, описательного перевода. Кроме того, одним из способов преодоления расхождений на уровне образно-ассоциативных связей, по мнению Л.К. Латышева, является перевод коннотаций в денотативные значения. Российский переводовед, употребляя для обозначения коннотаций, отражающих «культурно-исторические традиции говорящего коллектива»⁴⁰⁴, термин *сигнификативное содержание*, приводит достаточно убедительный пример – замену выражения **старая лиса** выражением **старый хитрец** (для языка, в котором за словом **лиса** не закреплена коннотация хитрости). Мы добавим, что передача в переводе отдельных коннотаций часто требует использования перечисленных приемов, поскольку, как отмечает Д.И. Ермолович, «соединить в однословном соответствии передачу денотативного

⁴⁰³ Уместным будет напомнить постулат Ю.Д. Апресяна относительно построения словарной статьи: «Коннотации должны записываться в особой прагматической или коннотативной зоне соответствующей словарной статьи и служить опорой при толковании таких переносных значений слова, которые не имеют общих семантических компонентов с основными значениями (ср. *стрелять в медведя* – *В бок стреляет*)» – Ю.Д. Апресян, Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 32. Вып. 4. М., 1974. <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-74.htm>.

⁴⁰⁴ Цитата по: В.Н. Комиссаров, Лингвистическое переводоведение в России. Учебное пособие. М., 2002. С. 118.

и коннотативного значений слова так же сложно, как два различных значения одновременно»⁴⁰⁵.

Однако указанные нами, а также приведенные вслед за Л.К. Латышевым, приемы позволяют передать (иногда частично) лишь отдельные коннотации. Трудно представить себе переводческий прием, позволяющий обеспечить идентичную реакцию поляка и русского в виде целого комплекса ассоциаций, связанных с такими фамилиями, как Задорнов, Познер, Куравлев или Лясковик, Лис, Линда.

Сказанное нами позволяет сформулировать два вывода. Во-первых, перевод не может обеспечить тождественную реакцию получателей ИТ и ТП. Во-вторых, расхождения в коннотативных связях слов далеко не всегда являются достаточным критерием для зачисления их в ряд интерферентов.

4.12. Интерференция и направление перевода

Как мы уже писали, *переводческая интерференция* является двусторонним процессом – факты интерференции можно отметить как при переводе на иностранный, так и на родной язык. Однако, по нашему мнению, у перевода в конкретном направлении (родной – иностранный, иностранный – родной) есть своя специфика.

Вопрос о допустимости или даже возможности перевода на иностранный язык был и остается предметом дискуссий. В случае устного синхронного перевода можно говорить о двух подходах или школах – условно говоря – о «западной» (США и западная Европа) и «восточноевропейской» (СССР и страны социалистического лагеря). В США и в странах Запада утвердилась традиция синхронного перевода только на родной язык, как правило, с двух или нескольких иностранных языков. Такая схема перевода до сих пор практикуется в ООН и других международных организациях. Зато в СССР и странах соцлагеря нормой был перевод в обоих направлениях, т.е. с и на родной язык.

Сторонники схемы с переводом на родной язык всегда подчеркивали, что только перевод в этом направлении позволяет сохранить фонетическую, грамматическую, лексическую и стилистическую правильность. Наиболее категорично настроенные противники перевода на иностранный язык утверждали, как Ю.М. Катцер, что «необходимо уяснить, что существует некий „потолок“ возможностей научиться переводить на неродной язык. За редкими исключениями этот потолок — уровень газетно-инфор-

⁴⁰⁵ Д.И. Ермолович, Наш перевод, вперед лети... С. 53.

мационного языка и язык газетно-журнальной публицистики»⁴⁰⁶. Менее категоричная в своих утверждениях Л. Виссон считала, что принятая в СССР схема с переводом на родной и иностранный языки была вызвана объективными причинами – нехваткой естественных билингвов в этой стране (сама Виссон употребляет в этом значении термин билингв).

В свою очередь, представители «восточноевропейской» школы перевода указывали на объективные трудности, возникающие при переводе на родной язык, суть которых сводится к неполному, не всегда правильному пониманию ИТ. На этом основании некоторые утверждали, что переводить синхронно проще на иностранный язык, чем на родной, приводя такие доводы, как: полнота понимания ИТ, дающая возможность описательно выразить новое понятие или термин⁴⁰⁷, более ограниченный выбор лексики и грамматических конструкций в случае иностранного языка, что позволяет сэкономить время – существенный фактор в этом виде перевода. Оставляя в стороне самые категоричные⁴⁰⁸ и резкие положения представителей каждой из условно названных нами школ, следует приблизить специфику перевода в зависимости от его направления и вытекающие из этого последствия, касающиеся рассматриваемой нами темы.

Бесспорно, сложно было бы оспаривать факт существования объективных трудностей, связанных с адекватной передачей всех аспектов и оттенков ИТ на иностранный язык. Невозможность идеального овладения двумя языками была подробно рассмотрена в главе, посвященной билингвизму. К сложностям самовыражения на иностранном языке следует добавить такие способствующие языковым, в том числе и интерференционным, ошибкам факторы, как: нагрузка на память, жесткий временной режим, стресс, необходимость постоянного переключения с языка на язык. Все это усиливает фонетический акцент⁴⁰⁹, приводит к нарушениям сочетаемости и стилистики высказывания. В качестве иллюстрации можно процитировать следующие слова Л. Виссон: «Все мы сполна наслуша-

⁴⁰⁶ Цит. по: Л. Виссон, Синхронный перевод... С. 13.

⁴⁰⁷ Ср., напр., Т. Miśiewicz, Zarys teorii przekładu. Zagadnienia wybrane. Warszawa, 1971. С. 128.

⁴⁰⁸ Например, Г.Я. Туровер и И.А. Триста открыто заявляли, что: «Переводчик, устно переводящий на родной язык, стоит перед большими опасностями, нежели переводчик, переводящий на иностранный язык. [...] поэтому в известном смысле правильна кажущаяся парадоксальной мысль: переводить на иностранный язык легче, чем на родной. Г.Я. Туровер и др., Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. М., 1967. С. 16.

⁴⁰⁹ К. Липиński приводит пример синхронного переводчика русско-немецкой пары, в речи которого фонетический акцент во время перевода выступления М. Горбачева появился в момент перехода от клишированных фраз к более спонтанному высказыванию. Как пишет автор, когда переводчик «maksimum uwagi musiał skoncentrować na skomplikowanej treści wyrażanej w sposób niekonwencjonalny, niejako „zapominał” o fonetyce. Trudno jest robić dobrze dwie rzeczy na raz». К. Lipiński, Vademecum tłumacza. Kraków, 2004. С. 148.

лись высокопарных и неверных в обоих языках фраз вроде „Esteemed Mrs. President“, „In the name of my country and me peoples“, а в переводах на русский – „дорогой директор“ или „во имени моих народов“. Это плоды повышенного напряжения, которое часто и быстро ослабляет лингвистическое чутьё, интуицию и отработанные навыки даже у великолепных переводчиков, когда они вынуждены работать „против шерсти“»⁴¹⁰.

Кроме того, нельзя забывать о том, что устному переводчику недостаточно прекрасно говорить на иностранном языке – он вынужден находить соответствия для фраз в исходном языке, что в случае сложных или красноречивых высказываний является чрезвычайно трудной задачей.

Однако и устный синхронный перевод на родной язык кроет в себе объективные сложности. Их суть заключается в восприятии и правильном понимании ИТ. Восприятие устной иностранной речи может быть затруднено факторами фонетического, лексического, грамматического, стилистического характера. Обобщая, можно констатировать, что восприятие иностранных звуков сложнее, чем звуков родного языка, особенно в случае региональных вариантов языка, быстрого темпа речи, небрежной манеры говорить и/или дефектов речи оратора. Намного труднее воспринимать не знакомые ранее переводчику слова – прежде всего имена собственные (фамилии, прозвища, географические названия); а таких, как правило, в иностранном языке намного больше, чем в родном⁴¹¹. К этому следует добавить проблемы лексического и грамматического характера – намного большая вероятность столкнуться с неизвестным идиоматическим выражением, крылатыми словами, пословицей, поговоркой, игрой слов, намеком, отсылкой к реалиям, культуре, действительности в иностранном, чем в родном языке.

Парафразируя не очень удачное в силу своей чрезмерной резкости положение Л. Виссон, «важно ли, что переводчик понимает всё сказанное, если он не может воспроизвести текст грамматически, лексически и стилистически правильно на иностранном языке?»⁴¹², можно было бы спросить – важно ли, что переводчик может воспроизвести текст грамматически, лексически и стилистически правильно, если он не понимает всего сказанного?

На самом деле, у обеих схем синхронного перевода есть плюсы и минусы. Перевод на иностранный язык чреват нарушением нормы, стиливого

⁴¹⁰ L. Visson, The problem of Teaching Simultaneous Interpretation from a Native into a Foreign Language / Л. Виссон, О синхронном переводе на иностранные языки: проблемы преподавания // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода 1/2009. С. 57.

⁴¹¹ Ср.: Г.В. Чернов, Теория и практика синхронного перевода. – 2-е изд. М., 2007. С. 166–170.

⁴¹² Л. Виссон, Синхронный перевод в ООН, или Школа жизни // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 3/2008. С. 87.

регистра, а при переводе на родной язык самой уязвимой точкой является этап восприятия (понимания) исходного сообщения.

Не лишним будет добавить, что в наше время все более востребован устный (как последовательный, так и синхронный перевод) в обоих направлениях⁴¹³, что вызвано, конечно, не преимуществом «восточноевропейской» школы перевода, а требованиями современных заказчиков, фактом проведения многоязычных международных конференций (ооновская система позволяет обеспечить перевод только 4 языков⁴¹⁴, в то время как «восточноевропейская» – даже более 20).

Немного по-другому выглядит проблема направления в случае письменного перевода. Главной причиной сомнений насчет допустимости перевода на иностранный язык является требование стилистической безупречности письменной речи. При устном переводе упомянутые нами нарушения нормы и узуса, а также возможное наличие фонетического акцента в определенной степени прощаются переводчику – ведь речь идет о незамедлительной, почти одновременной, передаче информации. Кроме того, для устной одноязычной коммуникации характерны некоторые дефекты – паузы хазитации, сорное «э», «ы», повторения слов, нарушение порядка слов, согласования и т. д. – это есть и свойства устной речи.

Сложнее дело обстоит с письменным переводом. Не случайно Международная федерация переводчиков рекомендует перевод только на родной язык, а перевод на иностранный язык допускается в случае необходимости и при последующей правке носителем языка⁴¹⁵. Требования к письменной речи в плане стилистики намного выше. Следовательно, письменный текст перевода, содержащий ошибки стилового характера, недопустим. По мнению Г.Э. Мирана, для устного перевода приемлем т. н. перевод информационный, который «передает информацию, факты, действия, но не в состоянии точно передать художественный образ или стилистику оригинала»⁴¹⁶. Однако в случае письменного перевода им довольствоваться нельзя.

При переводе с иностранного языка основной опасностью является восприятие ИТ сквозь призму системы понятий, а также ассоциаций, присущих переводящему языку (ПЯ).

Итак, внешняя оболочка слова может навязать рецептору неправильное толкование его значения, вызывая ассоциативный ряд, типичный для ПЯ, что впоследствии приводит к выбору неправильного эквивалента.

Иллюстрацией вышеупомянутого явления может послужить слово **чернорабочий**. По «Новейшему большому толковому словарю русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (НБТСРЯ), оно имеет следующее значение:

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Ср.: Г.В. Чернов, Указ. соч. С. 10.

⁴¹⁵ Kodeks tłumacza przysięgłego z komentarzem... С. 36.

⁴¹⁶ Г.Э. Мирам, Профессия: переводчик. Киев, 1999. С. 124.

«1. исполняющий неквалифицированную, черновую, вспомогательную работу, используемый на тяжелой, грязной работе; 2. Рядовой; будничный, обыденный». Однако план выражения может вызвать у польского переводчика ассоциацию с определением **черная работа**, что, в свою очередь, ассоциируется со словосочетанием **praca na czarno** (в значении ‘**нелегальная работа**’) и приводит к неверному пониманию исходной лексемы.

Наши выводы подтверждаются наблюдениями, сделанными во время занятий по практике перевода со студентами переводческой специальности Института славянской филологии Вроцлавского университета. При попытке перевести устно следующее предложение: **Пока в Россию въезжают миллионы чернорабочих, нашу страну покидают суперквалифицированные специалисты**, звучали такие варианты перевода интересующей нас лексемы, как: **nielegalni pracownicy, nielegalni robotnicy, pracownicy zajmujący się pracą na czarno** (**нелегальные работники, нелегалы**). Выбор указанных нами эквивалентов вызван упомянутой нами ложной ассоциацией и контекстом употребления исходной лексемы. Необходимо отметить, что единственный правильный вариант перевода (**pracownicy niewykwalifikowani**) был предложен русскоговорящей студенткой.

Подобная зависимость характерна для восприятия польским переводчиком лексемы **гимнастёрка**, имеющей по НБТСРЯ следующее значение: «Верхняя однотонная рубашка из плотной ткани, обычно с прямым стоячим воротом, подпоясываемая ремнём (форменная одежда военных до 1969 г., учащихся некоторых учебных заведений, представителей ведомств т.п.)». Итак, эксперименты, проводимые с польскими студентами русистики, выявили, что учащиеся, не знающие значения данного слова, в качестве эквивалента выбирают определение **koszulka gimnastyczna** (**спортивная майка**). Причину именно такого выбора объяснить довольно просто – из контекста употребления понятно, что речь идет об одежде, а внешняя оболочка слова **гимнастёрка**, ассоциируясь с гимнастикой, наводит на мысль, что речь идет об элементе одежды, в котором выполняют гимнастические упражнения. Отсюда следует выбор неверного соответствия – **koszulka gimnastyczna**.

Следует подчеркнуть, что в обоих вышеупомянутых примерах мы не имеем дела с «ложными друзьями переводчика» (ЛДП), понимаемыми как пары слов в двух языках, которые при внешнем сходстве отличаются в плане семантики, по той простой причине, что в польском языке нет слов, сходных в плане выражения с русскими **гимнастёрка** и **чернорабочий**. Последние лишь вызывают ассоциации с другими словами в русском языке, которые, в свою очередь, наводят на неправильные эквиваленты. Достаточно сравнить ассоциативный ряд **гимнастёрка – гимнастика – одежда** (контекст), что приводит к указанному уже нами неправильному выводу, будто **гимнастёрка** – это **спортивная майка**.

Подводя итоги нашего исследования, можно прийти к следующим выводам. Две основные трудности при переводе на родной язык и, одновременно, потенциальные области возникновения *лексико-семантической интерференции* – это недопонимание исходного иностранного текста и восприятие его элементов сквозь призму родного языка. Причем пластом лексики, заслуживающим пристального внимания, является субстандарт связи с его активизацией в современном польском и русском языках и относительно плохой изученностью на уровне двуязычной лексикографии, а также частичным его игнорированием в процессе преподавания языка и подготовки переводчиков. Говоря о специфике перевода на родной язык, необходимо отметить, что недопонимание ИТ может приводить к искажениям смысла перевода без нарушения нормы ПЯ. Иными словами, ТП в таком случае стилистически безупречен, а выявление допущенных ошибок возможно лишь при сопоставлении его с ИТ. В приведенном нами примере – предложении: «Пока в Россию въезжают миллионы **чернорабочих**, нашу страну покидают суперквалифицированные специалисты» – замена польского эквивалента лексики **чернорабочие** эквивалентом слова **нелегалы** никоим образом не нарушает логику высказывания, но меняет его значение. Причем без обращения к ИТ оплошность остается незамеченной. Это свойство перевода на родной язык – возможное порождение правильного в плане стилистики, но содержащего ошибки, незаметные без обращения к иноязычному подлиннику, текста – подтверждает значимость этапа восприятия (понимания) ИТ в процессе перевода. Не исключено, что качественный перевод (особенно в случае особо сложных текстов) требует участия носителей обоих языков. Возможны два вида переводческих тандемов: перевод на иностранный язык с дальнейшей проверкой носителем языка или перевод на родной язык после обеспечивающей полноту и правильность понимания ИТ консультации с носителем данного языка.

Заключение

Настоящее исследование позволяет прийти к следующим выводам: интерференция неуклонно появляется в процессе перевода и как отрицательное, вызывающее ошибки, сбои в коммуникации и искажения смысла исходного сообщения явление требует пристального внимания в процессе подготовки переводчиков, составления учебных пособий и двуязычных словарей и, разумеется, при осуществлении перевода.

Наряду с факторами, потенциально сокращающими число фактов интерференции в процессе перевода – осознание переводчиком как профессионально подготовленным специалистом существования данного явления, его отрицательного характера, необходимости бороться с ним, владение переводчиком техниками прогнозирования и преодоления интерференции, – есть факторы, усиливающие возникновение ее – прежде всего постоянная одновременная актуализация двух языков при переводе. Кроме того, для перевода как акта межъязыковой коммуникации характерна вторичность – в его основе всегда лежит исходный текст, который является отправным пунктом для действий переводчика. Следовательно, в отличие от попеременного общения на двух языках весьма ограничена возможность строить высказывание, не содержащее неудобных (трудных, вызывающих сомнения относительно их правильности) для коммуниканта конструкций. В отличие от других ситуаций билингвизма в процессе перевода нет возможности исключить один из языков, что увеличивает риск нежелательных взаимозамен элементов двух языковых систем. Сказанное мы вправе считать серьезной предпосылкой для отдельного рассмотрения интерференции в процессе перевода и выделения *переводческой интерференции* как специфического, отличного от *языковой интерференции*, явления.

Лексико-семантическая интерференция в понимании, представленном в настоящей работе, включает в себя факты нарушений на уровне лексической системы и ее взаимосвязей с культурой, реалиями другой страны и менталитетом носителей данного языка, что делает ее весьма важным фактором в процессе перевода.

Для пары близкородственных языков, какими являются рассматриваемые нами русский и польский языки, характерна повышенная опасность возникновения интерференции. Мнимое межъязыковое сходство следу-

ет считать той сферой, в которой весьма вероятно появление ошибок. На этом фоне необходимо уделять внимание проблеме интерференентов. Наше исследование показало, что самые большие трудности доставляют две группы интерференентов. Прежде всего, пары слов, которые при внешнем сходстве совпадают в одних и расходятся в других значениях. Не менее важно изучать диалексемы, совпадающие в плане денотативного значения, но различающиеся в плане значения прагматического. Для рассматриваемой нами пары языков весьма характерно отношение равнообъемности, т.е. явление схождения внешней формы слов и их значений при одновременном расхождении стилистического регистра, частотности и типичных контекстов употребления, а также лексической сочетаемости. В случае близкородственных языков профессиональные переводчики допускают грубые смысловые ошибки относительно редко; намного более распространенной причиной разного рода искажений являются отличия в частотности употребления, лексической сочетаемости или эмоционально-оценочных и стилевых характеристиках слов в ИТ и ТП. Названные различия часто требуют использования приема прагматической адаптации, подразумевающей такие изменения ТП по отношению к ИТ, которые позволяют свести к минимуму расхождения в плане стилистики и воздействия на получателя текста.

Наряду с мнимым межъязыковым схождением в виде интерференентов можно говорить о подлинном, но неопознанном или неверно определенном схождении, которое было рассмотрено в рамках предложенного нами понятия потенциальных положительных интерференентов (ППИ). Задача исследователя заключается, в частности, в разработке четких критериев разграничения двух важных в плане перевода групп слов – интерференентов и ППИ с целью дальнейшего включения их в двуязычные словари, пособия и программы подготовки переводчиков. Мы подчеркнем, что большое число интерференентов указано в имеющихся и упомянутых нами словарях русско-польских межъязыковых омонимов, но проблема требует дальнейшего изучения с учетом потребностей переводчиков – т.е. прежде всего лексикографического описания самых сложных, упомянутых нами в предыдущем абзаце типов интерференентов. Не меньше внимания требует менее многочисленная лексическая группа – ППИ. В настоящей работе были представлены наиболее типичные примеры ППИ, предложены критерии разграничения ППИ и интерференентов, но вопрос нельзя считать полностью исчерпанным.

Несомненно, элементарной для лексикографа и очень удобной для анализа явления интерференции единицей является слово, но понятие единицы перевода не может, очевидно, быть отождествлено только со словом. Рассмотрение *переводческой интерференции* требует учета целостных единиц, воспроизводимых носителем языка в готовом виде – фра-

зем. Именно фраземы (устойчивые словосочетания, ФЕ, пословицы, поговорки, формулы речевого этикета, крылатые выражения, клишированные фразы и т.п.) имеют большой *интерференционный потенциал* – большая вероятность прямого переноса этого рода единиц в ТП. Во избежание интерференции переводчику необходимо изучать (на основании имеющихся лексикографических источников, учебников) межъязыковые фраземные соответствия и постоянно выявлять новые, прибегая к методу параллельных текстов⁴¹⁷. Мы подчеркнем, что переводческая практика может служить отправной точкой для разработки словарей и определения стандартных соответствий, поскольку переводчики в своей практике, сталкиваясь с безэквивалентной лексикой и другими трудностями, **вынуждены** преодолевать их⁴¹⁸.

⁴¹⁷ Необходимо указать на большое практическое значение сопоставительного анализа источников и их переводов. Неоднократно тексты перевода могут служить обильным источником точных эквивалентов, в том числе фраземных, находчивых решений, которые можно вынести за рамки конкретного ТП, употребляя в последующих переводах и включая в корпус двуязычных словарей. В подтверждение наших слов приведем пример относящегося к безэквивалентной лексике определения **плацкартный вагон**. Итак, на неточность соответствия в WSRP – **wagon z miejscówkami** (в WSRPW так же) указывала еще Х. Бартовицка, предлагая ненамного лучшие, поскольку также не обеспечивающие информации о типе популярного на постсоветском пространстве вагона, варианты – **wagon z miejscami do spania** или **wagon kuszetkowy** (H. Bartwicka, К проблеме культурно-коннотированной лексики в двуязычных словарях... С. 32). Прекрасное решение этой непростой переводческой задачи было обнаружено нами в ходе анализа переводов газетных статей – **bezprzedziałowy wagon z kuszetkami** (Forum, 27/2009). И хотя данное соответствие являет собой пример описательного перевода, нельзя не отметить его содержательность – удачную передачу сути не известного поляку явления. Этого рода переводческие соответствия необходимо постоянно отслеживать, в дальнейшем обогащая ими двуязычную лексикографию.

⁴¹⁸ Добавим, что в польской лексикографии была предпринята непосредственная попытка использовать накопленный переводчиками опыт. В словаре В. Вавжинчика (J. Wawrzyńczyk Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego. T. 1 (A-M). Łódź, 2000; J. Wawrzyńczyk, Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego. T. 2. Łódź, 2001) представлена выборка русско-польских переводческих соответствий из переводов русской классики и литературы XX века. Подчеркивая значимость идеи обращения к готовым решениям выдающихся польских переводчиков, мы вынуждены констатировать также серьезные минусы концепции построения этого словаря, которые значительно ограничивают его практическую ценность. Прежде всего, в качестве иллюстративного материала был выбран художественный перевод, который, как известно, оставляет за переводчиком большую свободу при нахождении эквивалентов, в результате чего неоднократно можно отмечать стремление к эквивалентности на уровне абзаца или даже текста в целом, а также частотное использование приема компенсации. Следовательно, выделенные из ИТ и ТП соответствия часто являются правильными переводческими решениями для конкретного текста и, имея сугубо контекстуальный характер, вряд ли могут служить универсальными эквивалентами. Поясним данное положение с помощью одного, довольно характерного примера: «**здрасьте** proszę siadać (*wyrażenie wtrącone*) Потом, вдруг, здрасьте, беременность, ребенок... A potem nagle, proszę siadać, cięża, dziecko...». Автор словаря предупреждает читателя

Факты интерференции нельзя путать с проявлениями принятой переводчиком стратегии экзотизации. Итак, для польской публицистики, особенно правового толка, типично употребление в качестве стилистического приема некоторых транскрибированных русских слов – **tank**, **muzyk**, **blat**, **zblatować**, кроме того, в польских текстах встречаются разного рода экзотизмы, передающие российские реалии, а в русских текстах можно столкнуться с некоторым набором слов, дающих читателю понять, что текст касается Польши (**ксёндз**, **сейм**) или позволяющих сохранить колорит (**пан**, **пани**). К этой категории можно отнести как постоянно функционирующие для передачи чужих реалий слова (напр., **Duma**, **dacza**), так и разного рода окказионализмы. За переводчиком также остается право прибегать к экзотизации текста, поэтому возможным упрекам в наличии *интерференционных ошибок* должно предшествовать индивидуальное рассмотрение конкретного текста с учетом его специфики, переводческой стратегии и т.д. Иными словами, осознанное действие переводчика, направленное на получение определенного эффекта, надо строго отличать от интерференции – явления по своей сути неосознанного и отрицательного.

Анализируя проявления *лексико-семантической интерференции*, необходимо отдавать себе отчет в динамическом характере лексической системы языка. Постоянные процессы развития языка могут приводить к изменению статуса межъязыковых отношений – вплоть до превращения вчерашних интерферентов в эквиваленты. Это накладывает на переводчика, переводоведа и лексикографа обязанность неусыпно отслеживать лексические изменения, увязывая их с процессом перевода и проблемой эквивалентности. На этом фоне особого внимания требует область заимствований – в наши дни, прежде всего из английского языка. Надо понимать, что слова из языка-источника, как правило, переходят в другие язы-

о контекстуальном характере данного эквивалента, тем не менее, даже если не считать решение переводчика ошибкой, а оправданной требованиями контекста трансформацией, приходится усомниться в возможности употребления данного соответствия в других случаях. Таким образом, многие статьи рассматриваемого словаря образуют некий каталог конкретных переводческих находок, возможность использования которых вне указанного ТП сомнительная. По нашему мнению, идея анализа переведенных текстов с целью выявить соответствия весьма перспективная, но требует использования более широкого корпуса текстов, с учетом газетных текстов, отражающих состояние современного русского и польского языков. Но при этом переводчик-практик, расширяющий свой арсенал, а также автор словарей для переводчиков должны проявлять критицизм к обнаруженным эквивалентам, понимаемый как разграничение контекстуальных, функционирующих только в конкретном ТП и соответствий, которые могут быть использованы также в других ситуациях перевода (например, обнаруженное нами: **плацкартный вагон** и **bezprowadzowy wagon z kuszetkami**). Ценность такого исследования заключается именно в выявлении новых эквивалентов как на уровне слов, так и фразем, которые призваны облегчить участь других переводчиков, а также изучающих иностранный язык и только начинающих знакомство с искусством перевода.

ки, отрываясь от типичного контекста употребления, часто с суженным или измененным значением, приобретая новые оттенки значения и стилевые характеристики, которые нередко отличаются не только в отношении язык-источник и язык-реципиент, но также между отдельными языками-реципиентами. Следовательно, не стоит торопиться с признанием заимствований эквивалентами в польском и русском лишь на основании сходства их внешних оболочек и источника заимствования, понимая, что к данной лексической группе относятся также интерференцы.

Говоря о языковых изменениях, нельзя забывать о проходящем сближении языков в некоторых отдельных областях, что вызвано двумя факторами. Во-первых, процессом глобализации и, как следствие, образованием множественных понятий, одновременно функционирующих во многих языках, а во-вторых, сближением в силу контактирования польского и русского в некоторых сферах. Точки соприкосновения можно видеть, прежде всего, в текстах, посвященных культуре, реалиям другой страны (России на польском и Польши на русском). Здесь заметна некая асимметрия – Россия вызывает больший интерес у поляков, чем Польша у русских (это подтверждают, в частности, исследования проф. де Лазари⁴¹⁹). Тексты о другой стране иногда являются источником эквивалентов, а появляющиеся в них *интерференционные ошибки*, а также намеренный перенос некоторых понятий (чаще всего путем транскрибирования) иногда приводят к закреплению некоторых ошибок и изменению их статуса с примера интерференции на эквивалент, т.е. – в конечном результате – к сближению двух языков.

Переводческая интерференция в случае профессиональных переводчиков часто является результатом одновременной актуализации двух языковых систем и влияния конкретного текста на сознание переводящего, что приводит к отдельным ошибкам в конкретных текстах. От единичных ошибок, т.е. таких, которые данный переводчик может допустить в конкретном акте перевода, но избежать в другом, следует отличать регулярно повторяющиеся в переводческой практике *интерференционные ошибки*. Нам представляется, что их природа может быть двоякой. Они могут вытекать из популяризации неправильно выполненного перевода (зачастую непрофессионалами, например, журналистами), который в дальнейшем, переходя из текста в текст, остается в сознании получателей текста, а со временем также переводчиков, неоднократно давая толчок для образования нового эквивалента и/или включения новой лексики/фраземы в принимающий язык. Источником этого рода ошибок могут быть, как показало наше исследование, также двуязычные словари. В таких случаях интерфе-

⁴¹⁹ Ср., напр., A. Lazari, O. Riabow, Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze / Przeł. M. Żakowska. Warszawa, 2008. С. 36.

ренция часто является отправным пунктом для *конвергенции*. Вторая причина – это факт закреплённости в сознании многих переводчиков неправильных, искажённых под влиянием другого языка, конструкций. В таком случае переводчик изначально пользуется *интерферируемым языком*, даже если это его родной язык.

Противоядием от названных проявлений интерференции следует считать постулированное нами включение в процесс подготовки переводчиков и их постоянного профессионального совершенствования, углублённого изучения родного языка с учетом вопросов культуры речи, а также пассивной работы в виде чтения специальной и художественной литературы, и активной – над развитием навыков речи (упражнения в написании разного рода текстов, подготовка устных выступлений).

Областью, заслуживающей особого внимания исследователя как потенциального источника интерференции, является разговорная лексика и субстандарт. На актуальность данной проблемы складываются два основных комплекса причин. Во-первых, это чрезвычайная активизация названных пластов лексики в русском и польском языках XX и XXI веков (СМИ, художественная литература, публицистика, язык повседневного общения, а также в определенной степени – язык политики и публичного общения) при отмеченной нами межъязыковой асимметрии на уровне преступного жаргона, которая выражается в его проникновении в общий жаргон в русском и присутствии на периферии системы в польском языке. Во-вторых, дефицит устоявшихся соответствий для разговорной лексики и так называемых *языковых маргиналий* в двуязычной лексикографии и переводческой практике. Одновременное наличие большого числа разговорных и ненормативных интерферентов, делая данную область обильным источником интерференции, является достаточным обоснованием для нашего постулата о необходимости интенсивного изучения данной проблематики, включая составление отдельных двуязычных словарей, отход от практики игнорирования множественных, распространенных коллоквиализмов, вульгаризмов и примеров просторечия так называемой большой двуязычной лексикографией, а также учет лексики из данной сферы при подготовке переводчиков.

Специфику *переводческой интерференции* закономерно увязывать с направлением перевода. Для перевода на иностранный язык характерны ошибки, связанные с проблемами в самовыражении, постижении всех тонкостей неродного языка, что на практике часто приводит к нарушениям стилистики, сочетаемости, калькированию различных конструкций, наделению лексем и фразем значениями несвойственными ПЯ. Однако пристального внимания исследователя требует также вопрос о переводе на родной язык. Перевод в этом направлении чреват интерференцией на уровне понимания текста – типично восприятие ИТ сквозь призму родно-

го языка и культуры, что может приводить к наложению системы значений, оттенков значений и ассоциаций. В таком случае у переводчика, как правило, не возникает проблем с грамотным изложением мыслей, но поскольку он сам принадлежит к другому языковому коллективу, которому свойственна отличная система ассоциаций и понятий, чем адресату ИТ, уязвимой точкой перевода на родной язык являются изменения оттенков значений, ассоциации, неполное/неправильное понимание исходного текста и, следовательно, перевод, содержащий смысловые отступления от подлинника. В свою очередь, безупречность ТП с точки зрения норм ПЯ часто не позволяет обнаружить ошибок без обращения к источнику, что делает их особо опасными. Поскольку даже хорошая переводческая подготовка и многолетний опыт не гарантируют преодоления всех проблем, связанных с составлением текста на иностранном языке (что было доказано нами в пункте, посвященном билингвизму), а также сходным с носителем языка восприятием ИТ, нами было сделано заключение о желательности привлечения к переводу переводческих тандемов (переводящий на иностранный язык + проверяющий носитель языка или переводящий на родной язык с привлечением иноязычного консультанта), работа которых представляется нам лучшим способом избежать *переводческой интерференции* и обеспечить качественный перевод.

Проведенное нами исследование показало существенные недочеты современных двуязычных словарей, в том числе и способствующие появлению интерференции. Развитие лексикографических источников должно, по нашему мнению, проходить с учетом нескольких моментов. Необходимо включать в большие русско-польские и польско-русские словари разговорную, просторечную, жаргонную и даже обценную лексику в силу ее активизации в последние 20 лет, а также характерного для нее *интерференционного потенциала*. Более детальной разработки требуют заимствования, интерференты и все лексемы, находящиеся в отношении равнообъемности и перекрещивания. Внешнее сходство слов должно служить отправной точкой для детального рассмотрения эквивалентов с необходимейшим учетом их прагматической характеристики, а также, по мере возможности, указания типичных контекстов употребления. Следует стремиться к максимально широкому освещению фраземных соответствий. Современный словарь должен быть надежным подспорьем для кандидата в переводчики и профессионального переводчика, но, одновременно, выполненные переводы газетных, специальных, а также в меньшей степени (по ранее указанным нами причинам) художественных текстов надо признать ценнейшим источником словарных соответствий как на уровне отдельных слов, так и фразем.

Настоящим камнем преткновения в процессе перевода является проблема взаимосвязи языка, культуры и менталитета. На стыке этих трех

плоскостей нередки случаи интерференции – переноса типичной для одного из языков системы понятий и ассоциативных связей. Несомненно, различия в указанных областях часто могут вызывать интерференцию. Она проявляется в упомянутом нами восприятии фактов другой культуры сквозь призму родной, изменении системы ассоциативных связей, а также наделении лексем и фразем в результате их переноса на чужую почву, нетипичными для них коннотациями и оттенками значений. Однако необходимо также осознавать нетождественность ИТ и ТП как адресованных членам разных языковых коллективов, и невозможность передачи абсолютно тождественного воздействия текстов, составленных на разных языках и относящихся к разным культурам.

Условные сокращения

Общие

англ.	– английский
БЗЛ	– безэквивалентная лексика
ВТФ	– воспроизводимые текстовые фрагменты
ИТ	– исходный текст
ИЯ	– исходный язык
КПРФ	– Коммунистическая партия Российской Федерации
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
ЛВП	– ложные враги переводчика
ЛДП	– ложные друзья переводчика
МП	– машинный перевод
польск.	– польский
ПОРП	– Польская объединенная рабочая партия
ППИ	– потенциальные положительные интерференты
ПЯ	– язык перевода (переводящий язык)
РКИ	– русский язык как иностранный
рус.	– русский
РФ	– Российская Федерация
СД	– семантические доли
ТП	– текст перевода
Указ. соч.	– указанное сочинение
ФЕ	– фразеологическая единица
ЯИ	– языковая игра
Я1	– первый язык
Я2	– второй язык
Я3	– третий язык

Грамматические и словарные пометы

русские

адапт.	– адаптированная форма
ед.ч.	– единственное число
жарг.	– жаргонное
м.р.	– (существительное) мужского рода

перен.	– переносное значение
пренебр.	– пренебрежительное
разг.	– разговорное
сбир.	– собирательное (существительное)
с.р.	– (существительное) среднего рода
устар.	– устаревшее

ПОЛЬСКИЕ

ekon.	– ekonomia (экономика)
euf.	– eufemizm (эвфемизм)
gm.	– wyrażenie gminne (просторечное)
l. mn.	– liczba mnoga (множественное число)
metaf.	– wyrażenie będące metaforą (метафорическое выражение)
młodz.	– wyrażenie, którego źródło stanowi żargon młodzieżowy (выражение, источником которого является молодежный жаргон)
neolog. leks.	– neologizm leksykalny (лексический неологизм)
neolog. sem.	– neologizm semantyczny (семантический неологизм)
pogard.	– pogardliwie (презрительное)
pot.	– wyrażenie potoczne (разговорное выражение)
środ.	– środowiskowe (профессиональное)
techn.	– techniczne (техническое)
wulg.	– wulgarnie (вульгарное)
żarg. og.	– wyrażenie należące do żargonu ogólnego (выражение, относящееся к общему жаргону)
żart.	– wyrażenie o zabarwieniu żartobliwym (выражение, имеющее шуточный оттенок значения)

Словари, периодические издания

НБТСРЯ	– Новейший большой толковый словарь русского языка
НГ	– Независимая газета
ТСНЛРЯ	– <i>Квеселевич Д.И.</i> , Толковый словарь ненормативной лексики русского языка
ТСРЯ	– <i>Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.</i> , Толковый словарь русского языка
GW	– Gazeta Wyborcza
SJP	– Słownik języka polskiego. http://sjp.pwn.pl/
SJPD	– Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski
WSJP	– Język polski. Współczesny słownik języka polskiego / Red. B. Dunaj
WSPR	– <i>Hessen O., Stypuła R.</i> , Wielki słownik polsko-rosyjski
WSPRRP	– <i>Chwatow S. u dp.</i> , Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski
WSPRW	– Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. J. Wawrzyńczyk [электронная версия]
WSRP	– <i>Mirowicz A. u dp.</i> , Wielki słownik rosyjsko-polski
WSRPW	– Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Red. J. Wawrzyńczyk [электронная версия]

Библиография

Интернет-источники, периодические издания и прочие источники примеров

Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). <http://www.belarus.net/conendru.htm>

Boriew W., 3 dni. Przeł. I. Bogdanowicz-Piesik. Warszawa: Amber, 1992.

<http://abvgd.russian-russisch.info/articles/10.html>

<http://akado.com/news/document33474/>

<http://altai.regnum.ru/news/1075353.html>

<http://antyfacetrp.w.interia.pl/Wsteepniak3.html>

<http://blog.i.ua/community/662/152968/>

http://codn.codn.edu.pl/struktura/pjo/jows/pdf/2003_05.pdf

<http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/>

<http://grani.ru/Politics/Russia/m.140299.html>

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=47BC624FD8F53>

<http://kcmatrix.salon24.pl/88061,index.html>

http://kresy24.pl/showNews/news_iad/2138/

<http://lebiest.bloog.pl/d,7,id,3040275,m,marca,r,2008,title,Stalinizm-czysamodzierzawie,index.html?ticaid=67fb2>

<http://mr-moriarty.livejournal.com/3051.html>

<http://obzor.westsib.ru/news/276630>

<http://obzor.westsib.ru/news/276630>

<http://old.er.ru/rubr.shtml?110102#1>

<http://wiadomosci.onet.pl/1852339,12,item.html>

<http://wiadomosci.onet.pl/1851871,11,item.html>

<http://wiadomosci.onet.pl/1852339,12,item.html>

<http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Gruzinskie-przywodztwo-nie-zna-sienageografii,wid,10556489,wiadomosc.html>

http://www.cnaa.acad.md/files/theses/2008/7795/jana_racu_thesis.pdf

http://www.dziennik.pl/swiat/article352329/Platny_morderca_policyjnym_informatorem.html

<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/532036-echo/>

<http://www.focus.pl/historia/artykuly/zobacz/publikacje/wasilij-bloch-kat-stalina/>

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/letopis/zajavl_gkcp.php

http://www.iu.ru/biblio/archive/volkov_sociologija/04.aspx

<http://www.kp.ru/daily/22597/19170/>

http://www.kpunews.com/main_topic11_14038.html

<http://www.krugosvet.ru/articles/76/1007622/1007622a1.htm>

http://www.michalkiewicz.pl/rdm_2007-01-18.php

<http://www.newizv.ru/lenta/100859/>
<http://www.newsru.com/world/30sep2008/badpro.html>
<http://www.ng.ru/>
<http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/jrn/1999/j4/pril/pril06.1artsyn.html>
<http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>
<http://www.rian.ru/economy/20081028/153946734.html>
<http://www.rosbalt.ru/2008/12/19/604859.html>
<http://www.ruscorpora.ru>
<http://www.ruslang.edu.ru>
http://www.trybuna.com.pl/n_
http://www.trybuna.com.pl/n_show.php?code=2005030520
<http://www.tvp.info/news.html?directory=1740&news=879059>
<http://www.utro.ru/articles/2008/08/19/760949.shtml>
<http://www.utro.ru/news/2009/04/01/806998.shtml>
<http://www.vesti.ru/doc.html?id=219265&cid=6>
<http://www.vesti.ru/doc.html?id=267148>
<http://www.vz.ru/politics/2007/7/10/93279.html>
<http://wyborcza.pl/1,75480,3695706.html>
<http://wyszkowski.com.pl/content/view/79/82/>
<http://x.lenta.ru/abc/1281.htm>
www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/Debrenne.pdf
www.gazeta.pl
www.gramota.ru/biblio/research
www.inosmi.ru
www.interia.pl
www.kommersant.ru
www.onet.pl
www.przegląd-tygodnik.pl
www.rg.ru/2008/11/25/samara-pokushenie-anons.html
www.rg.ru/2009/02/12/rzaev.html
www.rp.pl/artukul/218871.html

Независимая газета
 Огонёк
 Dziennik
 Forum
 Gazeta Wyborcza
 Przegląd

Словари и справочники

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская Энциклопедия», 1969.
 Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: «Советская Энциклопедия», 1974.
 Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: «Русский язык», 1994.
 Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулержкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. М.: Издательство «Русские словари», «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.
- Большой словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов / Ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
- Быкова Г.В. Лакуны русского языка / Г.В. Быкова, В.Л. Фраер; под науч. ред. И.А. Стернина. Благовещенск: ОАО ПКИ «Зея», 2009.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: «Русский язык», 1984.
- Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: «Норинт», 2002.
- Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский): Около 400 единиц. М.: «Русский язык», 1985.
- Грачев М.А. Русское арг. Нижний Новгород: Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997.
- Грачев М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.
- Голумянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь. В двух томах. Минск: Издательский центр ЭКОНОМПРЕСС, 2004.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001.
- Душенко К.В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. – 4-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2006.
- Елистратов В.С. Словарь русского арг: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М.: «Русские словари», 2000.
- Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: «Азбуковник», 1999.
- Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. – 5-е изд., стереотип. М.: «Русский язык», 2000.
- Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 700 синонимических рядов / Ред. В.П. Жукова. М.: «Русский язык», 1987.
- Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.
- Квеселевич Д.И. Русско-английский словарь ненормативной лексики. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- Мокиенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.: Изд. Дом «Нева», 2006.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. Матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб.: «Норинт», 2003.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь Совпедии: Около 10 000 слов и выражений / СПбГУ; Межкаф. Словарный каб. им. Б.А. Ларина. – 2-е изд., исп. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: АСТ: Астрель, 2003.
- Никитина Т.Г. Словарь молодежного сленга 1980–2000. – 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: «Фолио-Пресс»: «Норинт», 2003.

- Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, М.: «Рипол-Норинт», 2008.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. М.: «Азбуковник», 1999.
- Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В двух томах. Т. 1. 9-е изд., стереотип. М.: «Р. Валент», 2010.
- Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В двух томах. Т. 2. 2-е изд., испр. М.: «Р. Валент», 2010.
- Русский язык. Энциклопедия / Ред. Ф.П. Филина, М.: «Советская Энциклопедия», 1979.
- Словарь русского языка / Ред. Д.Н. Ушакова. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.
- Словарь синонимов русского языка / Ред. А.П. Евгеньевой. Ленинград: «Наука», 1970.
- Словарь современного русского литературного языка / Ред. В.И. Чернышев. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948–1965, т. 1–17.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / Ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: «Русский язык», 1983.
- Словарь. Трудности перевода. <http://x.lenta.ru/abc/1281.htm>.
- Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / Ред. Н.А. Павловой. М.: «Флинта», «Наука», 2010.
- Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Воинова и др. / Ред. и послесл. А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр., доп. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: «Норинт», 2004.
- Юридический словарь. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/>.
- Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Около 1500 фразеологизмов. М.: «Русский язык», 1997.
- Anusiewicz J., Skawiński J.* Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa-Wrocław: PWN, 1996.
- Buttler D.* Słownik polskich homonimów całkowitych. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1988.
- Chaciński B.* Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków: «Znak», 2005.
- Chlebda W., Mokijenko W.M., Szuleżkova S.G.* Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Czeszewski M.* Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa: PWN, 2006.
- Daszczyńska I.* Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku, 1987.
- Dembska K.* Rosyjsko-polski słownik eufemizmów semantycznego pola seksu. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007.
- Encyklopedia językoznawstwa ogólnego / Red. K. Polański. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999.
- Grochowski M.* Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów. Warszawa: PWN, 1996.
- Hessen O., Stypuła R.* Wielki słownik polsko-rosyjski. T. 1–2. Wyd. 5. Warszawa: Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001.
- Inny słownik języka polskiego / Red. nacz. M. Bańko. Warszawa: PWN, 2000.
- Język polski. Współczesny słownik języka polskiego / Red. nauk. B. Dunaj. T. 1–2, Warszawa: Wydawnictwo Langenscheidt Polska, 2007.

- Kania S. Słownik argotyzmów. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1995.
- Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.
- Lewicki R. Христианство. Русско-польский словарь / Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa: Wydawnictwo Pax, 2002.
- Lewison J. Słownik seksualizmów polskich. Warszawa: Książka i Wiedza, 1999.
- Miodek J. Słownik ojczyzny polszczyzny. Wrocław: Wydawnictwo Europa, 2005.
- Mirowicz A., Dulewicz I., Grek-Pabis I., Maryniak I. Wielki słownik rosyjsko-polski. T. 1–2. Wyd. 6. Moskwa-Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999.
- Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Red. A. Markowski. Warszawa: PWN, 2002.
- Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 1. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2006.
- Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 2. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007.
- Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / Red. W. Chlebda. Z. 3. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008.
- Samek D. Rosyjskie frazeologizmy, przysłowia i sentencje. Warszawa: Wydawnictwo Rea, 2006.
- Słownik języka polskiego. <http://sjp.pwn.pl/>.
- Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa: PWN, 1997.
- Słownik polszczyzny rzeczywistej (siłą rzeczy – fragment) / janKomunikant. Łódź: Primum Verbum, 2011.
- Stomma L. Słownik polskich wyzwisk, inwektyw i określeń pejoratywnych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Graf-Punkt, 2000.
- Szałek M. Słownik homonimów rosyjsko-polskich. Poznań: «Ars Nova», 2004.
- Tezaurus terminologii translatorycznej / Red. J. Lukszyn. Warszawa: PWN, 1993.
- Tuftanka U. Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów. Warszawa: Wydawnictwo «O», 1993.
- Tuwim J. Polski słownik pijacki. Warszawa: Wydawnictwo Książkowe Twój Styl, 2000.
- Wawrzyńczyk J. Rosyjsko-polski słownik wyrazów i zwrotów trudnych. Warszawa: Wydawnictwo TEPIŚ, 2000.
- Wawrzyńczyk J.I. Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego. T. 1. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej UŁ, 2000.
- Wawrzyńczyk J. Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego. T. 2. Łódź: Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej UŁ, 2001.
- Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski / Red. J. Lukszyn, Warszawa: Wydawnictwo Harald G. Dictionares, 1998.
- Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa: PWN, 2005 [электронная версия].
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa: PWN, 2004 [электронная версия].

Литература

- Абдигалиев С.А. Интерференция на уровне лексического сочетания // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата: Издательство Казахского государственного университета, 1984.
- Абрамова И.Е. Фонетический акцент как дестабилизирующий фактор в устном переводе // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции / Под общей ред. Н.К. Гарбовского. М.: Издательство Московского государственного университета, Высшая школа перевода МГУ, 2007.

- Айтжанов Т.Б. Казахско-французская интерференция на просодическом уровне // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата: Издательство Казахского государственного университета, 1984.
- Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Издательство Харьковского университета, 1972.
- Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: «Советская энциклопедия», 1969.
- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр Академия, 2004.
- Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: «Союз», 2004.
- Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Учебное пособие. М.: КомКнига, 2005.
- Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. – 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 32. Вып. 4. М., 1974. <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-74.htm>.
- Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Издательство Казанского университета, 1978.
- Багана Ж. Французский язык в Африке. Проблемы интерференции. М.: «Наука», 2006.
- Багана Ж., Хапалинина Е.В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М.: «Флинта», «Наука», 2010.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международные отношения», 1975.
- Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи / Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. М., 2007.
- Бельчиков Ю.А. Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия» 2002.
- Бузаджи Д.М. Норма ненормативного. Ругаемся адекватно // Мосты. Журнал переводчиков, 1(9)/2006.
- Булыгина Т.В., Крылов С.А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- Бурыкин А.А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие. <http://abvgd.russian-russisch.info/articles/10.html>.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: «Вицкая школа», 1979.
- Вальтер Х., Мокиенко В. Классики марксизма-ленинизма в русских антипословицах // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: «Элпис», 2006.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М. Новая языковая жизнь древнейшей профессии // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М.: «Азбуковник», 2002.
- Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Издательство МГУ, 1969.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: «Русский язык», 1990 (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).

- Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004.
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. – 4-е изд., испр. М.: «Р. Валент», 2007.
- Виссон Л. Синхронный перевод в ООН, или Школа жизни // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 3/2008.
- Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. Пособия. М.: «Р. Валент», 1999.
- Вишневская Г.М. Билингвизм и межкультурная коммуникация // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. Вып. 1. Иваново, 2001.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – 4-е изд. М.: «Р. Валент», 2009.
- Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. Москва, 2003. http://www.i-u.ru/biblio/archive/volkov_sociologija/04.aspx.
- Вопросы теории и методики учебного перевода. Сб. статей. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1950.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: «Международные отношения», 2001.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. Век XXI: От эмпиризма к рационализму // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 1/2008.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. – 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007.
- Гладысь Т. Человеку свойственно ошибаться, или как господин Вайсброт сочинял за автора. <http://correctura.narod.ru/czso.htm>.
- Гладысь Т. Человеку свойственно ошибаться. Ошибки, видимые невооруженным глазом. <http://correctura.narod.ru/vidimyje-oshibki.htm>.
- Готлиб К.Г.М. Междязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Кемерово, 1966.
- Дебрен М. Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок // Труды международной конференции «Диалог 2006». www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/Debrenne.pdf.
- Дербенева О.Д. Новые заимствования в русском языке (на материале СМИ) // Вестник ЦМО МГУ, 2/2009, Русистика.
- Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития // Przegląd Rusycystyczny, 3–4 (71–72)/1995.
- Ерановска-Гронческа Э. Лексико-семантическая интерференция [Электронный ресурс]: На примере устной и письменной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге / Дисс. канд. филолог. наук.: 10.02.20. М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
- Ермолович Д.И. «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... // Мосты. Журнал переводчиков, 4 (16)/2007.
- Ермолович Д.И. Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка // Мосты. Журнал переводчиков, 1 (21)/2009.
- Журналисты собрали «путинизмы» и «медведизмы» этого года, а языковеды прокомментировали. <http://obzor.westsib.ru/news/276630>.
- Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания, 5/2001.
- Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_46.
- Земская Е.А. О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XIX–XX веков (на материале русского языка) // Слово в словаре и дискурсе. М.: ЭЛПИС, 2006.

- Земская Е.А. Особенности речи русских эмигрантов четвертой волны. <http://www.gramota.ru/biblio/research>.
- Инькова И.Ю. Лексическая интерференция в итальянском и французском языках (проблемы «ложных друзей переводчика») / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1992.
- Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. М.: «Международные отношения», 1978.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.
- Карлинский А.Е. Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Алма-Ата: Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, 1989.
- Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Т. 2 / Сост., перев., вступит. ст. и коммент. И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фжерон. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Ковенева О.В. Таинственный мир коннотаций в лингвистике и теории перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 1/2008.
- Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / Предисл. М.Я. Цвиллинга. – 2-е изд., доп. М.: Изд. ЛКИ, 2007.
- Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России. Учебное пособие. М.: Изд. «ЭТС», 2002.
- Комиссаров В.Н. «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания (К постановке проблемы) // Мосты. Журнал переводчиков, 2 (6)/2005.
- Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М., 1999. http://www.classes.ru/grammar/113.komissarov_obshaya_teoriya_perevoda.
- Комиссаров В.Н. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей. М.: «Международные отношения», 1978.
- Комиссаров В.Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе. М.: «Международные отношения», 1973.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М.: Изд. «ЭТС», 1999.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Издательство БГУ, 1972.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стер. М.: «Знак», 2009.
- Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ответ. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>.
- Крысин Л.П. «Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях // Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: «Знак», 2008. <http://knigosite.ru/library/books/63895>.
- Кусаль К. Субстандартная межъязыковая омонимия как объект лексикографирования // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ЭЛПИС, 2006.
- Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема. СПб.: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 2006.

- Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2003.
- Лебединский С.И., Ревуцкий В.В., Забелло А.М. Теория и практика перевода. Минск: БГУ, 2001.
- Макин А. Французское завещание / Пер. К. Яхниной и И. Шаховской // Иностранная литература, 12/1996.
- Манакин В. Теоретическое и лексикографическое описание русской безэквивалентной лексики в славянском языковом пространстве // *Studia Rossica Posnaniensia* 28. Poznań, 1998.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996.
- Мирам Г.Э. Профессия: переводчик. Киев: «Ника-Центр», 1999.
- Миролюк Л. Русский язык «до» и «после» перестройки // *Przegląd Rusycystyczny*, 3–4 (71–72)/1995.
- Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // *Русистика*. Берлин, № 1/2/1994. <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>.
- Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. М.: «Флинта», «Наука», 2009.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). Учебное пособие. – 2-е изд. М.: «Флинта»: МПСИ, 2008.
- Норман Б.Ю. Значение слова и понятие: к развитию темы // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М.: «Азбуковник», 2002.
- Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: «Флинта», «Наука», 2006.
- Норман Б. Речевая масс-культура носителя языка: от цитаты до фразеологизма // *Przegląd Rusycystyczny*, 3–4 (83–84)/1998.
- Паришин А. Теория и практика перевода. http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm.
- Пиотровский Р.Г. Лингвистические уроки машинного перевода // Вопросы языкознания, 4/1985.
- Предисловие // Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский): Около 400 единиц. М.: «Русский язык», 1985.
- Предисловие // Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.
- Предисловие // Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В двух томах. Т. 1. – 9-е изд., стереотип. М.: «Р. Валент», 2010.
- Предисловие // Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: «Норинт», 2004.
- Протасова Е. Двоязычие и общество. <http://abvgd.russian-russisch.info/articles/83.html>.
- Раку Ж.П. Психогенезис речи в смешанных коммуникативных средах. http://www.cnaa.acad.md/files/theses/2008/7795/jana_racu_thesis.pdf.
- Рецкер Я.И. Пособие к курсу перевода с французского языка. М., 1949.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. М.: «Р. Валент», 2007.
- Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Ленинград: «Наука», 1972.
- Садиков А.В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте // Тетради переводчика. М.: «Международные отношения», 1984.
- Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания, 3/1995.
- Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008.

- Сердюченко Г.П.* Очерки по вопросам перевода. Нальчик: Кабард. научн.-исслед. инт. при Сов. Мин. КАССР, 1948.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных тестов в сознании и дискурсе. Москва: Academia, 2000.
- Соболев Л.Н.* Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952.
- Старостина Е.В.* Русский и российский: трудности определения // Вестник ЦМО МГУ, 1/2009. Русистика.
- Степаненко В.А.* Характеристика языка СМИ как выразителя языковой нормы // Вестник ЦМО МГУ, 1/2009. Русистика.
- Супрун А.Е.* Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе. Минск: «Народная Асвета», 1974.
- Телия В.Н.* Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008.
- Туровер Г.Я., Триста И.А. и др.* Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. М.: «Высшая школа», 1967.
- Усов Д.С.* Основные принципы переводческой работы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО Изд. Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.
- Федоров А.В.* О художественном переводе. Л.: ОГИЗ – издательство художественной литературы, 1941.
- Фінкель О.М.* Теорія й практика перекладу. Харків: ДВУ, 1929.
- Химик В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.
- Хуцишвили С.Д.* Славянские межъязыковые омонимы / Диссертация на соискание академической степени доктора филологии (Ph.D.). Тбилиси, 2010. <http://press.tsu.ge/GEO/internet/disertaciebi/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf>.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. – 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968.
- Чуковский К.И.* Искусство перевода. М.: Академия, 1936.
- Чуковский К.И., Федоров А.В.* Искусство перевода. Л.: Академия, 1930.
- Шаяхметова А.* Русский язык и детский билингвизм // Studia Rossica Poznaniensia 30. Poznań, 2002.
- Швей М., Лещак О.* Польско-русские и польско-украинские межъязыковые лексико-семантические диспропорции // Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej, T. 11. Kielce, 2002.
- Швейцер А.Д.* Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика 1970. Вып. 7. М.: «Международные отношения».
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: «Наука», 1988.
- Шеметов В.Б.* Курс лекций по теории перевода. http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/shemetovdoc.shtml.
- Шипицына Г.М.* О позитивном влиянии языка СМИ на развитие русского литературного языка XXI века // Сборник трудов III Международной научно-практической конференции «Журналистика». [Документ в электронном виде].
- Шмелев Д.Н.* Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.

- Шмелев Д.Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
- Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Л.: Учпедгиз, 1937.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода. [http:// sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=53&Itemid=61](http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=53&Itemid=61).
- Aleksander Z. Elementy lingworealizacyjne w nauczaniu języka rosyjskiego. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1982.
- Bajerowa I. Język ogólnopolski XX wieku // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2. Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński. Wrocław: „Wiedza o Kulturze”, 1993.
- Bartwicka H. К проблеме культурно-коннотированной лексики в двуязычных словарях (на материале русско-польских словарей) // Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. Warszawa: Wydawnictwo TAKT, 2006.
- Bartwicka H. Несколько слов о внеязыковых аспектах перевода // Ze studiów konfrontatywno-przekładowych nad językiem polskim i rosyjskim. Warszawa: Wydawnictwo TAKT, 2006.
- Bartwicka H. Rosyjski język potoczny. Słownictwo. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy, 2000.
- Białek E. Kolokacja w przekładzie. Studium rosyjsko-polskie. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009.
- Bogusławski A. O zasadach rejestracji jednostek języka // Poradnik Językowy, 8/1976.
- Bogusławski A. Uwagi o przekładzie i jego wartościowaniu // Przegląd Humanistyczny, 2/1978.
- Bogusławski A. Zagadnienia jednostek przekładowych // Problemy językoznawstwa porównawczego / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1976.
- Bogusławski A., Karolak S. Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym. Warszawa: Wiedza Po-wszeczna, 1973.
- Burkhardt H. Kulturemy i ich miejsce w teorii przekładu // Język a kultura, t. 20 / Red. A. Dąbrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008.
- Chlebda W. Frazematyka // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2. Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński, Wrocław: „Wiedza o Kulturze”, 1993.
- Chlebda W. Problem tzw. jednostek języka i praktyka przekładu na język obcy // Przegląd Rusycystyczny, 3–4 (55–56)/1991.
- Chlebda W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005.
- Chlebda W., Gołubiewa A., Wawrzyńczyk J., Wielg T. Idiomy polsko-rosyjskie / Польско-русские идиомы. Warszawa: PWN, 2003.
- Cieszyńska J. Dwujęzyczność, dwukulturowość – przekleństwo czy bogactwo? O poszukiwaniu tożsamości Polaków w Austrii. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2006.
- Dąbrowska M. Parę myśli o pracy przekładowej // O sztuce tłumaczenia / Red. M. Rusinek. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1955.
- Dębski R. Dwujęzyczność angielsko-polska w Australii. Języki mniejszościowe w dobie globalizacji i informatyzacji. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
- Dulewiczowa I. Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Fonetyka i fonologia. Grafia i ortografia. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1993.
- Gołubiewa A., Kowalska N. Ćwiczenia z gramatyki praktycznej języka rosyjskiego. Warszawa: PWN, 1999.
- Grosbart Z. О межъязычных омонимах // Язык rosyjski, 6/1958.
- Hejwowski K. Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Warszawa: PWN, 2006.

- Hoffman E.* Zagubione w przekładzie. Z angielskiego przełożył M. Ronikier. Londyn: «Aneks», 1995.
- Kamińska-Szmaj I.* Agresja językowa w życiu publicznym. Leksykon inwektyw politycznych 1918–2000. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2007.
- Kamińska-Szmaj I.* Słowa na wolności. Wrocław: Wydawnictwo Europa, 2001.
- Karski G.* Kłopoty tłumacza // O sztuce tłumaczenia / Red. M. Rusinek. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1955.
- Kerekes L.* Диалог разных языков и разных культур // Slavica tergestina 5 (1997).
- Kierzkowska D.* Tłumaczenie prawnicze. Warszawa: Wydawnictwo TEPIS, 2002.
- Kodeks tłumacza przysięgłego z komentarzem. Publikacja pod auspicjami Polskiego Towarzystwa Tłumaczy Przysięgłych i Specjalistycznych TEPIS. Wyd. 2. Warszawa, 2007.
- Kozłowska Z.* O przekładzie tekstu naukowego (na materiale tekstów językoznawczych). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.
- Kuroczycki T.* O wzajemnym oddziaływaniu języka rosyjskiego i innych języków narodów Związku Radzieckiego // Studia Rossica Posnaniensia 11. Poznań, 1979.
- Kusal K.* Русско-польская субстандартная лексика как источник межъязыковой омонимии // Slavica Wratislaviensia 133. Wrocław, 2005.
- Kusal K.* Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии. <http://www.biblioteka.vpu.lt/zmogusirzodis/PDF/svetimosioskalbos/2005/kusal.pdf>.
- Lachur Cz.* Współczesny język rosyjski. System gramatyczny (z ćwiczeniami). Opole: Wydawca Dariusz Karbowski, 1998.
- Lazari A., Riabow O.* Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze / Przeł. M. Żakowska. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008.
- Lebiedziński H.* Elementy przekładoznawstwa ogólnego. Warszawa: PWN, 1981.
- Lewicki R.* Экзотизация в переводе как вопрос переводческой стратегии // Slavia Orientalis 45, 3/1996.
- Lewicki R.* Obcość w odbiorze przekładu. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
- Lewicki R.* Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1986.
- Lipińska E.* Język ojczysty, język obcy, język drugi: wstęp do badań dwujęzyczności. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003.
- Lipiński K.* Vademecum tłumacza. Kraków: Wydawnictwo Idea, 2004.
- Lisowski J.* Dwujęzyczność // O sztuce tłumaczenia. Księga druga / Red. S. Pollak. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.
- Maryniakowa I.* Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Morfologia ze słowotwórstwem. Warszawa: Omnitech Press, 1993.
- Mędelaska J.* Тусовка. Русский язык XXI века. // Языки обce w szkole, 5/2003. С. 192. http://codn.codn.edu.pl/struktura/pjo/jows/pdf/2003_05.pdf.
- Micewicz T.* Zarys teorii przekładu. Zagadnienia wybrane. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1971.
- Mirkut L.* Tłumaczenie słowa żywego w działaniu (dezyderaty dla studentów specjalizacji tłumaczeniowej) // Nauczanie języka rosyjskiego studentów filologii rosyjskiej / Red. H. Rycyk-Sztajdel. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006.
- Ożóg K.* Zmiany we współczesnym języku polskim i ich uwarunkowania // Język a kultura 20 / Red. A. Dąbrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008.
- Pieńkos J.* Przekład i tłumacz we współczesnym świecie. Warszawa: PWN, 1993.
- Pisarska A., Tomaszewicz T.* Współczesne tendencje przekładoznawcze. Podręcznik dla studentów neofilologii. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998.

- Polański K.* Polisemia (wieloznaczność) // Encyklopedia językoznawstwa ogólnego / Red. K. Polański, Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999.
- Przedmowa* // *Dembska K.* Rosyjsko-polski słownik eufemizmów semantycznego pola seksu. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007.
- Spirydowicz M.* Gramatyka dydaktyczna języka rosyjskiego. Podręcznik dla szkół wyższych. Warszawa: PWN, 1979.
- Szadyko S.* Poradnik gramatyczny współczesnego języka rosyjskiego. Warszawa: Księgarnia Gandalf, 2004.
- Tryuk M.* Przekład ustny konferencyjny. Warszawa: PWN, 2007.
- Tryuk M.* Przekład ustny środowiskowy. Warszawa: PWN, 2006.
- Visson L.* The problem of Teaching Simultaneous Interpretation from a Native into a Foreign Language / *Виссон Л.* О синхронном переводе на иностранные языки: проблемы преподавания // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 1/2009.
- Wadas-Woźny H.U.* Teoria i praktyka przekładu – wybrane zagadnienia (gramatyka porównawcza języka polskiego i rosyjskiego) / *Вадас-Возьны Х.У.* Избранные вопросы теории и практики перевода (сопоставительная грамматика польского и русского языков). Siedlce: Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania, 2004.
- Wawrzyńczyk J.* Aktualne problemy leksykografii polsko-rosyjskiej // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006.
- Wawrzyńczyk J.* Język rosyjski w słownikach polsko-rosyjskich powojennego czterdziestolecia // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006.
- Wawrzyńczyk J.* Materiały do badań nad rosyjskimi napisami miejskimi // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006.
- Wawrzyńczyk J.* O rozwoju leksykografii rosyjsko-polskiej // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006.
- Wierzbicka A.* Podwójne życie człowieka dwujęzycznego // Język polski w świecie / Red. W. Miodunka. Kraków, 1990.
- Winiarska J.* Czy polskich tłumaczy trzeba uczyć języka polskiego? // Język trzeciego tysiąclecia. II. Polszczyzna a języki obce: przekład i dydaktyka / Red. W. Chłopicki. Kraków: Krakowskie Towarzystwo Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej «Tertium», 2002.
- Wojtasiewicz O.* Wstęp do teorii tłumaczenia. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwo TEPIS Polskiego Towarzystwa Tłumaczy Ekonomicznych, Prawniczych i Sądowych, 2007.
- Wójcik T.* Gramatyka języka rosyjskiego. Studium kontrastywne. Warszawa: PWN, 1973.
- Zgółkowa H., Zgółka T.* Polonistyczna dydaktyka uniwersytecka a Podstawa programowa kształcenia językowego przygotowana przez zespół prof. Bożeny Chrzastkowskiej // Język polski jako przedmiot dydaktyki uniwersyteckiej / Red. J. Bartmiński, M. Karwatowska. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
- Zych A.* Zjawisko synonimii, antonimii i homonimii w polskich i rosyjskich gniazdach słowotwórczych z przymiotnikami wyjściowymi nazywającymi barwę. <http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/jrn/1999/j4/pril/pril06.1artsyn.htm>.

Interferencja leksykalno-semantyczna w procesie przekładu (na materiale języków rosyjskiego i polskiego)

Streszczenie

Niniejsza monografia poświęcona jest analizie zjawiska interferencji leksykalno-semantycznej w procesie przekładu na materiale języków rosyjskiego i polskiego. Interferencja rozumiana zgodnie z jedną z licznych definicji jako „oddziaływanie systemu jednego języka na inny w warunkach dwujęzyczności”^{*} jest wymieniana wśród potencjalnych źródeł błędów w przekładzie przez niemalże wszystkich badaczy zajmujących się translatoryką.

Pojęcie interferencji leksykalno-semantycznej pozwoliło na dokonanie możliwie wszechstronnej analizy z uwzględnieniem nie tylko zjawisk *stricte* lingwistycznych, ale również obecnych w procesie przekładu elementów o charakterze kulturowym i realizmowym, co przenosi nas w sferę językowego obrazu świata. Wybór leksykalnego podsystemu języka jest uzasadniony jego otwartością i zmiennością w przeciwieństwie do zasadniczo stabilnych podsystemów – gramatycznego i fonetycznego, co wiąże się z koniecznością nieustannego śledzenia zmian językowych i opisu mechanizmu ich pojawiania się. Rozszerzenie zakresu rozpatrywanej tematyki o elementy rzeczywistości pozajęzykowej – kultury, mentalności i realiów, które znajdują odzwierciedlenie w języku, wynika z ogólnie obserwowanego w językoznawstwie końca XX wieku przeniesienia punktu ciężkości z badania struktury języka na badania warunków jego stosowania^{**}. Odpowiada ono też współczesnej koncepcji tłumaczenia jako aktu komunikacji międzykulturowej, w którego trakcie jest przełamywana nie tylko bariera międzyjęzykowa, lecz także etnokulturowa. Dlatego też uwaga została skoncentrowana nie tylko na słowie jako jednostce przekładu, ale również na innych całościach występujących w trakcie tłumaczenia, a więc frazemach, czyli stałych, odtwarzanych w danych sytuacjach formach wyrażania obejmujących związki wyrazowe, frazeologizmy, formuły etykiety językowej, skrzydlate wyrażenia.

Badanie problematyki interferencji leksykalno-semantycznej wymagało odwołania się do prac teoretycznych z zakresu bilingwizmu, kontaktów językowych, teorii przekładu, różnych aspektów interferencji, homonimii międzyjęzykowej, leksykografii, komunikacji międzykulturowej i kulturologii, a także realizmizmu, leksyki potocznej i nienormatywnej oraz frazematyki współczesnego języka rosyjskiego i polskiego.

Za punkt wyjścia do analizy zjawiska interferencji przyjęto rosyjskie tłumaczenia polskich artykułów prasowych umieszczone na stronie internetowej www.inosmi.ru w zestawieniu z tekstami wyjściowymi, przekłady rosyjskich artykułów zamieszczane w tygodniku „Forum” oraz na portalu internetowym www.onet.pl. Posłużono się również pojedynczymi przykładami zaczerpniętymi z li-

^{*} H.K. Гарбовский, Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М., 2007. С. 316.

^{**} С.Г. Воркачев, Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 10.

teratury przedmiotu oraz obserwacjami dokonanymi przez autora w trakcie zajęć z praktyki przekładu. W monografii wykorzystano wyniki analizy porównawczej około 370 artykułów ze strony www.inosmi.ru, 120 – z tygodnika „Forum” i ok. 70 z portalu www.onet.pl. Spośród łącznej liczby przeanalizowanych odpowiedniości translatorycznych w charakterze materiału ilustracyjnego wybrano najbardziej typowe przypadki interferencji oraz pojedyncze przykłady udanych rozwiązań przekładowych. Ponadto w ramach analizy porównawczej wykorzystano liczne źródła leksykograficzne – słowniki objaśniające, przekładowe i specjalistyczne obydwu badanych języków. Włączono również wyniki dwóch serii eksperymentu translatorycznego przeprowadzonego wśród studentów wrocławskiej rusycystyki.

W monografii szczegółowo scharakteryzowano interferencję leksykalno-semantyczną w procesie przekładu, wskazując główne przyczyny pojawiania się tego zjawiska oraz jego skutki; stwierdzono zasadność wyodrębnienia interferencji przekładowej jako zjawiska różniącego się od interferencji językowej; przedstawiono specyfikę danego zjawiska dla pary języków blisko pokrewnych – rosyjskiego i polskiego; wymieniono podstawowe trudności translatoryczne i konsekwencje interferencji języków blisko pokrewnych; opisano specyfikę interferencji w powiązaniu z kierunkiem tłumaczenia; wskazano i opisano najbardziej obfite źródła interferencji leksykalno-semantycznej.

Niniejsza praca składa się ze wstępu, czterech rozdziałów, zakończenia oraz wykazu źródeł internetowych, prasowych, leksykograficznych i spisu literatury.

W rozdziale pierwszym został omówiony problem bilingwizmu jako czynnika warunkującego proces przekładu. Dokonano przeglądu typów bilingwizmu, wyodrębniając i poddając analizie szczególnie rodzaj dwujęzyczności – bilingwizm przekładowy.

W rozdziale drugim rozpatrzono problem interferencji, analizując podstawowe definicje tego zjawiska w odniesieniu do procesu przekładu.

W rozdziale trzecim przeanalizowano interferencję na poszczególnych poziomach systemu języka – dźwiękowym, gramatycznym, leksykalno-semantycznym.

Rozdział czwarty został podzielony na 12 punktów, w których szczegółowo przeanalizowano kwestię interferencji leksykalno-semantycznej. W pierwszym punkcie zwrócono uwagę na potencjalne przyczyny interferencji na poziomie wewnątrzjęzykowym – homonimii, paronimii, polisemii. W drugim punkcie wprowadzono i zdefiniowano pojęcia znaczenia denotatywnego, pragmatycznego i konotatywnego. W punkcie trzecim przedstawiono typologię homonimii językowej jako bogatego źródła błędów interferencyjnych. W czwartym punkcie opisano problem łączliwości wyrazów jako podłoża procesów interferencyjnych. W punkcie piątym przybliżono problem uwarunkowania interferencji procesami zmian językowych we współczesnym języku rosyjskim i polskim (ze szczególnym uwzględnieniem słownictwa potocznego i nienormatywnego). W szóstym punkcie podjęto próbę scharakteryzowania i ukazania znaczenia potencjalnych pozytywnych interferentów w procesie przekładu. W punkcie siódmym przeanalizowano frazemy jako potencjalne źródło interferencji. Punkt ósmy został poświęcony problemowi wpływu procesów interferencyjnych na naturalność odbioru tekstu przekładu przez rodzimego użytkownika języka. W punkcie dziewiątym dokonano krótkiego przeglądu przyczyn interferencji tkwiących w procesie dydaktycznym. W punkcie dziesiątym przeprowadzono analizę dużych słowników dwujęzycznych, ujawniając obecność w nich par interferentów. W punkcie jedenastym zwrócono uwagę na interferencję wywołaną przez czynniki o charakterze realizmowym, kulturowym i socjolingwistycznym. W punkcie dwunastym przedstawiono specyfikę interferencji w zależności od kierunku tłumaczenia (na język ojczysty lub obcy).

W zakończeniu dokonano podsumowania monografii i zaprezentowano wnioski.

Lexical-semantic interference in the translation process (in Russian and Polish)

Summary

The monograph is an analysis of lexical-semantic interference in the translation process as exemplified by the Russian and the Polish language. Interference understood, under one of its numerous definitions, as an “impact of one language system on another in bilingual conditions”^{*} is listed among the potential sources of translation mistakes by nearly all scholars involved in translation studies.

The concept of lexical-semantic interference has made it possible to carry out a comprehensive analysis including not only strictly linguistic phenomena but also elements, present in the translation process, related to culture studies, which transport us to the sphere of linguistic image of the world. The choice of the lexical subsystem of the language is dictated by its openness and variability, which make it unlike the generally stable grammatical and phonetic subsystems, and which necessitate continuous following of changes in the language and description of the mechanism by means of which these changes occur. The expansion of the scope of the subject to include elements of the extra-linguistic reality – culture, mentality and everyday reality, which are reflected in language – results from a general trend in late 20th century linguistics to shift its focus from the structure of the language to the conditions of its application^{**}. It also corresponds to the contemporary concept of translation as an act of intercultural communication during which not only the interlingual but also the ethnocultural barriers are overcome.

That is why the focus is not only on the word as a translation unit, but also on other units of translation, i.e. phrasemes or set forms of expression uttered in specific situations, forms including idioms, set phrases, forms of linguistic etiquette and winged words.

In order to examine the problem of lexical-semantic interference, the author has had to draw on theoretical works devoted to bilingualism, linguistic contacts, translation theory, various aspects of interference, interlingual homonymy, lexicography, intercultural communication and culturology, cultural studies, colloquial and non-normative lexical items as well as phrasemes in modern Russian and Polish.

The starting point for the author’s analysis of interference is Russian translations of Polish press articles published by www.inosmi.ru compared to original texts, and translations of Russian articles published by the *Forum* weekly and the internet portal www.onet.pl. The author also uses examples from the literature on the subject as well as his observations from practical translation classes. The

^{*} *Н.К. Гарбовский*, Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М., 2007. С. 316.

^{**} *С.Г. Воркачев*, Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 10.

monograph includes the results of a comparative analysis of about 370 articles from www.inosmi.ru, 120 from the *Forum* weekly and about 70 from www.onet.pl. From all the translation responses analysed, the author has chosen, as illustrations, the most typical cases of interference as well as examples of successful translation solutions. In addition, the author's comparative analysis draws on a number of lexicographic sources – descriptive, translation and specialist dictionaries of both languages in question. It also includes the results of two series of a translation experiment carried out among students of the Russian studies department in Wrocław.

In the monograph the author provides a detailed description of lexical-semantic interference during translation, pointing to the main causes of this phenomenon as well as its consequences; he confirms the legitimacy of distinguishing translation interference as a phenomenon different from linguistic interference; he presents the specific nature of the phenomenon in relation to a pair of closely related languages – Polish and Russian; lists the basic difficulties in translation and consequences of interference between closely related languages; describes the specific nature of interference in relation to the direction of translation; indicates the richest sources of lexical-semantic interference.

The book comprises an introduction, four chapters, conclusion as well as a list of internet, press, lexicographic and literature sources.

Chapter one explores the problem of bilingualism as a factor determining the translation process. The author presents an overview of the types of bilingualism, analysing in detail a special case of bilingualism – translation bilingualism. In chapter two he examines the problem of interference, analysing the basic definition of the phenomenon with regard to translation. In chapter three he analyses interference at the various levels of the language system – sounds, grammar as well as lexis and semantics.

Chapter four is divided into 12 points in which the author carries out a detailed analysis of lexical-semantic interference. In point one he indicates potential causes of interference on the intralingual level – homonyms, paronyms, polysemes. In point two he introduces and defines the concepts of denotative, pragmatic and connotative meaning. Point three explores the typology of linguistic homonymy as a rich source of interference-related errors. Point four provides a description of the problem of word linking as a foundation of interference processes. In point five the author examines interference determinants related to changes in contemporary Russian and Polish (taking particular account of colloquial and non-normative vocabulary). In point six he tries to present the significance of potentially positive interferers in the translation process. In point seven the author analyses phrasemes as a potential source of interference. Point eight is devoted to the impact of interference processes on the natural reception of translations by native speakers. Point nine is a brief overview of the causes of interference related to the teaching process. In point ten the author analyses large bilingual dictionaries, pointing to interferer pairs to be found in them. In point eleven the author examines interference caused by cultural and socio-linguistic factors. In point twelve he examines the specific nature of interference depending on the direction of translation (into the mother tongue or into the foreign language).

At the end, the author sums up the monograph and presents his conclusions.

Translated by Anna Kijak

Именной указатель

- Абдигалиев С.А. 12, 32, 40
Абрамова И.Е. 44
Авронин В.А. 23
Айтжанов Т.Б. 12, 31
Акуленко В.В. 12, 66, 76
Александр З. (Aleksander Z.) 80, 87
Алексеева И.С. 8, 9, 12, 142, 143, 161
Алимов В.В. 12, 35, 36, 38, 43–45, 50, 65, 109
Анусевич Я. (Anusiewicz J.) 98, 102
Апресян Ю.Д. 12, 62, 164
Ахманова О.С. 19
Ахунзянов Э.М. 12, 20, 23, 34
- Бавей И. (Bawej I.) 12, 40
Багана Ж. 12, 19, 21, 25, 30, 37, 40, 51
Баер И. (Bajerowa I.) 13, 96
Бартовицка Х. (Bartwicka H.) 12, 13, 44, 45, 94, 145, 154, 155, 173
Бартмиński Е. (Bartmiński J.) 96, 126, 143
Бархударов Л.С. 12, 60, 62, 66, 77, 81, 86, 87
Беглова Е.И. 13, 94
Бельчиков Ю.А. 59
Бернштейн С.И. 44
Бобран М. (Bobran M.) 118
Богданович-Песик И. (Bogdanowicz-Piesik I.) 67
Богуславски А. (Bogusławski A.) 13, 45, 118, 120
Борев В. (Boriew W.) 67, 89, 126, 155
Бузаджи Д.М. 13, 105
Булыгина Т.В. 60, 61
Бурвикова Н.Д. 12, 122
Буркхардт Х. (Burkhardt H.) 144
Бурыкин А.А. 18
Бялэк Э. (Bialek E.) 119
- Вавжиньчик Я. (Wawrzyńczyk J.) 12, 98, 107, 119, 134–136, 139, 140, 173, 180
Вадас-Возьны Х.У. (Wadas-Woźny H.U.) 12, 19, 20, 27, 38, 111
Вайнрайх У. 11, 12, 17, 19, 20, 31, 32, 39, 45, 115
- Валенса Л. 95
Вальтер Х. 13, 67, 68
Вежбицка А. (Wierzbiicka A.) 22
Вельг Т. (Wielg T.) 119
Верещагин Е.М. 12, 18, 21, 25–27, 145, 146, 155
Виноградов В.С. 12, 60, 118, 131, 147, 151
Винярска Й. (Winiarska J.) 143
Виссеман Х. 54
Виссон Л. (Visson L.) 12, 52, 166, 167
Вишневская Г.М. 12, 20, 110
Влахов С. 12, 145
Воинова Л.А. 119
Войтасевич О. (Wojtasiewicz O.) 8, 9, 12, 162
Волков Ю.Г. 97
Воркачев С.Г. 12, 144
Воскобойник Г.Д. 163
Вуйцик Т. (Wójcik T.) 46
Вышковски К. (Wyszkowski K.) 95
- Гайос Я. (Gajos J.) 163
Гак В.Г. 12
Галь Н. 142
Гарбовский Н.К. 9–12, 28–31, 41, 44, 60, 63–66, 76, 112, 132
Гессен Д. (Hessen D.) 79, 134
Гете 7
Гладысь Т. 59, 104, 105
Говорухин С.С. 97
Гоголь 7
Голубева А. (Gołubiewa A.) 45, 119
Гораций 7
Горбачев М.С. 166
Готлиб К.Г.М. 63, 109
Гоффман Э. (Hoffman E.) 22
Гоца Н.В. 95
Грачев М.А. 98
Грек-Пабис И. (Grek-Pabis I.) 98, 134
Гросбарт З. (Grosbart Z.) 63
Гроховски М. (Grochowski M.) 98
Гумбольдт В. 7
Гутт Э.-А. 9

- Гушмидт К. 96
 Гюлюмянц К.М. 119
- Данте 7
 Дебрен М. 109
 Дембска К. (Dembska K.) 106
 Дембски Р. (Dębski R.) 12, 21
 Денисова М.А. 155
 Дербенева О.Д. 97
 Дешериев Ю.Д. 20
 Доле Э. 7
 Домбровска А. (Dąbrowska A.) 96, 144
 Домбровска М. (Dąbrowska M.) 115
 Дорошевски В. (Doroszewski W.) 57
 Дорстер Л. 9
 Дулевич И. (Dulewicz I., Dulewiczowa I.) 45, 98, 134
 Дуличенко А.Д. 13, 68
 Дунай Б. (Dunaj B.) 52, 57
 Душенко К.В. 158
- Егер Г. 9
 Елистратов В.С. 98
 Ерановска-Гронческа Э. 12, 72
 Ермакова О.П. 98
 Ермолович Д.И. 12, 63–67, 78, 163–165
 Ефремова Т.Ф. 48
- Жаковска М. (Żakowska M.) 175
 Жириновский В.В. 95
- Забелло А.М. 7
 Завьялова М.В. 12, 26
 Задорнов М.Н. 165
 Згулко Т. (Zgółko T.) 143
 Згулко Х. (Zgółko H.) 143
 Земская Е.А. 12, 13, 37, 96, 98, 103
 Зубов А.В. 10
 Зубова И.И. 10
 Зых А. (Zych A.) 57
- Иероним св. 7
 Инькова И.Ю. 54
- Каде О. 9, 12, 64
 Каминьска-Шмай И. (Kamińska-Szmaj I.) 103
 Каня С. (Kania S.) 98
 Кара-Мурза С.Г. 84
 Карватовска М. (Karwatowska M.) 143
 Карлинский А.Е. 12, 54
 Кароляк С. (Karolak S.) 45
- Карски Г. (Karski G.) 142
 Картье Ж. 7
 Катцер Ю.М. 165
 Квеселевич Д.И. 98, 99
 Кежковска Д. (Kierzkowska D.) 131
 Керекес Л. (Kerekes L.) 88
 Клоков В.Т. 51
 Кнышев А. 58
 Ковальска Н. (Kowalska N.) 45
 Ковенева О.В. 62
 Козловска З. (Kozłowska Z.) 142
 Комиссаров В.Н. 7–10, 12, 27, 28, 62, 63, 92, 123, 130, 131, 162, 164
 Копанев П.И. 118
 Костомаров В.Г. 12, 48, 122, 145, 146, 155
 Кронгауз М. 96
 Кроткий Э. 58
 Крупнов В.И. 12, 123
 Крылов С.А. 60, 61
 Крысин Л.П. 11–13, 35, 37, 97, 99
 Кузнецов С.А. 99, 168
 Куравлев Л.В. 165
 Курочицки Т. (Kuroczycki T.) 34
 Кусаль К.Ч. (Kusal K.) 12, 13, 63, 66, 68, 93, 106, 116
- Лазари А. (Lazari A.) 175
 Латышев Л.К. 12, 147, 163, 164
 Лебедзиньски Х. (Lebiedziński H.) 12, 58
 Лебединский С.И. 7
 Левисон Й. (Lewison J.) 98
 Левицки Р. (Lewicki R.) 12, 71, 104, 125, 131
 Ледерер М. 9
 Ленин В.И. 158
 Леонова Л.А. 121
 Лещак О. 111
 Линда Б. (Linda B.) 165
 Липиньска Э. (Lipińska E.) 12, 24
 Липиньски К. (Lipiński K.) 10, 12, 166
 Лис Т. (Lis T.) 165
 Лисовски Е. (Lisowski J.) 12, 24
 Лукшин Ю. (Lukszyn J.) 63
 Лютер М. 7, 118
 Лясковик З. (Laskowik Z.) 165
 Ляхур Ч. (Lachur Cz.) 45
- Макин А. 22
 Манакин В. 148
 Мариняк И. (Maryniak I., Maryniakowa I.) 45, 98, 134
 Марчук Ю.Н. 9

- Медведев Д.А. 95, 103
 Мейе А. 45
 Мендельска Ё. (Mędelska J.) 32
 Мечковская М.Б. 21
 Миньяр-Белоручев Р.К. 12, 118
 Мёдек Я. (Miodek J.) 84
 Мёдунка В. (Miodunka W.) 22
 Мирам Г.Э. 168
 Миркут Л. (Mirkut L.) 143
 Мирович А. (Mirowicz A.) 98, 134
 Миронюк Л. 13, 68
 Мицевич Т. (Micewicz T.) 144, 166
 Мокиенко В.М. (Mokijenko W.) 13, 67, 68, 98, 106, 122
 Молотков А.И. 118, 119, 135
 Мунен Ж. 9, 12, 29
- Найда Ю. 9, 12, 130
 Нелюбин Л.Л. 10
 Несёловски С. 95
 Нестерова Н.М. 10
 Никитин М.В. 13, 105
 Никитина Т.Г. 98
 Нойберт А. 9, 12
 Норман Б.Ю. 83, 118, 122
 Ньюмарк П. 9
- Ожуг К. (Ożóg K.) 96
- Палажченко П.Р. 35
 Паликот Я. 95
 Паршин А. 11
 Пенькос Е. (Pieńkos J.) 8
 Петрова О.В. 8
 Пиотровский Р.Г. 54
 Писарска А. (Pisarska A.) 9
 Познер В.В. 165
 Полляк С. (Pollak S.) 24
 Поляньски К. (Polański K.) 57
 Протасова Е. 24, 25
 Протченко И.Ф. 20
 Прохоров Ю.Е. 153
 Путин В.В. 95, 100, 157
 Пушкин А. 7
- Рагу Ж.П. 12, 21–23, 25, 40
 Ревцкий В.В. 7
 Рецкер Я.И. 8, 12, 78, 124, 125, 127, 141
 Робски О. 150
 Розенцвейг В.Ю. 12, 33, 38, 39
- Розина Р.И. 98
 Ромашевски З. (Romaszewski Z.) 95
 Роникер М. (Ronikier M.) 22
 Русинек М. (Rusinek M.) 115, 142
 Рыцк-Штайдель Х. (Rycyk-Sztajdel H.) 143
 Рябов О. (Riabow O.) 175
- Садиков А.В. 109, 110
 Самек Д. (Samek D.) 119
 Санников В.З. 58
 Сдобников В.В. 8
 Селескович Д. 9
 Семенов А.Л. 12, 147, 163
 Сервантес 7
 Сердюченко Г.П. 8
 Скавиньски Я. (Skawiński J.) 98, 102
 Слышкин Г.Г. 12, 146
 Снелл-Хорнби М. 9
 Соболев Л.Н. 8
 Спирыдович М. (Spirydowicz M.) 45
 Старостина Е.В. 83
 Степаненко В.А. 96
 Стомма Л. (Stomma L.) 98
 Стыпула Р. (Stypuła R.) 79, 134
 Супрун А.Е. 12, 19, 38, 39
 Эспир Э. 45
- Тайтлер А. 7
 Теля В.Н. 12, 61, 62
 Тер-Минасова С.Г. 12, 88, 120, 123
 Томашкевич Т. (Tomaszkiewicz T.) 9
 Триста И.А. 166
 Трубецкой Н.С. 43
 Трыук М. (Tryuk M.) 7, 10
 Тувим Ю. (Tuwim J.) 98
 Туровер Г.Я. 166
 Туфганка У. (Tuftanka U.) 98
- Усов Д.С. 8
 Ушаков Д.Н. 75, 108
- Федоров А.В. 8, 12, 135
 Фінкель О.М. 8
 Флорин С. 12, 145
- Хапилина Е.В. 12, 19
 Хациньски Б. (Chaciński B.) 98
 Хватов В. (Chwatow S.) 100
 Хейвовски К. (Hejwowski K.) 12, 163
 Хшонстковска Б. (Chrzastkowska B.) 143

- Химик В.В. 13, 94–96, 98
Хлебда В. (Chlebda W.) 13, 118, 119, 121, 122, 126
Хлопицки В. (Chłopicki W.) 143
Хухуни Г.Т. 10
Хуцишвили С.Д. 68

Цвиллинг М.Я. 62, 92, 130
Цицерон 7
Цьешиньска Я. (Cieszyńska J.) 12, 17

Чернов Г.В. 12, 167, 168
Чешевски М. (Czeszewski M.) 98
Чуковский К.И. 8, 132, 142

Шадыко С. (Szadyko S.) 45, 132
Шаховская И. 22

Шаяхметов А. 12, 24, 40
Швей М. 111
Швейцер А.Д. 11, 12, 29, 144
Шеметов В.Б. 131
Шипицына Г.М. 126
Шмелев Д.Н. 56, 57
Шубин Э.П. 121
Шулежкова С. (Szuleżkowa S.) 122

Щерба Л.В. 12, 20, 35, 43, 44

Эразм 7

Якобсон Р. 8, 9, 82
Ярцева В.Н. 56, 59–62
Яхнина К. 22

Sprzedaż wysyłkową publikacji
Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego
prowadzi
Dział Handlowy
Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o.o.
50-137 Wrocław, pl. Uniwersytecki 15
tel./fax 71 3752507, tel. 71 3752885
e-mail: marketing@wuwr.com.pl
www.wuwr.com.pl

Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego
zaprasza do swoich księgarni:

- Księgarnia internetowa: www.wuwr.com.pl
 - Księgarnia Uniwersytecka
50-138 Wrocław, pl. Uniwersytecki 15, tel. 71 3752923
 - Księgarnia Naukowa im. Mikołaja Kopernika
50-138 Wrocław, ul. Kuźnicza 49/55, tel. 71 3752850
- Księgarnia prowadzi również sprzedaż wysyłkową wszystkich książek
znajdujących się w jej ofercie handlowej.